ISSN 2542-2197

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

3
выпуск (897)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2025

1930

ISSN 2542-2197

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

3 Issue (897)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2025

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 3 (897)

Издается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Горожанов Алексей Иванович
доктор филологических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

Ответственный секретарь
Фурсова Дарья Аветисовна
кандидат культурологии
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев Александр Петрович	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бондарчук Галина Григорьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бубнова Галина Ильинична	доктор филологических наук, профессор Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва)
Гусейнова Иннара Алиевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Евтушенко Ольга Валерьевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Ершова Галина Григорьевна	доктор исторических наук, профессор Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
Ирисханова Ольга Камалудиновна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Каменский Михаил Васильевич	доктор филологических наук, доцент Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)
Киосе Мария Ивановна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Косиченко Елена Федоровна	доктор филологических наук, доцент Национальный исследовательский университет «МЭИ» (Москва)
Космарская Искра Вадимовна	кандидат филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Краева Ирина Аркадьевна	кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Кузнецов Валерий Георгиевич	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Логинова Елена Георгиевна	доктор филологических наук, доцент Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина (Рязань)
Малыгина Ирина Викторовна	доктор философских наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Осьминина Елена Анатольевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Потапова Родмонга Кондратьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Слышкин Геннадий Геннадьевич	доктор филологических наук, профессор Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)
Солнышкина Марина Ивановна	доктор филологических наук, профессор Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)
Сорокина Татьяна Сергеевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Толкачев Сергей Петрович	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Харитончик Зинаида Андреевна	доктор филологических наук, профессор Минский государственный лингвистический университет (Минск)
Ченки Алан Джосеф	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва) Свободный университет (Амстердам)
Чернова Юлия Владимировна	кандидат филологических наук Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Шаталова Наталья Станиславовна	доктор педагогических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)

VESTNIK
OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 3 (897)

Published by the decision of the Academic Council
of Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
Gorozhanov Alexey Ivanovich
Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor
Moscow State Linguistic University (Moscow)

Executive Secretary
Fursova Daria Avetisovna
PhD in Culturology
Moscow State Linguistic University (Moscow)

EDITORIAL BOARD

Bondarev Alexander Petrovich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bondarchuk Galina Grigorievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bubnova Galina Ilinichna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Lomonosov Moscow State University (Moscow)
Guseynova Innara Alievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Yevtushenko Olga Valeryevna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Ershova Galina Grigorievna	Doctor of History (Dr. habil), Professor Russian State University for the Humanities (Moscow)
Iriskhanova Olga Kamaludinovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kamensky Mikhail Vasilyevich	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor North Caucasian Federal University (Stavropol)
Kyose Maria Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kosichenko Elena Fedorovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor National Research University "MPEI" (Moscow)
Kosmarskaya Iskra Vadimovna	PhD in Philology, Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kraeva Irina Arkadyevna	PhD in Philology, Associate Professor, Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kuznetsov Valery Georgievich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Loginova Elena Georgievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Ryazan State University named after S.A. Esenin (Ryazan)
Malygina Irina Viktorovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Osminina Elena Anatolievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Potapova Rodmonga Kondratievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Slyshkin Gennady Gennadyevich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)
Solnyshkina Marina Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan)
Sorokina Tatiana Sergeevna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Tolkachev Sergey Petrovich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kharitonchik Zinaida Andreyevna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Minsk State Linguistic University (Minsk)
Cenki Alan Josef	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow), Free University (Amsterdam)
Chernova Yulia Vladimirovna	PhD in Philology Moscow State Linguistic University (Moscow)
Shatalova Natalya Stanislavovna	Doctor of Pedagogy (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)

ЛИНГВИСТИКА

ЯЗЫК В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ

MVHVΛV: к интерпретации тосканской эпиграфической надписи
ВАЛЬКОВ Д. В. 9

Скрипт телесериала как объект корпусного исследования (на материале саги «Звездный путь»)
ГОРОЖАНОВ А. И. 17

Стирание лингвокультурных различий в институциональном дискурсе (на материале российского и вьетнамского парламентского дискурса)
ТХИ МИНЬ НГУЕТ НГУЕН, ГЕРМАНОВА Н. Н. 25

Экспериментальное исследование психологической актуальности символического содержания цветообозначений (на материале китайского языка)
ПИЩАЛЬНИКОВА В. А., ЦЗЯЦЯНЬ У. 33

Синонимическое варьирование как результат индивидуально-авторской художественной рефлексии при описании характера персонажа
СЕРЕБРЯКОВА С. В., ПРОТОПОПОВ И. Е. 40

ДИСКУРСИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Речеактовая специфика гармонизации коммуникации в дискурсе социальной работы
БРЕДИХИНА Ю. И. 48

Лингвотипология гибридного делиберативного сетевого дискурса болельщиков
ЗАХРА О. В., БРЕДИХИН С. Н. 56

Прагматический потенциал интертекстуальности во франкоязычном интернет-дискурсе
БЫКОВА О. А. 65

Пространственный дейксис в спонтанном экспозиторном диалоге: экспериментальное исследование
КИОСЕ М. И. 73

Организующий принцип и стратегии американского предвыборного дискурса (на материале теледебатов между К. Харрис и Д. Трампом)
КОСИЧЕНКО Е. Ф. 81

ЛЕКСИКОЛОГИЯ, СЕМАНТИКА, ФОНЕТИКА

Топонимы во фразеологизмах: о деонимизации имен собственных и реконструкции этимона
ЕВДОКИМОВА М. С., ЦВЕТАЕВА Е. Н. 90

Функционирование шахматных терминов в качестве метафор в текстах цифровых СМИ (на материале вьетнамоязычных цифровых СМИ)
СЕРДЮКОВ А. А., ХУХУНИ Г. Т. 97

СОДЕРЖАНИЕ

Региональные особенности мелодики североанглийских диалектов
ШИШОВА П. К. 105

Отражение эмпирической и метафорической связи концептов «время» и «возраст» в английских и русских устойчивых выражениях и паремиях
ЩЕРБО П. А. 112

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Идиостиль С. А. Клычкова и дискуссия о языке
СОЛНЦЕВА Н. М. 122

Мультикультурная британская проза: роман Элиф Шафак «Остров пропавших деревьев»
ЮЗМУХАМЕТОВА Л. Н. 129

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Ценность «诚信» / «честность» в китайской лингвокультуре
ДУБКОВА О. В. 136

Сопоставление ценности Arbeit (труд) в немецкой и австрийской лингвокультурах
ХЛОПОВА А. И. 144

LINGUISTICS

LANGUAGE IN THE SPACE OF CULTURE

MVHVΛV: towards the Interpretation of the Tuscan Epigraphic Inscription
VALKOV D. V. 9

TV Series Script as an Object of Corpus Research (based on "Star Trek" saga)
GOROZHANOV A. I. 17

Blurring of Linguo-Cultural Differences in the Institutional Discourse (based on Russian and Vietnamese parliamentary discourse)
THI MINH NGUYET NGUYEN, GUERMANOVA N. N. 25

An Experimental Study of the Psychological Relevance of the Symbolic Content of Color Meanings (based on the material of the Chinese Language)
PISHCHALNIKOVA V. A., JIAQIAN WU 33

Synonymic Variation as a Result of Individual Author's Literary Reflection in the Description of a Fictional Character
SEREBRIAKOVA S. V., PROTOPOPOV I. E. 40

DISCURSIVE RESEARCH

Speech Act Specifics of Communication Harmonization within the Social Work Discourse
BREDIKHINA YU. I. 48

Linguotypology of Hybrid Deliberative Network Discourse of Sport Fans
ZAHRA O. V., BREDIKHIN S. N. 56

Pragmatic Potential of Intertextuality in French Internet Discourse
BYKOVA O. A. 65

Spatial Deixis in Spontaneous Expository Dialogue: Experimental Study
KIOSE M. I 73

The Organizing Principle and the Strategies of American Election Discourse (analysis of televised debates between K. Harris and D. Trump)
KOSICHENKO E. F. 81

LEXICOLOGY, SEMANTICS, PHONETICS

Toponyms in Phrasemes: on the Deonymisation of Proper Names and the Reconstruction of Etymon
EVDOKIMOVA M. S., TSVETAEVA E. N. 90

CONTENTS

Usage of Chess Terminology as Metaphors in Digital Media (based on Vietnamese online media)
SERDYUKOV A. A., KHUKHUNI G. T. 97

Regional Melodic Characteristics of Northern English Dialects
SHISHOVA P. K. 105

Reflection of the Empirical and Metaphorical Connection of the Concepts of "Time" and "Age" in English and Russian Set Expressions and Proverbs
SHCHERBO P. A. 112

LITERARY STUDIES

S. A. Klychkov's Idiostyle and the Discussion about Language
SOLNTSEVA N. M. 122

Multicultural British Prose: Elif Shafak's Novel "Island of Missing Trees"
YUZMUKHAMETOVA L. N. 129

CULTUROLOGY

The Value of "诚信» / "Integrity" in Chinese Linguoculture
DUBKOVA O. V. 136

Comparison of the Value of "Work" in Germany in Austrian Linguistic Cultures
KHLOPOVA A. I. 144

ЯЗЫК В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ

Научная статья
УДК 81'42

MVHVΛV: к интерпретации тосканской эпиграфической надписи

Д. В. Вальков

Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
valkovdv@yandex.ru

Аннотация. Целью настоящего исследования является реинтерпретация содержания и исторического контекста имеющейся в средневековом тосканском эпиграфическом материале надписи MVHVΛV. Структура военно-политических и культурных контактов Тосканы в VIII – первой половине XII веков, а также ряд возражений, связанных с михаэлической интерпретацией, обусловливают возможность реинтерпретировать надпись MVHVΛV на основе коранического субстрата: как передачу латинской графикой коранического восклицания mā šāʾ Allāh. Надпись MVHVΛV, равно как и памятники исламской арабографической эпиграфики X–XII веков, встроенные в городское пространство христианской Пизы, приобретали в данной коннотации идеологическое, апотропаическое и инвокативное значение.

Ключевые слова: Пиза, эпиграфика, Коран, рецепция, интерпретация, Западное Средиземноморье

Для цитирования: Вальков Д. В. MVHVΛV: к интерпретации тосканской эпиграфической надписи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3 (897). С. 9–16.

Original article

MVHVΛV: towards the Interpretation of the Tuscan Epigraphic Inscription

Dmitry V. Valkov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
valkovdv@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to reinterpret the content and historical context of the inscription MVHVΛV available in the medieval Tuscan epigraphic material. The structure of military-political and cultural contacts of Tuscany in the VIII – 1st half of the XII century, as well as a number of objections related to the Michaelic interpretation, makes it possible to reinterpret the inscription MVHVΛV based on the Quranic substrate: as a transmission through the Latin graphics of the Quranic exclamation mā šāʾ Allāh. The inscription MVHVΛV, as well as monuments of Islamic Arabographic epigraphy of the X–XII centuries, embedded in the urban space of Christian Pisa, acquired in this connotation an ideological, apotropaic and invocative meaning.

Keywords: Pisa, epigraphy, the Koran, reception, interpretation, Western Mediterranean

For citation: Valkov, D. V. (2025). MVHVΛV: towards the interpretation of the Tuscan epigraphic inscription // Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(879), 9–16. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В средневековом эпиграфическом репертуаре, относящемся к пизанскому городскому пространству, особое место занимает пул из трех идентичных друг другу по содержанию надписей, различающихся строчной разбивкой и рядом особенностей дукт. Пизанский пул расширяется за счет трех надписей, происходящих из других городских центров Тосканы, – Барги и Пистойи. Таким образом, совокупный пул из шести достоверно известных надписей локализируется исключительно в тосканских центрах: в Пизе (три надписи), в Барге (две надписи), в Пистойе (одна надпись). Идентичные указанным надписи (или сходные с ними) не представлены в эпиграфическом материале как прочих апеннинских городских центров, так и городских центров других регионов средиземноморской и атлантической Европы.

Из статей М. Гвардуччи и О. Банти, опубликованных в 1959 и 1975 годах [Guarducci, 1959; Banti, 1995a], на основании сведений из рукописи луккского эрудита XVIII века Бернардино Барони (fol. 63r, пергаменный манускрипт смешанного содержания в фондах Правительственной библиотеки Лукки, Bibl. gov., ms. 896), в связи с луккской церковью Свв. Якова и Филиппа известно о еще двух надписях, идентичных тосканскому пулу по содержанию: на свинцовом ящике с мощами св. Понтиана и на мраморном блоке (достоверно утрачен), в предалтарной части церкви (решающие аргументы в пользу признания сведений Барони по существу недостоверными в настоящее время отсутствуют). Судьба, описание и интерпретация луккских надписей выступают предметом сомнений и разночтений, которые отражены в работах Дж. Арриги, М. Гвардуччи, О. Банти, Д. Пазини [Arrighi, 1968; Guarducci, 1959; Banti, 1995a; Banti, 1995b; Banti, 2000; Pasini, 2015].

Тосканский пул из шести надписей становится предметом исторического, палеографического и текстологического анализа с 50-х годов XX века. Анализируя палеографию надписи из пизанской церкви Свв. Косьмы и Дамиана и проводя параллели с копто-византийской рукописной практикой, М. Гвардуччи приходит к выводу о необходимости интерпретации надписи пизанского пула как группы греческих букв – MHΛ (контракция для Μιχαήλ), – разделенных интерпункционными знаками в виде перевернутых треугольников и соседствующих с инвокативными крестами [Guarducci, 1959, с. 222]. Луккскую надпись на мраморе, воспроизводящую надпись на ящике с мощами св. Понтиана, перенесенными в Лукку из Рима, М. Гвардуччи датирует концом VIII века, определяя ее в качестве прототипа по отношению к тосканскому пулу и связывая ее происхождение (а равно и надписи на ящике с мощами св. Понтиана) с римской культурной средой понтификата Адриана I, когда были стабилизированы и упрочены канонические и культурные контакты Рима с византийским Востоком [Guarducci, 1959, с. 218–224]. Вопрос о том, была ли надпись на ящике с мощами св. Понтиана выбита в Риме до перенесения или в Лукке после перенесения в исследовании М. Гвардуччи не прояснен.

По мнению О. Банти, природа представленных тосканским пулом графических знаков – латинская, стратегия прочтения – сквозная; перевернутые треугольники между буквами MHL являются графическими инвариантами для латинского I (MIHILI), находящими подтверждение в лангобардском нумизматическом материале VII–VIII веков. О. Банти усматривает также корреляцию между графической формой L и аппенинским эпиграфическим материалом VI–VIII веков. Указанные детали позволяют исследователю говорить о прототипе рубежа VII–VIII веков (сформировавшемся в лангобардской среде), формула и графика которого воспроизводятся луккскими надписями рубежа VIII–IX веков, служащими в свою очередь источником текстовой модели и графики букв по отношению к тосканскому пулу. Луккские надписи и тосканский пул связываются О. Банти с культом Архангела Михаила на Апеннинах, являющимся, в частности, ключевым религиозно-политическим компонентом идеологии лангобардской государственности [Banti, 1995a, с. 29, 37].

После публикации статьи О. Банти вопрос об интерпретации тосканского пула приобрел статус решенного. Полностью повторяя аргументацию О. Банти, Д. Пазини стремится проследить причины и пути рецепции лангобардской текстовой модели и ее графической реализации существенно более поздней тосканской эпиграфической средой, к которой относятся шесть существующих надписей [Pasini, 2015, с. 23–24].

Обобщающая статья С. Викари и Ф. Перono Каччафоко [Vicari, Perono Cacciafoco, 2023] не

содержит новых результатов интерпретации тосканского пула (луккские надписи остались вне поля зрения авторов). Авторы принимают в качестве наиболее достоверной интерпретацию О. Банти, дополняя ее палеографическими и нумизматическими экспликациями и указывая в качестве итогового прочтения MVHVΛV словосочетание **M**IC**H**AEL **A**RCHANGELUS.

Целью исследования является реинтерпретация зафиксированной тосканским эпиграфическим материалом надписи MVHVΛV. *Задачи* исследования: с опорой на исторический, компаративный и системный методы предложить новое прочтение надписи в контексте военно-политических и культурных контактов Тосканы в VIII – первой половине XII века, а также – ее палеографический комментарий; рассмотреть культурно-историческое соотношение луккских надписей, упомянутых Барони, с тосканским пулом (в рамках системного метода); обозначить хронологические рамки тосканского пула (с использованием компаративного и системного методов).

Научная новизна статьи обусловлена, во-первых, отсутствием в рамках отечественных эпиграфических и кросс-культурных исследований как специальных работ, посвященных интерпретации и содержательному анализу тосканского пула, так и более широких обзоров, касающихся воздействия исламской арабографической эпиграфической практики и культурного континуума исламского мира на эпиграфику и пространство северо-итальянского города в раннем и центральном Средневековье. Во-вторых, отсутствием в зарубежных эпиграфических исследованиях новейших оригинальных работ, посвященных тосканскому пулу, а также некоторыми непроясненными дискуссионными положениями в немногочисленных более ранних работах. Практическая значимость статьи заключается в возможности использования приведенных в ней результатов и выводов в более широких медиевистических исследованиях, посвященных тосканской городской среде VIII–XII веков и роли военно-политических и культурных контактов в генезисе идеологии городской коммуны.

ПАМЯТНИКИ ТОСКАНСКОГО ПУЛА

Идентичные по содержанию надписи из Пизы, Барги, Пистойи имеют следующие характеристики. Во всех надписях высота букв не превышает 12 см; ширина букв варьируется от 6 см до 10 см.

Пиза, Баптистерий, надпись в одну строку, три слова, с внешней стороны на стене, слева от входа. $_1$ + MVHVΛV + MVHVΛV + MVHVΛV +. M унциальная, округленная, H унциальная, с округленным боковым штрихом; визуализируется разметка строки; межбуквенное расстояние равное; соотношение высоты–ширины букв подквадратное.

Пиза, церковь Сан-Фредиано, надпись в одну строку, три слова, на фасаде, на мраморном блоке, слева от портала центрального нефа [Banti, 2000, с. 42]. $_1$ + MVHVΛV + MVHVΛV + MVHVΛV +. M унциальная, удлиненная, H унциальная, со спрямленным боковым штрихом; визуализируется разметка строки; межбуквенное расстояние несколько увеличено в первом компоненте; соотношение высоты – ширины букв – подквадратное.

Пиза, Музей Сан-Маттео (плита относится к ансамблю несохранившейся пизанской церкви Свв. Косьмы и Дамиана), надпись на мраморной плите, в три строки, по одному слову в каждой строке, сверху, в составе более пространного коммеморативного текста [Banti, 2000, с. 41]. $_1$ + MVHVΛV + $_2$ + MVHVΛV + $_3$ + MVHVΛV [+]. M – унциальная, округленная, H – унциальная, с округленным боковым штрихом; визуализируется разметка строки в средней строке снизу; межбуквенное расстояние равное; соотношение высоты–ширины букв – подквадратное.

Пистойя, собор Сан-Пьер Маджоре, на фасаде, на мраморном блоке, на левом косяке центрального портала, надпись в три строки, по одному слову в каждой строке. $_1$ + MVHVΛV $_2$ + MVHVΛV $_3$ + MVHVΛV +. Значительная рустикизация дукта, M – унциальная, H – унциальная, со спрямленным боковым штрихом; разметка строк не визуализируется; межбуквенное расстояние в третьей строке несколько сокращено; MV в первой и второй строке отделено более значительным интервалом, чем в третьей строке; соотношение высоты–ширины букв – подпрямоугольное; угол Λ в первой и второй строке более тупой.

Барга, церковь Сан-Кристофоро, на фасаде, на мраморном блоке, на правом косяке портала, надпись в три строки, по одному слову в каждой строке. $_1$ + MVH[V]ΛV $_2$ + MVHVΛV $_3$ + MV[H][V]Λ[V] +. M унциальная, округленная, H унциальная, с округленным боковым штрихом; разметка строк не визуализируется; межбуквенное расстояние равное; соотношение высоты–ширины букв – подквадратное.

Барга, церковь Сан-Кристофоро, на правом косяке портала северной стены, на мраморном блоке, надпись в три строки, по одному слову в каждой строке. $_1$ + M[V]HV[Λ]V $_2$ + MV[H]VΛV $_3$ + MV[H]VΛV +. M унциальная, округленная, H унциальная, с округленным боковым штрихом; разметка строк не визуализируется; во всех строках MV отделена бóльшим межбуквенным расстоянием; соотношение высоты – ширины букв – подквадратное; в первой строке Λ существенно повреждена,

прослеживается нижний горизонтальный закрывающий штрих; Λ третьей строки при отсутствии повреждений имеет нижний горизонтальный закрывающий штрих.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ ТОСКАНСКОГО ПУЛА

Аргументация О. Банти (равно как перекликающаяся с ней отчасти аргументация М. Гвардуччи) вызывает ряд возражений:

1. Если луккская надпись на свинцовом ящике с мощами св. Понтиана и копирующая ее надпись на мраморном блоке (обе упомянуты Барони), датированные О. Банти рубежом VIII–IX веков, восходят к лангобардскому прототипу луккского ателье рубежа VII–VIII веков, свидетельствующему о широком почитании Архангела Михаила в лангобардской церковно-политической среде, то почему идентичные надписи не прослеживаются в эпиграфическом материале ни одного другого значимого лангобардского центра (Чивидале, Милана, Павии, Фьезоле, Флоренции, Сиены, Ареццо, Виченцы, Пьяченцы, Сполето, Беневента)?

2. Если тосканский пул постлангобардского времени, согласно О. Банти, свидетельствует о почитании Архангела Михаила на Апеннинах и, шире, в средиземноморской и атлантической Европе, почему надписи связаны лишь со считанными тосканскими центрами, географически тяготеющими к Пизе, и отсутствуют в постлангобардском, франкском и позднейшем эпиграфическом материале внутренней Тосканы, других регионов Апеннин и Европы?

3. Прямое сопоставление нумизматического и эпиграфического дукта, произведенное О. Банти, не представляется корректным, однако, даже если допустить такую возможность, монетные пулы королей Ротари, Гримоальда, Куниперта, Ариперта, Лиутпранда, герцогов Сика, Адельхиза не позволяют говорить о передаче латинского I графической формой перевернутого треугольника [Wroth, 1911, с. 131–132, 133, 137, 138–139, 141, 142–144, 152, 164–166, 176–178, 183–186, 191, 192; Grierson, Blackburn, 2007, с. 320, 322];

4. Передача латинского I графической формой перевернутого треугольника не прослеживается в эпиграфическом материале готского, лангобардского, франкского и коммунального периодов на Апеннинах.

С учетом структуры военно-дипломатических и культурных контактов Тосканы в VIII – первой половине XII веков представляется рациональным предложить интерпретацию тосканского пула надписей и, косвенно, двух идентичных надписей, упоминаемых луккским эрудитом Б. Барони, на основе коранического субстрата: MVHVΛV [mahala] – مَا شَآءَ ٱللَّهُ [mā šā' Allāh] 'То, что пожелал Аллах' (Аль-Кахф 18:39).

Слогу с фатхой مَا субстрата соответствует слог MV; звуковой последовательности с разделительной хамзой с фатхой ءَ, реализующей глухой гортанный взрывной, и ٱل, с васлированной хамзой, – слог HV с артикуляционно близким глухим глоттальным щелевым (с большой вероятностью восходит в озвучивании латинографической надписи к западнотосканской фонетической среде, где глухой глоттальный щелевой имеет тенденцию к наибольшему ослаблению, вплоть до полного исчезновения, что сближает его с гортанной смычкой); звуковой последовательности لَّهُ (из ٱللَّهُ с васлированной хамзой и ташдидом) – слог ΛV, вобравший предшествующий 'l' вследствие фонетической близости لل в озвучивании в субстратной среде и общего для романских идиомов доминирующего строения слога C+V.

Таким образом, возможно говорить о достаточно точной передаче посредством латинской графики восклицания, восходящего к кораническому субстрату.

وَلَوْلَآ إِذْ دَخَلْتَ جَنَّتَكَ قُلْتَ مَا شَآءَ ٱللَّهُ لَا قُوَّةَ إِلَّا بِٱللَّهِ – Почему же ты, когда вошел в виноградник, не сказал: «Это то, чего возжелал Аллах, и нет мощи, кроме как от Аллаха»? (*Пер. М.-Н. О. Османова)*.

Пизанский дукт буквы A коммунальной эпохи допускает графическую реализацию без поперечного штриха (Λ). В таком случае реверсивная реализация буквы A без поперечного штриха (V), зафиксированная в надписях тосканского пула, может быть обусловлена необходимостью избежать контаминации с соседствующей графической формой буквы L (Λ). Противопоставление между A (V) и L (Λ), а равно графикой буквы V, акцентируется добавлением горизонтального штриха вверху, что дает итоговую графическую реализацию буквы A в виде перевернутого треугольника. Принимая во внимание строго графические факторы, форму буквы L (Λ) необходимо объяснять стремлением к гармонизации с фланкирующими ее A (V): в этом отношении примечательна третья строка надписи на правом косяке портала северной стены церкви Сан-Кристофоро в Барге, где по ошибке резчика (или, менее вероятно, вследствие позднейшей конъектуры) Λ приобретает нижний горизонтальный закрывающий штрих, гармонизирующий графическую форму с фланкирующими ее V. Использование лангобардского монетного дукта в надписях тосканского пула представляется едва ли рационально обоснованным.

Без изобразительной или фотофиксации невозможно вводить в научный оборот две надписи (одну – на свинцовом ящике с мощами св. Понтиана, другую – на мраморном блоке), очевидно, существенно более старшие, чем тосканский пул, связанные с луккской церковью Свв. Якова и Филиппа. В рукописи Барони с каждым компонентом трехчастной надписи сопоставлена триада существительных – Immensitas, Unitas, Veritas. О наличии указанной триады в эпиграфической фиксации говорить достоверно едва ли возможно (скорее всего, в рукописи Барони находит отражение толковательная традиция более ранних источников автора), однако само сопоставление триады последовательно с каждым компонентом трехчастной эпиграфической надписи не противоречит ни возможному кораническому субстрату тосканской рецепции, ни тринитарному представлению о Божестве (аллюзия к Афанасиевому символу веры) в тосканской христианской среде-реципиенте [Immensitas– العظيم (Аль-Бакара 2:255, Аш-Шура 42:4, Аль-Вакиа 56:96) – Immensus Pater, immensus Filius, immensus Spiritus Sanctus; Unitas – الجامع (Али Имран 3:9), الواحد (Ар-Ра'д 13 : 16, Ибрахим 14 : 48, Сад 38:65), الاحد (Аль-Ихлас 112:1) – Sed Patris, et Filii, et Spiritus Sancti una est divinitas; nec tres immensi, sed unus increatus, et unus immensus; unitas in Trinitate, et Trinitas in unitate veneranda sit; Veritas – الحق (Аль-Ан'ам 6:62, Аль-Хаджж 22:16, Аль-Му'минун 23:116, Ан-Нур 24:25) – Ego sum… veritas; Spiritus veritatis (Ioa. XIV: 6, 17)].

Сопоставление указания Барони как отражения толковательной традиции с трехчастностью достоверно зафиксированных надписей тосканского пула позволяет с большей определенностью говорить о тринитарной семантической коннотации последних, объясняющей генезис графических форм букв A и L.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трехчастная надпись + MVHVΛV + MVHVΛV + MVHVΛV + зафиксирована двумя группами памятников: эпиграфически достоверным тосканским пулом из шести надписей и эпиграфически неподтвержденным идентичным пулом из двух надписей, связанным с луккской церковью Свв. Якова и Филиппа (пул известен по рукописи луккского эрудита XVIII века Бернардино Барони). Представляется рациональным интерпретировать оба указанных пула основываясь на кораническом субстрате (Аль-Кахф 18:39): MVHVΛV [mahala] – مَا شَآءَ ٱللَّهُ [mā šā' Allāh] 'То, что пожелал Аллах'. Графическая клишированность надписей тосканского пула и повторяемость их расположения в зоне непосредственного обзора, у входа (наряду с оконными проемами и углами, в месте большей «уязвимости» здания), в сопоставлении с европейским вербальным и невербальным материалом, позволяют определить их назначение как апотропеическое и инвокативное, что не противоречит предложенному прочтению.

Последнее десятилетие VIII века на фоне обострения франко-византийских политико-династических и догматических отношений, а равно военной нестабильности на севере Пиренеев (между 777 и 801 годами), было отмечено активизацией каролингских контактов с багдадскими Аббасидами, в противовес кордовским Омейядам и Константинополю. Согласно ряду каролингских хроникально-биографических текстов, в 801 и 807 годах при каролингском дворе пребывали послы халифа Харуна ар-Рашида, принятые лично императором Карлом. По сообщению Анналов франкского королевства, в июне 801 года местом прибытия морем послов стала Пиза (portum Pisas); после пребывания при императоре, в конце 806 – январе 807 года, послы халифата были направлены Карлом в Италию для ожидания (tempus navigationis expectare iussit) сезона навигации (место отправления послов не названо, однако, весьма вероятно, им также был Пизанский порт). В свете указанных дипломатических контактов кораническое MVHVΛV, приобретшее ad hoc коннотацию каролингско-аббасидского политического сближения, могло стать предметом рецепции и медиации в Западной Тоскане через пизанское опосредование. В качестве возможного источника рецепции коранического MVHVΛV (с преобладающей апотропаической коннотацией) необходимо также отметить экономические и имущественные связи лангобардской элиты с Корсикой до середины VIII века и присутствие на острове выходцев из пизанской городской среды как минимум с середины VIII века [Renzi Rizzo, 2011, с. 72–74] в условиях исламских рейдов, затрагивавших также Сардинию.

Сведения, содержащиеся в рукописи Барони, позволяют относить перенос в Лукку мощей св. Понтиана к периоду между концом октября 800 и концом октября 801 года: указанная в рукописи дата 28 октября 901 года должна быть, очевидно, скорректирована в пользу 801 года, что отсылает к началу епископства Якова. Со значительной вероятностью, именно в начале его епископства как на свинцовом ящике с мощами св. Понтиана (перенесенными из Рима в конце епископства Иоанна), так и на мраморном блоке, помещенном в предалтарном пространстве луккской церкви Свв. Якова и Филиппа, была нанесена

надпись MVHVΛV. Она объединила в себе несколько семантических полей: визуализацию вектора императорской внешней политики в административном центре франкской Тосканы; инвокативную легитимизацию переноса мощей как элемент translatio Urbis (идеологической парадигмы, зафиксированной рядом текстов раннего и центрального Средневековья, утверждавшей возможность города-не-Рима быть Городом, равным Риму или превосходящим его); придание городскому пространству и пространству тосканской литорали апотропея, связанного происхождением с исламской средой и обращенного против основных зон исламской угрозы – Кордовского эмирата и эмирата Аглабидов. С меньшей вероятностью, в соотношении со сведениями рукописи Барони, рецепция коранического MVHVΛV через пизанское опосредование и с теми же семантическими коннотациями могла осуществиться после 807 года.

Пизано-исламское военное противостояние, но также дипломатическое и торговое взаимодействие XI – первой половины XII века составляют контекст, актуализирующий рецепцию коранического MVHVΛV. Так, надписи тосканского пула, обладая значением апотропея, подчеркивают вместе с тем торгово-дипломатическое значение и военно-стратегическое превосходство, 'угодные Всевышнему', демонстрируемые как свершениями оружия и дипломатии, так и архитектурным ландшафтом, с которым тосканский пул соотносится в пределах XII века (присутствие в палеографии тосканских надписей унциала и коммунального капиталиса не противоречит данной датировке). О преобладающем значении апотропея возможно говорить применительно к надписям, относящимся к пизанским церквям Сан-Фредиано и Свв. Косьмы и Дамиана, а также к собору Сан-Кристофоро в Барге. В то же время Пизанские анналы Бернардо Марагоне позволяют отметить наличие надписей на стенах пизанского Баптистерия и собора Сан-Пьер Маджоре Пистойи в перспективе совпадения или сближения ряда дат в истории взаимодействия Пизы и исламского мира (в июне и августе 1114, 1134, 1161, 1167 года) с датами почитания святых Иоанна и Петра.

Наличие тосканского и луккского пула позволяет говорить о том, что рецепция затрагивала Западную Тоскану (не получая распространение на христианских Апеннинах за ее пределами, где исламское влияние проявлялось в апроприации арабских торгово-административных, юридических, редко теологических терминов, ограниченно в ономастике, а также в интересе ряда эрудитов к переводу арабоязычных научных сочинений на латынь).

Данное обстоятельство необходимо объяснять меньшей дивергентностью и табуированностью исламского компонента в генезисе в IX–XII веках синкретической пизанской культурной среды (обеспечивавшей значительную медиацию в Западной Тоскане): подтвержденной археологически со второй половины X века востребованностью элементов исламской (преимущественно аль-андалусийской) материальной культуры и инфильтрацией элементов нематериальной культуры (языка, символов, аллюзий, когнитивно-интерпретативных моделей).

В контексте участия исламского компонента в генезисе пизанской культурной среды необходимо упомянуть «плененные» арабоязычные артефакты как комплексное семантическое явление. Служащий военным трофеем артефакт с изначально прочитанной надписью доставлялся в Пизу; графика, полисемия, а также контекстная вариативность адресата сообщения делали артефакт носителем надписи с инвокативным и апотропеическим значением; встроенный в архитектурный ландшафт города артефакт, утратив связь с первоначальной средой происхождения, маркировал защищенность и превосходство городского пространства. Так, капитель второй половины X века андалусийского происхождения, располагавшаяся на крыше северной части трансепта пизанского Дуомо (в Музее творений Собора, инв. № 30), указанием имени своего создателя именовала Дуомо, ключевую часть городского архитектурного ландшафта, 'творением победы' (عمل فتح). Благословение – بركاة, благоденствие – نعمة, ликование – غبطة, мир – سلامة, процветание – عافية, обетование счастья – سعادة' призывал на город, им обладающий, андалусийский грифон рубежа XI–XII веков, располагавшийся на крыше, над апсидой Дуомо (в Музее творений Собора).

Приведенные примеры позволяют очертить плоскости функционирования надписи MVHVΛV: со значительной долей вероятности воспринятая в контексте пизанско-исламского военно-дипломатического взаимодействия формула обрела эпиграфическую фиксацию; полисемия и контекстная вариативность адресата сообщения определили инвокативное и апотропеическое значение эпиграфической фиксации, что обусловило также специфику графики; введенная в городское пространство надпись MVHVΛV обозначила мощь и защищенность города как волю Божию.

Под пизанским влиянием эпиграфическая фиксация MVHVΛV приобрела распространение в ряде городских центров Западной Тосканы на протяжении XII века. Принимая во внимание свидетельство рукописи Барони, содержащее аллюзию к Афанасиевому символу веры, о начале рецепции коранического MVHVΛV в Западной Тоскане косвенно возможно говорить не ранее первой четверти IX века.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Guarducci M. La misteriosa iscrizione medievale di Pisa, Barga e Lucca // Atti della Accademia Nazionale dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche. Rendiconti. 1959. Ser. VIII. Vol. XIV, fasc. 5–6. P. 216–224. Tav. I–IV.
2. Banti O. Simbolismo religioso e stilizzazione grafica in una iscrizione longobarda del secolo VIII // Banti O. Scritti di storia, diplomatica ed epigrafia / A cura di S. P. P. Scalfati. Pisa: Pacini Editore, 1995a. P. 21–38.
3. Arrighi G. La iscrizione criptografica di Lucca, Pisa e Barga // Rassegna periodica del Comune di Pisa. 1968. Vol. IV. # 4. P. 22–31.
4. Banti O. Epigrafi medievali pisane nel Museo Nazionale di San Matteo // Banti O. Scritti di storia, diplomatica ed epigrafia / A cura di S. P. P. Scalfati. Pisa: Pacini Editore, 1995b. P. 181–198.
5. Banti O. Monumenta epigraphica pisana saeculi XV antiquiora. Pisa: Pacini Editore, 2000.
6. Pasini D. Ancora sull'epigrafe con triplice invocazione all'arcangelo Michele // GRADUS. Rivista di Archeologia e di Restauro. 2015. Anno X. № 1. P. 18–24.
7. Vicari St., Perono Cacciafoco F. A Puzzling Religious Inscription from Medieval Tuscany: Symbology and Interpretation // Histories. 2023. # 3. 219–230.
8. Catalogue of the coins of the Vandals, Ostrogoths and Lombard in the British Museum / Ed. by W. Wroth. London: Longmans and Co., 1911.
9. Grierson Ph., Blackburn M. Medieval European Coinage. Vol. I: The Early Middle Ages (Vth–Xth Centuries). Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
10. Renzi Rizzo C. La Toscana e il mare nelle fonti scritte dei secoli VIII–XI // I sistemi portuali della Toscana mediterranea. Infrastrutture, scambi, economie dall'antichità ad oggi / A cura di G. Petralia. Pisa; Ospedaletto: Pacini Editore. 2011. P. 59–80.

REFERENCES

1. Guarducci, M. (1959). La misteriosa iscrizione medievale di Pisa, Barga e Lucca. In Atti della Accademia Nazionale dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche. Rendiconti. Ser. VIII. Vol. XIV, fasc. 5–6, 216–224, tav. I–IV.
2. Banti, O. (1995a). Simbolismo religioso e stilizzazione grafica in una iscrizione longobarda del secolo VIII. In Banti, O. Scritti di storia, diplomatica ed epigrafia. Ed. by S. P. P. Scalfati. 21–38. Pisa: Pacini Editore.
3. Arrighi, G. (1968). La iscrizione criptografica di Lucca, Pisa e Barga. In Rassegna periodica del Comune di Pisa, IV(4), 22–31.
4. Banti, O. (1995b). Epigrafi medievali pisane nel Museo Nazionale di San Matteo. In Banti, O. Scritti di storia, diplomatica ed epigrafia (pp. 181–198). Ed. by S. P. P. Scalfati. Pisa: Pacini Editore.
5. Banti, O. (2000). Monumenta epigraphica pisana saeculi XV antiquiora. Pisa: Pacini Editore.
6. Pasini, D. (2015). Ancora sull'epigrafe con triplice invocazione all'arcangelo Michele. GRADUS. Rivista di Archeologia e di Restauro, 1, 18–24.
7. Vicari, St., Perono Cacciafoco, F. (2023). A Puzzling Religious Inscription from Medieval Tuscany: Symbology and Interpretation. Histories, 3, 219–230.
8. Wroth, W. (Ed.). (1911). Catalogue of the coins of the Vandals, Ostrogoths and Lombard in the British Museum. London: Longmans and Co.
9. Grierson, Ph., Blackburn, M. (2007). Medieval European Coinage. Vol. I. The Early Middle Ages (Vth–Xth Centuries). Cambridge: Cambridge University Press.
10. Renzi Rizzo, C. (2011). La Toscana e il mare nelle fonti scritte dei secoli VIII–XI. In Petralia, G. (Ed.), I sistemi portuali della Toscana mediterranea. Infrastrutture, scambi, economie dall'antichità ad oggi (pp. 59–80). Pisa; Ospedaletto: Pacini Editore.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вальков Дмитрий Вадимович

кандидат исторических наук, доцент

преподаватель кафедры вторых иностранных языков общеакадемического факультета РАНХиГС

доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка
факультета французского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valkov Dmitry Vadimovitch
PhD (History), Associate Professor
Lecturer at the Department of Second Foreign Languages of the RANEPA General Academic Faculty
Associate Professor at the Department of Phonetics and Grammar of the French Language
Faculty of French Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	23.01.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	06.02.2025	approved after reviewing
принята к публикации	13.03.2025	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'33

Скрипт телесериала как объект корпусного исследования (на материале саги «Звездный путь»)

А. И. Горожанов

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
a.gorozhanov@linguanet.ru

Аннотация. Цель исследования – описать типовую процедуру преобразования скрипта телесериала в лингвистический корпус, совместимый с программным комплексом «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер». Применяются методы сравнительного и структурного анализа, описания, профессионально ориентированного программирования, а также базовые методы корпусного подхода. В качестве лингвистического материала выступает скрипт оригинального телесериала «Звездный путь». В результате получен сбалансированный лингвистический корпус всех трех сезонов, содержащий помимо стандартных данных сведения о номере сезона и серии, говорящем и локации, в которой происходит действие.

Ключевые слова: прикладная лингвистика, корпусная лингвистика, корпусный менеджер, сбалансированный лингвистический корпус, скрипт, телесериал, кинодискурс, обработка естественного языка, «Звездный путь»

Для цитирования: Горожанов А. И. Скрипт телесериала как объект корпусного исследования (на материале саги «Звездный путь») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3(897). С. 17–24.

Original article

Tv Series Script as an Object of Corpus Research (based on "Star Trek" saga)

Alexey I. Gorozhanov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
a.gorozhanov@linguanet.ru

Abstract. The aim of the research is to describe a typical procedure for converting a TV series script into a linguistic corpus compatible with the software package "Balanced linguistic corpus generator and corpus manager". The methods of comparative and structural analysis, description, professionally oriented programming, as well as basic methods of the corpus-based approach are applied. The linguistic material is the script of "Star Trek: The Original Series". As a result, a balanced linguistic corpus of all three seasons was generated, containing, in addition to the standard data, information about the season and episode number, the speaker, and the location in which the action takes place.

Keywords: applied linguistics, corpus linguistics, corpus manager, balanced linguistic corpus, script, TV series, film discourse, natural language processing, "Star Trek"

For citation: Gorozhanov, A. I. (2025). TV series script as an object of corpus research (based on "Star Trek" saga). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(897), 17–24. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня кинофильмы и телесериалы являются популярными объектами лингвистических исследований, хотя последние и фокусируются на различных предметах: невербальных компонентах [Зыкова, 2024; Прокофьева, 2024], проблемах перевода [Анисимов, 2024], лексических и стилистических средствах кинодискурса [Зыкова, Красикова, 2024; Катермина, Бирюкова, 2023; Черкасс, 2021].

Особо выделим работы, посвященные уточнению терминов «кинодискурс», «кинотекст», «кинодиалог», «киноречь», «кинонарратив» и пр. [Копытин, 2023; Духовная, 2015; Слышкин, Ефремова, 2004].

Большой интерес к кинодискурсу и значительное количество научных публикаций свидетельствуют не только об актуальности темы, но и о ее комплексности. В настоящей работе мы сосредоточимся исключительно на вербальной составляющей кинофильма. Означенная избирательность имеет свои мотивации. Во-первых, скрипт как часть сценария первичен по отношению к кинофильму. Он предшествует появлению кинодискурса. Во-вторых, характер используемого программного обеспечения располагает работать исключительно с текстовыми данными.

В исследовании ставятся следующие задачи:

- определить особенности скрипта сериала относительно художественного текста (метод сравнительного анализа);
- уточнить параметры скрипта телесериала, которые будут рассматриваться нами как базовые в рамках настоящего исследования (метод описания);
- дать характеристику структуры скрипта оригинального сериала «Звездный путь» (1966–1969) (методы структурного анализа и описания);
- разработать и апробировать лингвистический корпус скрипта оригинального сериала «Звездный путь», совместимый с корпусным менеджером из программного комплекса «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер»[1] (методы корпусной лингвистики: сбор, обработка и аннотирование текстовых данных; авторский метод профессионально ориентированного программирования [Горожанов, Писарик, 2022]; метод эксперимента).

Новизна определяется тем, что впервые создается метод работы со скриптом телесериала в рамках оперирования указанным программным комплексом.

Практическая ценность исследования заключается в том, что предложенная процедура составления лингвистического корпуса дает возможность использовать при работе с вербальной составляющей кинофильма корпусное программное обеспечение для извлечения лексических, грамматических и стилистических, а также статистических данных, которые позволят провести более глубокую и объективную интерпретацию заложенного автором содержания.

ХОД ИССЛЕДОВАНИЯ И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ

Решая первую задачу, – определение особенностей скрипта сериала как художественного текста, – мы будем ориентироваться на результаты собственных исследований. По мере их проведения были сформированы сбалансированные лингвистические корпусы текстов произведений крупной формы повествовательной прозы, например, романов Ф. Кафки [Горожанов, Степанова, 2022] и Дж. Оруэлла [Горожанов, Красикова, 2024]. При этом ведущую роль мы отводим процессу преобразования исходного текста в лингвистический корпус.

Для текста произведения художественной литературы нам достаточно разбить его на контексты, как правило, равные одному предложению, причем укрупнение контекстов не дает в результате критичной погрешности, поскольку при увеличении объема контекста разметка отдельного «младшего токена» (в нашей терминологии [Горожанов, 2024, с. 26]) не претерпевает изменений.

Художественный текст загружается в генератор целиком и в процессе обработки разделяется на контексты и токены, а затем аннотируется. Единственными необходимыми до этого времени дополнительными данными для контекстов были номера предложений и токенов, с помощью которых оператор может определить их положение во временной линии сюжета.

Скрипт кинофильма (в нашем понимании) имеет существенные отличия в том, что содержит метаданные, необходимые для последующей эффективной работы с созданным на его базе лингвистическим корпусом. Это данные о локации (*где* протекает текущее действие), о говорящем (*кто* произносит реплику), возможно, комментарии о внешнем виде персонажей, деталях окружения и пр., а в случае с сериалом также данные о том, к какой серии и сезону относится контекст.

[1]Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2023683209 Российская Федерация. «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер»: № 2023682269 : заявл. 25.10.2023 : опубл. 03.11.2023 / А. И. Горожанов ; заявитель федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный лингвистический университет». – EDN JHFXUV.

Таким образом, переходя к решению второй задачи нашего исследования, при разработке модели базы данных и генерации лингвистического корпуса мы должны предусмотреть эти дополнительные параметры, связав их с контекстами. И если в случае с художественным произведением объем контекста не был релевантен, то для скрипта кинофильма точное разбиение на реплики чрезвычайно важно.

Мы сфокусируемся на таких параметрах, как номер сезона, номер серии в сезоне, указание на локацию и указание на говорящего.

Поскольку выше мы оговорили условие совместимости создаваемого лингвистического корпуса с программным обеспечением «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер», необходимо вписать новые метаданные в уже существующую модель реляционной базы данных, состоящей из двух таблиц: таблицы предложений и таблицы токенов [Горожанов, 2024].

Целесообразным кажется дополнить метаданными скрипта таблицу предложений (фактически – таблицу реплик), в которой изначально были предусмотрены дополнительные пять ячеек для каждой записи, а таблицу токенов оставить без изменений. Выберем следующий порядок заполнения: сезон, серия, говорящий, локация.

Решая третью задачу исследования, обратимся к скрипту оригинального телесериала «Звездный путь», который представлен тремя сезонами (1-й сезон – 30 серий, включая пилотный выпуск, 2-й сезон – 27 серий и 3-й сезон – 24 серии). Язык скрипта – английский.

В теле скрипта присутствуют все необходимые мета-данные, имеются разделители (знаки обратной косой черты «\»), например:

Season 1\
The Cage Unaired pilot\
[Bridge]\
SPOCK: Check the circuit.\ TYLER: All operating, sir.\
<…>

В первой строке мы видим указание на номер сезона, далее следует знак «\» и переход на новую строку, затем название серии, знак «\» и переход на новую строку. В третьей строке в квадратных скобках обозначена локация. В четвертой строке начинаются реплики, которые произносятся в этой локации, причем говорящий вводится прописными буквами и двоеточием. Реплики разделены знаком «\», но этот принцип не соблюдается по всему скрипту и поэтому не может рассматриваться в качестве общего правила.

Обозначение говорящего может иметь дополнительные указания, которые помещаются между наименованием и двоеточием, например:

SPOCK [OC][1]: Standing by, Number One.
<…>
PIKE [on monitor]: I was from the very first moment I saw you in the survivor's camp.
<…>
BALOK [on viewscreen]: We will soon inform you of our decision regarding your vessel.
<…>

В некоторых местах была обнаружена дополнительная информация в скобках, например:

MCCOY: It's all right. Carry on, Miss Chapel.\ (She turns and rings the bell on Spock's quarters. The door opens and she enters.)
<…>
SPOCK [OC]: What is this?\ (The door to his quarters opens and Chapel rushes out with a scream, just before the soup bowl hits the opposite wall.)
<…>
SCOTT: Aye, sir. (leaves)
<…>

Безусловно, эта информация важна, однако, по нашему мнению, она является той составляющей, которая приближает скрипт к сценарию. В рамках нашей работы (по крайней мере, на ее текущем этапе) информация в скобках будет удалена.

Отличительной чертой сериала «Звездный путь» является то, что в нем нет рассказчика, которому бы принадлежал голос за кадром (как, например, в фильме Эльдара Рязанова «Берегись автомобиля»), но голос за кадром формально присутствует. Он представлен в виде записей в журнал капитана и прочие журналы, которые ведут высшие офицеры корабля, например:

Captain's log, stardate 3012.4. Despite our best efforts to disengage computers, the Enterprise is still locked on a heading for the mysterious planet Talos Four.
<…>
Ship's log, stardate 3220.3. Lieutenant Commander Scott reporting in lieu of the Captain and the first officer. We are continuing our search for the missing shuttlecraft.
<…>
MCCOY [OC]: Medical log, stardate 4211.8. Kirk is right about the people here.
<…>

[1] on / over communicator

С целью стандартизации скрипта записи в журналы были представлены нами в виде реплик, например:

CAPTAIN'S LOG: Stardate 3012.4. Despite our best efforts to disengage computers, the Enterprise is still locked on a heading for the mysterious planet Talos Four.

Итак, благодаря четкой структуре скрипта каждая реплика может быть идентифицирована, также автоматической идентификации доступны локации. Вручную было необходимо маркировать только названия серий, при этом перед наименованием каждой серии был помещен знак «+»:

Season 1\
+The Cage Unaired pilot\
[Bridge]\
SPOCK: Check the circuit.\ TYLER: All operating, sir.\
<...>

Следующим шагом, приближающим решение уже четвертой задачи, была нормализация скрипта или его предварительная обработка для последующего преобразования с помощью программы-генератора.

Эти предварительные преобразования были выполнены с помощью мини-программ на языке Python:

- удалены символы «\», поскольку они не присутствовали в качестве разделителя между всеми репликами;
- удалены круглые скобки со всем содержимым;
- удалены все добавления типа [OC], [on monitor], [on viewscreen];
- между указателем на говорящего и репликой вставлен знак новой строки;
- удалены скопления (два и более подряд) пробелов и знаков новой строки.

После указанных операций скрипт принял следующий вид:

+Spock's Brain
[Bridge]
SULU: What happened?
KIRK: Helm status, Mister Sulu.
SULU: No change from last reading, sir.
KIRK: Condition reports from all decks, Lieutenant.
UHURA: Aye, sir.
KIRK: Spock. Where's Spock?
MCCOY: Jim! Jim!
KIRK: Yes, what is it?
[McCoy's office]
MCCOY: You'd better come down to Sickbay.
<...>

Далее был составлен отдельный текстовый файл для каждого сезона.

При первой загрузке нормализованного файла в генератор был получен неудовлетворительный результат. Дело в том, что стандартная процедура автоматической разметки текста и записи в базу данных SQL проводится по следующему алгоритму:

1. чтение всего текста с его последующим разделением на контексты (предложения или группы предложений), токенизацией и морфологизацией;
2. запись таблицы токенов с параллельной записью таблицы предложений при фиксировании токена как первого / последнего элемента предложения.

При этом, как мы указывали ранее, точность разделения текста на предложения не играла до этого момента особой роли. Однако в случае со скриптом именно точное соответствие контекста реплике, а формально – соответствие одной записи таблицы предложений одной реплике, имеет ключевое значение для последующей работы с лингвистическим корпусом.

С целью решения этой проблемы мы разработали отдельный вариант программы-генератора, в рамках которой процесс работы с текстом был *инвертирован*, т. е. протекал не от токена к предложению, а наоборот.

На первой ступени обработки нормализованного текста скрипта программа не использовала элементы искусственного интеллекта. Ее задачей было заполнить только таблицу предложений репликами персонажей с указанием номера сезона и серии в сезоне (для этого была выделена одна текстовая ячейка со схемой заполнения типа «1–1», «2–15», «3–10» и т. п.), наименования говорящего без двоеточия (например, «KIRK», «SPOCK») и локации без снятия квадратных скобок (например, «[Bridge]», «[Planet surface]» и пр.).

Отдельно отметим, что в этой версии генератора была решена так называемая проблема апострофов, что существенно повысило качество морфологической разметки лингвистического корпуса. Дело в том, что в предыдущих версиях при нормализации текста все апострофы заменялись на астериск (*), что позволяло произвести успешную запись предложений и токенов в базу данных, но увеличивало погрешность распознавания частей речи.

Благодаря экранированию[1] апострофов в фазе нормализации текста генератор правильно разметил такие сочетания, как «don't», «I'll», «you'd» и пр.

[1]Технический термин, обозначающий специальный ввод какого-либо символа для предотвращения противоречий при его программной обработке. По правилам SQL апостроф экранируется предшествующим ему апострофом.

id	sentnum	senttext	sentoption01	sentoption02	sentoption03
Filter	Filter	Filter	Filter	Filter	Filter
16	16	Records show the...	1-1	SPOCK	[Bridge]
17	17	Then they could s...	1-1	ONE	[Bridge]
18	18	If they survived t...	1-1	PIKE	[Bridge]
19	19	We aren't going t...	1-1	SPOCK	[Bridge]
20	20	Not without any i...	1-1	PIKE	[Bridge]
21	21	Yes, sir.	1-1	ONE	[Bridge]
22	22	Boyce here.	1-1	BOYCE	[Pike's quarters]
23	23	Drop by my cabin...	1-1	PIKE	[Pike's quarters]
24	24	I understand we ...	1-1	BOYCE	[Pike's quarters]
25	25	That's right. Unle...	1-1	PIKE	[Pike's quarters]

Рис. 1. Фрагмент таблицы предложений для первой серии первого сезона сериала

id	kennu	nt_nu	tokentext	tokenpos	kenlemm	tokenattr
F...	Fi...	F...	Filter	Filter	Filter	Filter
1	0	1	Check	VERB	check	VerbForm=Inf
2	1	1	the	DET	the	Definite=Def|PronType=Art
3	2	1	circuit	NOUN	circuit	Number=Sing
4	3	1	.	PUNCT	.	PunctType=Peri
5	4	2	All	PRON	all	
6	5	2	operating	VERB	operate	Aspect=Prog|Tense=Pres|Ver...
7	6	2	,	PUNCT	,	PunctType=Comm
8	7	2	sir	PROPN	sir	Number=Sing
9	8	2	.	PUNCT	.	PunctType=Peri
10	9	3	It	PRON	it	Case=Nom|Gender=Neut|Nu...
11	10	3	ca	AUX	can	VerbType=Mod
12	11	3	n't	PART	not	Polarity=Neg
13	12	3	be	AUX	be	VerbForm=Inf

Рис. 2. Фрагмент таблицы токенов для первой серии первого сезона сериала

В результате работы первой части кода генератора таблица предложений была заполнена следующим образом (см. рис. 1)[1].

Оставалось решить проблему заполнения таблицы токенов, что требовало подключения библиотеки обработки естественного языка. На этом этапе исследования была выдвинута гипотеза о том, что в телесериале отдельная реплика персонажа может быть рассмотрена как относительно самостоятельный микроконтекст (относительно макроконтекста эпизода). В свою очередь, на второй ступени программного решения такой подход вызвал необходимость производить считывание отдельных записей из таблицы предложений и по отдельности проводить их морфологический анализ. В этом и заключалось *инвертирование* процесса построения базы данных.

Процедура была апробирована на скрипте первого сезона сериала и сработала без ошибок (см. рис. 2).

Таким образом, выдвинутая гипотеза была подтверждена.

В приведенном примере обратим внимание на правильное чтение сочетания «can't», которое представлено как два токена, пусть и несколько

[1]Визуализация таблиц здесь и далее представлена в программе DB Browser for SQLite.

нестандартно. Тем не менее разделение на леммы «can» и «not» является абсолютно правильным.

Благодаря учету апострофов в первом сезоне всего лишь шесть токенов из 106 412 остались неопознанными, что практически сводит погрешность автоматической разметки к нулю.

Далее генератор последовательно был применен к скриптам второго и третьего сезонов сериала. Получив три базы данных для каждого из сезонов, с помощью стандартной процедуры объединения [Горожанов, 2024] был создан единый сбалансированный[1] лингвистический корпус для всего скрипта оригинального сериала «Звездный путь» объемом 16 725 реплик (контекстов) и 256 621 токен.

Заключительным этапом нашего исследования послужила апробация полученного сбалансированного лингвистического корпуса, которая была проведена в форме эксперимента по его загрузке в указанный выше корпусный менеджер с последующим вводом ряда запросов.

Например, с помощью ручного запроса (SELECT * FROM sents WHERE sentoption02 = “SPOCK”) были выведены все реплики Спока:

sentoption02 = “SPOCK”: [1] : Check the circuit.

sentoption02 = “SPOCK”: [3] : It can’t be the screen then. Definitely something out there, Captain, headed this way.
sentoption02 = “SPOCK”: [14] : Their call letters check with a survey expedition. SS Columbia. It disappeared in that region approximately eighteen years ago.
и т. д.
Предложений: 2811
Предложений всего: 16725

С помощью запроса по лемме были выведены все контексты, которые содержали лексему «Earth»:

[Earth] : Earth : 13 : We’ve no ships or Earth colonies that far out.
[Earth] : Earth : 16 : Records show the Talos group has never been explored. Solar system similar to Earth, eleven planets. Number four seems to be Class M, oxygen atmosphere.
[Earth] : Earth : 54 : Zero point nine of Earth.
и т. д.
Токенов: 151
Предложений: 137
Предложений всего: 16725

Приведенные примеры доказывают, что собранный лингвистический корпус совместим с корпусным менеджером программного комплекса «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер», что и было обозначено в условиях к решению последней задачи нашего исследования.

Поскольку мы не ставили себе целью анализ содержания скрипта, будем считать апробацию полученного лингвистического корпуса успешной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы определили особенности скрипта сериала относительно художественного текста, уточнили параметры скрипта телесериала, дали характеристику структуры скрипта оригинального сериала «Звездный путь» (1966–1969), разработали и апробировали лингвистический корпус этого скрипта, совместимый с корпусным менеджером из программного комплекса «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер».

Выполнение комплекса указанных задач позволяет говорить о том, что цель исследования была достигнута – нами была создана и пошагово описана процедура преобразования скрипта телесериала в лингвистический корпус, с которым возможно работать, используя уже имеющееся в нашем распоряжении программное обеспечение.

В перспективе необходимо дополнить функционал корпусного менеджера опциями вывода контекстов с указанием не только их номера, но также данных о сезоне, серии, говорящем и локации.

[1]Мы придерживаемся того мнения, что термин «сбалансированный корпус», во-первых, противопоставляется «национальному корпусу», а во-вторых, в данном конкретном случае является сбалансированным, т. е. pars ex toto, относительно всех скриптов вселенной «Звездного пути», объем которых пополняется в настоящее время новыми текстами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зыкова И. В. Специфика полимодальной репрезентации поэтического текста в кинодискурсе: лингвокогнитивный подход // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2–1 (58). С. 51–56. EDN EPMAJU.
2. Прокофьева О. Н. Перспективы применения технологии айтрекинга для вербализации жестов в аудиодескрипции // Когнитивные исследования языка. 2024. № 5 (61). С. 408–413. EDN MHYOSF.
3. Анисимов В. Е. Особенности применения когнитивно-эвристической модели перевода при локализации кинозаголовка (на материале французского и русского кинодискурса) // Вопросы прикладной лингвистики. 2024. № 54. С. 7–31. DOI 10.25076/vpl.54.01. EDN BBJWYJ.

4. Зыкова И. В., Красикова Е. А. Эмотивная лексика в кинодискурсе с позиции лингвокреативности (на материале фильмов на английском, русском и китайском языках) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2024. Т. 21. № 1. С. 182–207. DOI 10.21638/spbu09.2024.110. EDN GNFIXT.
5. Катермина В. В., Бирюкова П. С. Гендерный потенциал неологизмов англоязычного кинодискурса. Краснодар: КубГУ, 2023. ISBN 978-5-8209-2305-0. EDN EGHUHN.
6. Черкасс И. А. Роль фразеологизмов в реализации экстралингвистических факторов кинодискурса (на материале англоязычного киноскрипта сериала «Шерлок») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 12. С. 3892–3897. DOI 10.30853/phil20210677. EDN QXSSWH.
7. Копытин А. И. Кинодиалог как основа лингвистической системы кинодискурса // Казанская наука. 2023. № 12. С. 403–405. EDN NSJADV.
8. Духовная Т. В. Структурные составляющие кинодискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11 (43). С. 64–66. EDN TBXXXP.
9. Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishing, 2004. EDN WDDADN.
10. Горожанов А. И., Писарик О. И. О методе обучения лингвистов профессионально ориентированному программированию // Германистика и лингводидактика в Московском и Минском государственных лингвистических университетах: истоки, развитие, перспективы. Казань: Бук, 2022. С. 124–140. EDN UKWMGG.
11. Горожанов А. И., Степанова Д. В. Составление сбалансированного корпуса художественного произведения (на материале романов Ф. Кафки) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 7 (862). С. 31–37. DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_31. EDN QGIEAQ.
12. Горожанов А. И., Красикова Е. А. Формальная модель оценки образа персонажа художественного произведения (на материале романа Дж. Оруэлла «1984») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 9. С. 3239–3248. DOI 10.30853/phil20240458. EDN SGHXZJ.
13. Горожанов А. И. Архитектура сбалансированного лингвистического корпуса, полученного автоматическим путем (опыт Московского государственного лингвистического университета) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 11 (892). С. 24–30. EDN BCSCXQ.

REFERENCES

1. Zykova, I. V. (2024). The specifics of the multimodal representation of the poetic text in cinematic discourse: a linguocognitive approach. Cognitive studies of language, 2–1(58), 51–56. (In Russ.)
2. Prokofieva, O. N. (2024). Eye-tracking prospects for gesture verbalisation in audiodescription. Cognitive studies of language, 5(61), 408–413. (In Russ.)
3. Anisimov, V. E. (2024). Cognitive-heuristic model of translation application in the localization of the film title (based on the material of the French- and Russian-language film discourse). Issues of applied linguistics, 54, 7–31. DOI 10.25076/vpl.54.01. (In Russ.)
4. Zykova, I. V., Krasikova, E. A. (2024). Emotive units in the cinematic discourse from the position of linguistic creativity (the case study of films in English, Russian and Chinese). Vestnik of Saint Petersburg University. Language and literature, 1(21), 182–207. DOI 10.21638/spbu09.2024.110. (In Russ.)
5. Katermina, V. V., Biryukova, P. S. (2023). Gendernyj potencial neologizmov angloyazychnogo kinodiskursa = Gender potential of neologisms in English film discourse. Krasnodar: Kuban State University. ISBN 978-5-8209-2305-0. (In Russ.)
6. Cherkass, I. A. (2021). The role of phraseological units in movie discourse (by the material of the British TV serial “Sherlock”). Philology. Theory & Practice, 14(12), 3892–3897. DOI 10.30853/phil20210677. (In Russ.)
7. Kopytin, A. I. (2023). Film dialog as the basis of the film discourse linguistic system. Kazan science, 12, 403–405. (In Russ.)
8. Dukhovnaya, T. V. (2015). Structural components of film discourse. Philology. Theory & Practice, 1–1(43), 64–66. (In Russ.)
9. Slyshkin, G. G., Efremova, M. A. (2004). Kinotekst (opyt lingvokul’turologicheckogo analiza) = Cinematic text (an experience of linguacultural analysis). Moscow: Vodoley Publishing (In Russ.)
10. Gorozhanov, A. I., Pisarik, O. I. (2022). O metode obuchenija lingvistov professional’no orientirovannomu programmirovaniju = On the method of teaching linguists professionally oriented programming. Germanistika

i lingvodidaktika v Moskovskom i Minskom gosudarstvennykh lingvisticheskikh universitetakh: istoki, razvitie, perspektivy (pp. 124–140). Kazan: Buk. (In Russ.)
11. Gorozhanov, A. I., Stepanova, D. V. (2022). Developing of a balanced corpus for a fiction work (on the material of F. Kafka's novels). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(862), 31–37. DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_31. (In Russ.)
12. Gorozhanov, A. I., Krasikova, E. A. (2024). Formal model for evaluating the image of a character in a fictional work (based on G. Orwell's novel "1984"). Philology. Theory & Practice, 17(9), 3239–3248. DOI 10.30853/phil20240458. (In Russ.)
13. Gorozhanov, A. I. (2024). Architecture of a balanced linguistic corpus built automatically (experience of Moscow State Linguistic University). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(892), 24–30. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горожанов Алексей Иванович
доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка
факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorozhanov Alexey Ivanovich
Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor in the Department of Grammar and History of the German Language
Faculty of the German Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	23.01.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	06.02.2025	approved after reviewing
принята к публикации	13.03.2025	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'27

Стирание лингвокультурных различий в институциональном дискурсе (на материале российского и вьетнамского парламентского дискурса)

Тхи Минь Нгует Нгуен[1], Н. Н. Германова[2]

[1,2]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
[1]*minhnguyetbel@yandex.com*
[2]*nata-germanova@yandex.ru*

Аннотация. Цель исследования – выявить характер влияния институционального дискурса на проявление лингвокультурных особенностей коммуникативного поведения политиков. Материалом исследования служит российский и вьетнамский парламентский дискурс. При его анализе были применены сопоставительный, описательный, классификационный, квантитативный и функционально-прагматический методы. Были изучены стратегии и тактики вербального выражения отрицательной оценки, применяемые российскими и вьетнамскими парламентариями. Результаты исследования показали, что, несмотря на лингвокультурные различия России и Вьетнама, способы выражения отрицательной оценки в российском и вьетнамском парламентском дискурсе обнаруживают значительное сходство. Оно свидетельствует о сглаживании лингвокультурных различий в институциональном дискурсе.

Ключевые слова: русская лингвокультура, вьетнамская лингвокультура, парламентский дискурс, институциональный дискурс, отрицательная оценка, лингвопрагматика, коллективистская культура, индивидуалистическая культура

Для цитирования: Нгуен Тхи Минь Нгует, Н. Н. Германова. Стирание лингвокультурных различий в институциональном дискурсе (на материале российского и вьетнамского парламентского дискурса) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 3 (987). С. 25–32.

Original article

Blurring of Linguo-Cultural Differences in the Institutional Discourse (based on Russian and Vietnamese parliamentary discourse)

Thi Minh Nguyet Nguyen[1], Natalia N. Guermanova[2]

[1,2]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
[1]*minhnguyetbel@yandex.com*
[2]*nata-germanova@yandex.ru*

Abstract. The study is carried out to investigate specifics of the influence of the institutional nature of discourse on linguo-cultural differences in politicians' communicative behaviour. The material of the study, which is Russian and Vietnamese parliamentary discourse, has been analysed using comparative, descriptive, classificatory, quantitative, functional-pragmatic methods. Strategies and tactics of verbal expression of negative evaluation used by Russian and Vietnamese parliamentarians were analysed. The results of the study showed that despite the linguo-cultural differences between Russia and Vietnam, there are substantial similarities in the way negative evaluation is expressed

in the parliamentary discourse of the two countries. This indicates the blurring of linguo-cultural differences in the institutional discourse.

Key words: Russian linguoculture, Vietnamese linguoculture, parliamentary discourse, institutional discourse, negative evaluation, pragmatic linguistics, collectivist culture, individualist culture

For citation: Nguyen Thi Minh Nguyet, Guermanova, N. N. (2025). Blurring of linguo-cultural differences in the institutional discourse (based on Russian and Vietnamese parliamentary discourse). Vestnik of Moscow State University. Humanities, 3(879), 25–32. (In Russ.)

INTRODUCTION

Understanding the differences between typical communicative behaviour of representatives of different linguocultures plays a key role in the success of intercultural communication, especially when it occurs between a collectivist culture and an individualistic one. Numerous linguocultural studies have classified Vietnamese culture as collectivist [Vu, 1997; Pham, 2008; Le, 2013; Нгуен, 2022a]. Meanwhile, according to some scholars, Russian culture may be classified as transitional, since scholars have observed in it a syncresis of the values of individualism and collectivism [Стефаненко, Донцов, Родионова, 2017; Войтенко, 2019]. This may be the reason why Vietnamese people highly value positive politeness in interpersonal communication with an accent on the positive face of the addressee, while Russian speakers are somewhat more concerned with their own positive face, sometimes even to the detriment of the addressee's face. T. V. Larina calls this feature of Russian communication 'self-centeredness'; among other characteristics of Russian communicative ethnostyle she mentions its direct, categorical, impositive and emotional character [Ларина, 2013].

However, the interlocutors' main communicative intentions in various types of discourse may differ, which affects their communicative behaviour. The institutional discourse, for instance, differs from the personal in that in the former the participants of communication represent a social institute, which makes communication between them role- and status-oriented as opposed to the person-oriented nature of daily life communication [Шейгал, 2000; Карасик, 2002]. In the present research we attempt to examine to what extent the institutional nature of discourse affects the choice of communicative practices, and whether it lessens communicative distinctions between different linguocultures.

EMPIRICAL BASIS AND RESEARCH METHODS

The research is carried out on the material of parliamentary discourse as a type of institutional political discourse. Strategies and tactics of verbal expression of the speech act of negative evaluation in Russian and Vietnamese parliamentary discourse are compared. The data was collected from video recordings of the meetings of the Federation Council of Russian Federation's Federal Assembly (hereinafter referred to as the Federation Council) and the National Assembly of the Socialist Republic of Vietnam (hereinafter referred to as the National Assembly) during the period from 2010 to 2023, which were published in free access on the Internet by official mass media of the two countries.

The material was collected using the random sampling method. 80 video recordings of the meetings of the Federation Council with a total duration of 205 hours and 71 video recordings of the meetings of the National Assembly with a total duration of 203 hours were analysed. Communicative situations in which the speech act of negative evaluation occurred were identified using the method of discourse analysis. Both general scientific methods (comparative, descriptive, classificatory, quantitative), and linguistic methods, such as functional-pragmatic analysis of speech acts, linguo-cultural analysis and conversation analysis, were used to study strategies and tactics of verbal expression of the speech act of negative evaluation.

RESULTS

There are four strategies of verbal expression of negative evaluation identified in Russian and Vietnamese parliamentary discourse: direct expression, indirect expression, intensification, and mitigation of negative evaluation. In our view, negative evaluation is direct when expressed using lexical units with negative evaluative meaning, regardless of the position of these units (predicative or not). An indirect evaluation is negative evaluation expressed without using such lexical units. Both directly and indirectly expressed negative evaluation can be subjected to mitigation or intensification. Thus, we consider strategies of direct or indirect expression of negative evaluation as the main ones, and strategies of mitigation or intensification as auxiliary ones since the latter cannot function

Table 1

TACTICS OF IMPLEMENTING VARIOUS STRATEGIES FOR VERBAL NEGATIVE EVALUATION EXPRESSION IN RUSSIAN AND VIETNAMESE PARLIAMENTARY DISCOURSE

Strategy	Tactics for strategy implementation
Direct expression of negative evaluation	1) Use of negative evaluative object (e.g. words such as “vấn đề” (problem); “tình trạng” (negative state), “lỗi” (fault), “проблема”, “ошибка” etc.) 2) Use of negative evaluative predicate (e.g. “không thể chấp nhận được” (unacceptable), “xấu” (bad), “плохой”, “корыстный”, “неприемлемый” etc.); 3) Use of the modus of obligation.
Indirect expression of negative evaluation	1) Directives; 2) Agreeing with a negative evaluation previously expressed by another communicator; 3) Content-logical expression of negative evaluation; 4) Question demanding an explanation of a negative situation; 5) Disagreement; 6) Positive evaluation of the opposite; 7) Rhetorical question; 8) Self-answer to a rhetorical question; 9) Irony; 10) Expression of wishes, hopes for the better; 11) Promise to look into and/or resolve the problem; 12) Accusation;
Mitigation of negative evaluation	1) Hedges (hedges such as “theo ý kiến của cá nhân tôi” (in my personal opinion), approximators such as “примерно”, “где-то”, etc.) 2) Focus shift; 3) Lexical mitigation (with such words as “hơi” (a bit), “немного” or structures such as “không … lắm” (not really …), “не очень …” etc.); 4) Preliminary or subsequent disclaimer;
Intensification of negative evaluation	1) Presenting arguments in favor of a negative evaluation; 2) Mentioning of measures that have been or may be taken; 3) Expression of emotional state; 4) Lexical intensification (with such words as “rất” (very), “quá” (exesively), “очень”, “слишком”, “чрезмерно”, etc.)

independently without the main strategies. There is a total of 23 tactics used by Russian and Vietnamese parliamentarians to implement the above outlined strategies (see Table 1).

The stipulated strategies and tactics are illustrated below. *Example 1*:

> Một cái cây cầu mà từ những năm 70, thập niên 70 đến bây giờ mà chỉ duy nhất cả nước chỉ có một cái cây cầu, mà đi cả ô tô, cả đi đường bộ, lẫn đường sắt đi cùng với nhau. Bây giờ duy nhất một cây đó mà nó nối thông với lại cả Lạng Sơn, Bắc Giang, Hải Dương, Quảng Ninh, rồi mấy cái tỉnh ở đấy nữa. Cũng lại nguy hiểm cái tính mạng của người dân Bắc Giang hoặc là những người dân đi lưu thông qua cái cây cầu. – This bridge has been functioning since the 70s, **and** it is now **the only one** left in the entire country that was built since the 70s, **and** cars use it, **and** people walk on it, **and** trains go on it, **all together**. Now this single bridge connects the provinces of Lang Son, Bac Giang, Hai Duong, Quang Ninh, and several other provinces there. **It is also jeopardising the lives of the people of Bac Giang and of those who use the bridge**.

In this example, negative evaluation is expressed directly by means of the tactic of using a negative evaluative predicate, expressed by the lexical unit “nguy hiểm” (dangerous). In addition, direct negative evaluation is intensified lexically by means of such units as “mà” (but), “chỉ” (only), “duy nhất” (the only, single), as well as parallel structure. *Example 2*:

> Вы вдумайтесь: ну что за **бред** нам создало Министерство здравоохранения! И теперь мы принимаем поправки, через месяц **они нам еще одни поправки в принятые поправки предложат. Не проще ли признать ошибку, которая с самого начала была допущена?**

In Example 2, the negative evaluation is expressed by the speaker directly with a negative evaluative objects “бред”, “ошибка”, intensified via supposition of potential negative consequences and a rhetorical question. *Example 3*:

> Thực tế cho thấy, ở lĩnh vực nào, khi xã hội hoá đều hạ giá, riêng sách giáo khoa thì càng xã hội hóa thì sách giáo khoa càng tăng. – Common experience shows that whatever areas are being socialised, the prices there go down, only in the case of textbooks, the further the socialisation, the higher the prices.

In the above example, the negative evaluation is expressed indirectly using the tactic of a content-logical expression of a negative evaluation through comparison. *Example 4*:

> Vấn đề thứ 2, tôi cho rằng, lấy thời gian để xét xử vụ án để đánh giá giá trị công lý tôi cho rằng không toàn diện, không chính xác. – The second problem, in my personal opinion, is measuring the value of justice by the time it took to process a case. It is **incomprehensive**, **inaccurate**).

> *Example 5*:
> Я такая же, как и все, мама и поэтому, **наверное**, большинство фильмов смотрю детских либо мультфильмы. Ситуация, конечно, **не очень хорошая** и, **наверное**, именно поэтому она была проанализирована в Правительстве 17 февраля на заседании Правительственного совета по развитию отечественной кинематографии.

In Examples 4 and 5, the negative evaluation is mitigated by means of the tactics of using hedges “tôi cho rằng” (in my personal opinion) and “наверное” as well as lexical mitigation, namely the formation of euphemisms consisting of a negation marker and an antonym of a negative evaluative lexical unit: “không toàn diện” (incomprehensive) and “không chính xác” (inaccurate) instead of “phiến diện” (one-sided) and “sai” (wrong, erroneous), “не очень хорошая” instead of “плохая”.

Having compared the data on the frequency of use of the four strategies of verbal negative evaluation expression by Russian and Vietnamese parliamentarians, we came to the following conclusions: 1) both Russian and Vietnamese parliamentarians prefer expressing negative evaluation indirectly to expressing it directly; 2) among the four strategies of expressing negative evaluation, the most frequently used is the strategy of intensification, which makes up almost 1/3 of the total number of cases when various strategies of expressing negative evaluation were used; 3) members of Vietnam’s National Assembly use auxiliary strategies of verbal expression of negative evaluation (mitigation and intensification) (49,85 %) somewhat more frequently than their Russian colleagues (46,32 %) (see Figure 1).

Figure 1. Strategies of verbal expression of negative evaluation in Russian and Vietnamese parliamentary discourse and frequency of their use

Upon comparing the frequency of tactics belonging to the two main strategies, we discovered that in parliamentary discourse of both the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam the most frequently used tactic is the use of directives, which refers to the strategy of indirect expression of negative evaluation. On the other hand, although on the whole the indirect strategy is more frequently used as compared to the direct strategy, in both Russian and Vietnamese parliamentary discourse the next most frequently applied tactics (after directives) are those related to the strategy of direct negative evaluation, namely negative evaluative predicate and negative evaluative object (see Figure 2).

After comparing the frequency of use of tactics that belong to the auxiliary strategies for negative evaluation expressing (see Figure 3) we discovered that both Russian and Vietnamese parliamentarians use the tactic of presenting arguments in favour of a negative evaluation much more frequently as compared to other tactics. In the parliamentary discourse of both countries the frequency of this tactic’s implementation is more than two times higher than the frequency of the lexical intensification tactic, which ranks second in frequency among the tactics compared. However, the third place in terms of frequency of use in Vietnamese parliamentary discourse is occupied by the tactic of lexical mitigation, while the equivalent position in Russian parliamentary discourse is occupied by the tactic of hedging.

DISCUSSION

As mentioned before, Vietnamese culture is a collectivist one, which is the reason why in

Figure 2. Frequency of use of various tactics that belong to the main strategies of verbal negative evaluation expression in Russian and Vietnamese parliamentary discourse

Figure 3. Frequency of application of various tactics that belong to auxiliary strategies of verbal negative evaluation expression in Russian and Vietnamese parliamentary discourse

Vietnamese linguoculture the concept of "face", expressed in the language by the lexical units "mặt" and "thể diện", is, in terms of Brown and Levinson's politeness theory, of positive nature, reflecting the communicator's desire for prestige, good reputation and impeccable image in the eyes of society. Moreover, when compared with the "positive face" described in Western studies, it becomes clear that the Vietnamese "face" is different in that it is not simply positive, but shared-and-positive, since a group member's "face" is inseparable from the group's "face". In other words, every person is committed to preserving the shared "face" of the group of people that he / she associates him / herself with, as well as that of the whole society to which he / she belongs, since his / her own "face" depends on the group's or the society's shared "face" [Нгуен, 2022b].

In contrast, according to T. G. Stefanenko, in Russian linguoculture at present there is a tendency of shift towards individualism [Стефаненко, Донцов, Родионова, 2017]. Nevertheless, Russian and Vietnamese cultures still have collectivist features in common, which is the reason for significant similarities in the frequency of use of most strategies and tactics for expressing negative evaluation, as well as the reason for the greater frequency of application of the strategy of indirect negative evaluation in both countries' parliamentary discourse.

However, "Russian politeness" and "Vietnamese politeness" still differ. The Russian communication ethnostyle, while being speaker-centered and status-oriented, is also direct, categorical, impositive, and has a medium-to-low degree of politeness [Ларина, 2013]. This indicates that the Russians are concerned not only with the "positive face", but also with the "negative face", which is related to the desire to retain autonomy of thought and action [Nguyen, 2022b]. Meanwhile, members of Vietnam's National Assembly as representatives of the Vietnamese linguoculture are oriented towards the shared positive face.

Given that, one may expect to come across significant differences in the ways of expressing negative evaluation in Russian and Vietnamese parliamentary discourse, with Vietnamese politicians being more polite to their opponents than Russian ones. However, our analysis revealed more similarities than differences.

Thus, we can see a rather high frequency of the strategy of direct expression of negative evaluation both in Russian parliamentary discourse (22,65 %) and in Vietnamese parliamentary discourse (21,61 %). More than that, of all the four strategies for expressing negative evaluation, in both cases the most frequently used is the strategy of intensifying negative evaluation. In Russian parliamentary discourse, intensification of negative evaluation occurs almost 2.5 times more often than mitigation, and in Vietnamese parliamentary discourse – 2 times more often. This is a rather unexpected result: in cultures oriented toward positive politeness, face-threatening speech acts (FTA) such as negative evaluation are supposed to be more frequently subjected to mitigation than to intensification.

The above can be traced to several reasons. Firstly, in the discourse analysed, communication takes place between virtually equal status communicators, which reduces the risk of damaging the "face" of a higher-status communicator while expressing negative evaluation directly and makes the speaker more confident to speak directly.

Secondly, parliamentary discourse, being a form of institutional political discourse, does not only perform the functions of preserving power and face, but also aims at maintaining the proper functioning of parliament and the order in the whole society. This requires its participants to be objective, impartial, and fair in their assessments, which also to some extent frees them of the obligation to not damage other people's "face".

Thirdly, the speech act of negative evaluation, when functioning within the framework of parliamentary discourse, is not always perceived by communicators as a FTA, since negative evaluation often refers to social, economic, cultural and other phenomena or problems, and, in such cases, it is not directed towards a specific individual's "face".

CONCLUSION

The conducted research allows us to conclude that there are remarkable similarities in the frequency of application of various strategies and tactics for expressing the speech act of negative evaluation by Russian and Vietnamese parliamentarians. This is due to the fact that the institutional nature of parliamentary discourse partially blurs ethno-cultural distinctions, becoming the main factor to determine the choice of strategies and tactics of negative evaluation expression.

The study also shows that the classification of the speech act of negative evaluation as a FTA is not fully accurate since it is multi-face oriented and multifunctional. The negative evaluation may threaten the listener's "face", but also help maintaining the speaker's "face" and that of other communicators. Besides, when tackling an issue that the whole society is facing, the negative evaluation does not threaten any person's "face".

Moreover, the research results suggest that in formal institutional communication ethnocultural pecularities are less relevant than in informal interpersonal communication. In parliamentary discourse communicators mainly express negative evaluation not for the sake of unfavourable assessment itself, but to name a problem and call for its solution, which contributes to maintaining the "face" of the social institution that they belong to, as well as gives them more liberty in choosing how to express themselves. In further studies of the features of communication in various linguocultures, it is necessary to consider not only ethno-cultural differences, but also the specifics of the discourse within which communication takes place, as they also have a significant impact on communication.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Vu T. T. H. Politeness in modern Vietnamese. A sociolinguistic study of a Hanoi speech community: PhD thesis. Toronto, 1997.
2. Pham T. H. Vietnamese politeness in Vietnamese-Anglo cultural interactions: A Confucian perspective: PhD thesis. Queensland, 2008.
3. Le P. T. Variation in linguistic politeness in Vietnamese: a study of transnational context: PhD thesis. Canberra, 2013.
4. Нгуен Тхи Минь Нгует. Концепт «вежливость» во вьетнамской культуре // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022a. Вып. 2 (857). С. 110–116. DOI 10.52070/2542-2197_2022_2_857_110.
5. Стефаненко Т. Г., Донцов А. И., Родионова Д. М. Индивидуализм и коллективизм как параметры коллективной памяти российского народа // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2017. № 4. С. 43–52.
6. Войтенко В. П., Соколов В. А., Лубский Р. А. Коллективизм и индивидуализм в России как предмет теоретической рефлексии // Философия права. 2019. № 3 (90). С. 71–77.
7. Ларина Т. В. Коммуникативный этностиль как способ систематизации этнокультурных особенностей поведения // Cuadernos de Rusistica Espaniola. 2013. № 9. С. 193–204. DOI: 10.30827/cre.v9i0.1393
8. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000.
9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
10. Нгуен Тхи Минь Нгует. Концепт ЛИЦО во вьетнамской культуре // Этнопсихолингвистика. 2022b. Вып. 4 (11). С. 53–62. DOI: 10.31249/epl/2022.04.04.

REFERENCES

1. Vu, T. T. H. (1997). Politeness in modern Vietnamese. A sociolinguistic study of a Hanoi speech community: PhD thesis. Toronto.
2. Pham, T. H. (2008). Vietnamese politeness in Vietnamese-Anglo culturalinteractions: A Confucian perspective: PhD thesis. Queensland.
3. Le, P. T. (2013). Variation in linguistic politeness in Vietnamese: a study of transnational context: PhD thesis. Canberra.
4. Nguyen, Thi Minh Nguyet. (2022a). The concept of "Politeness" in Vietnamese culture. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(857), 110–116. 10.52070/2542-2197_2022_2_857_110. (In Russ.)
5. Stefanenko, T. G., Dontsov, A. I., Rodionova, D. M. (2017). Individualism and collectivism as parameters of the collective memory of the Russian people. Herald of Tver State University. Series: Pedagogy and Psychology, 4, 43–52. (in Russ.)
6. Voitenko, V. P., Sokolov, V. A., Lubskiy, R. A. (2019). Collectivism and individualism in Russia as a subject of theoretical reflection. Philosophy of Law, 3(90), 71–77. (In Russ.)
7. Larina, T. V. (2013). Communicative ethnostyle as a way to systematise ethno-cultural features of behaviour. Cuadernos de Rusistica Espaniola, 9, 193–204. 10.30827/cre.v9i0.1393 (in Russ.)
8. Sheigal, E. I. (2000). Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of political discourse. Volgograd: Peremena. (In Russ.)
9. Karasik V. I. (2002). Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs = Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena. (In Russ.)
10. Nguyen, Thi Minh Nguyet. (2022b). The concept of FACE in Vietnamese culture. Ethnopsycholinguistics, 4(11), 53–62. 10.31249/epl/2022.04.04. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нгуен Тхи Минь Нгует

преподаватель кафедры восточных языков
переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

Германова Наталия Николаевна

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Thi Minh Nguyet Nguyen

Lecturer
Department for Oriental Languages
Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Guermanova Natalia Nikolaevna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor at the Department of General and Comparative Linguistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	23.01.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	06.02.2025	approved after reviewing
принята к публикации	13.03.2025	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'373

Экспериментальное исследование психологической актуальности символического содержания цветообозначений (на материале китайского языка)

В. А. Пищальникова[1], **У Цзяцянь**[2]

[1,2]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
[1]*pishchalnikova@mail.ru*
[2]*353737681@qq.com*

Аннотация. Цель исследования – установление психологической актуальности символического содержания цветообозначений; основной метод – свободный ассоциативный эксперимент; презентативный материал – специфические полевые структуры реакций – ассоциативные поля. Предложена экспериментальная методика диагностирования психологической актуальности символического содержания цветовых лексем. Установлено, что частотность символических реакций существенно зависит от содержательности традиционных символических значений и их места в современной культуре. Ее динамика позволяет развивать новые содержательные компоненты значения. Ядерные реакции показывают высокий уровень встроенности цветоименований как репрезентантов символических значений в ассоциативно-вербальные сети.

Ключевые слова: базовая ценность, система базовых ценностей китайцев, ассоциативный эксперимент, символический компонент значения, национальная специфика значения

Для цитирования: Пищальникова В. А., У Цзяцянь. Экспериментальное исследование психологической актуальности символического содержания цветообозначений (на материале китайского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3 (897). С. 33–39.

Original article

An Experimental Study of the Psychological Relevance of the Symbolic Content of Color Meanings (based on the material of the Chinese Language)

Vera A. Pishchalnikova[1], **Wu Jiaqian**[2]

[1,2]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
[1]*pishchalnikova@mail.ru*
[2]*353737681@qq.com*

Abstract. The purpose of the study is to establish the psychological relevance of the symbolic content of color meanings; the main method is a free associative experiment; the presentation material is specific field structures of reactions. The paper proposes an experimental technique for diagnosing the psychological relevance of the symbolic content of color lexemes; it is established that the frequency of symbolic reactions significantly depends on the substantial complexity of traditional symbolic meanings and their significance in modern culture, allowing the development of new meaningful

components. Nuclear reactions show a high level of embedding of color names as representatives of symbolic meanings in associative-verbal networks.

Keywords: basic value, the system of basic values of the Chinese, associative experiment, symbolic component of meaning, national specificity of meaning

For citation: Pishchalnikova, V. A. У Цзяцянь (2024). An experimental study of the psychological relevance of the symbolic content of color meanings (based on the material of the Chinese language). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(897), 33–39. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Цель исследования – экспериментальное изучение психологической актуальности для носителей китайского языка аксиологического содержания символических образов лингвокультуры, представленных лексемами-цветообозначениями. Эта проблема чрезвычайно актуальна в социумах, в которых на определенном, часто переломном этапе их развития, формируются новые системы ценностей. В этом смысле китайская система социалистических ценностей, четко определенная иерархически и содержательно, официально утвержденная правительством, представляет как теоретический, так и практический интерес. Означенная система ценностей носит ярко выраженный субъектно-объектный характер. Она обеспечивает реципиенту возможность наблюдать как тенденции в присвоении индивидами вышеуказанных ценностей, так и систему социалистической пропаганды, практическую работу государства в сфере жизни общества [Пищальникова, 2020]. По убеждению Цюй Юня, государство полностью обеспечило как научно-практическое, так и законодательное продвижение базовых ценностей социализма, создало широкую сеть их пропаганды – от разъяснительных документов до разнообразной рекламы [Цюй Юнь, 2022]. Именно последнее обстоятельство требует глубокого изучения реальной степени присвоенности той или иной базовой ценности обществом. Исследователи Московского государственного лингвистического университета (*далее* МГЛУ) активно изучают базовые ценности разных лингвокультур в сопоставительном аспекте и создают мультиязычные ассоциативные словари[1]. Активно сопоставляется содержание отдельных базовых ценностей [Яо Чжипэн, 2018] и антиценностей [Пэй Цайся, 2018], исследуется система реализации символических и аксиологических значений в поликодовых текстах [Цюй Юнь, Пищальникова, 2024], изучается динамика национально-культурного содержания во фразеологической системе китайского и русского языков [Чэнь Сыфань, 2024], устанавливаются особенности картины мира китайцев [Картина мира китайцев, 2020]. Однако остается нерешенным вопрос о том, насколько встроена в систему индивидуального мышления пропагандируемая иерархическая система ценностей, реализованная в системе национально специфичных символов; насколько она определяет как социальную функцию человека, так и функционирование общества в целом? Представляется, что результативным для диагностики психологической актуальности базовых ценностей для носителей китайской лингвокультуры может стать исследование встроенности тех или иных содержательных аксиологических компонентов в ассоциативно-вербальную сеть индивида.

Новизна исследования заключается в том, что оно 1) предлагает экспериментальную методику диагностирования реальной психологической актуальности символических (ценностных) содержаний лингвокультуры, представленных в базовых и иных цветообозначениях; 2) выявляет тенденции развития традиционных символических значений и причины такой эволюции.

Для проверки *методики* диагностирования процесса присвоения национально специфичных символических значений был проведен двухэтапный пилотный ассоциативный эксперимент с носителями китайского языка. На первом этапе осуществлен свободный ассоциативный эксперимент (САЭ), в анкету которого, наряду с дистракторами, обозначающими распространенные символы культуры, включены лексемы-цветообозначения, связанные с символическим содержанием образов китайской культуры: *белый*, *доверие*, *бамбук*, *красный*, *слива*, *розовый*, *пион*, *дракон*, *хризантема*, *стабильность*, *тигр*, *надежность*, *сосна*, *море*, *горы*.

Цель первого этапа – установить, насколько психологически актуальны непосредственные связи таких цветонаименований с символическими аксиологическими культурными содержаниями.

[1]Мультиязычный ассоциативный словарь базовых ценностей / В. А. Пищальникова [и др.] ; под. ред. В. А. Пищальниковой. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2024; Австрийско-немецко-русский ассоциативный словарь базовых ценностей / В. А. Пищальникова, З. Г. Адамова, А. И. Хлопова ; под ред. В. А. Пищальниковой. М.: Наука, 2024.

Именно его результаты представлены в настоящем исследовании.

Материал исследования – данные эксперимента, представленные в ассоциативном поле исследуемых лексем. Рабочая гипотеза эксперимента состояла в том, что связи цветообозначения с символическим содержанием являются неустойчивыми и существенно зависящими от характера символизации того или иного цвета. При этом предполагалось, что слова-символы, включенные в анкету в качестве дистракторов, должны актуализировать восприятие цветообозначений как символических, что, однако, в эксперименте не подтвердилось. Свободный ассоциативный эксперимент проводился в полном соответствии с общепринятой распространенной методикой[1]; в пилотном эксперименте приняли участие 80 этнических китайцев, обучающихся в России, для которых китайский язык является родным. Всего получено 1200 реакций, из которых для анализа отобраны цветонаименования, имеющие символическое содержание.

ИССЛЕДОВАНИЕ. РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТА И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

По данным свободного ассоциативного эксперимента, на слово белый даны следующие реакции: 白色的 / белый – 雪 / снег 19, 云 / облако12, 黑色的 / черный 9, 纸 / бумага 5, 纯洁 / чистота 3, 衬衫 / рубашка 3, 婚纱 / свадебное платье 2, 花 / цветы 2, 卫生纸 / гигиеническая бумага 2, 天空 / небо 2, 墙面 / стена 2, 棉花 / хлопок 2, 内裤 / трусы 2, 屏幕 / экран, 袋子 / пакет, 猫 / кошка, 米饭 / рис, 鸽子 / голубь, 颜料 / краска, 足球 / футболка, 灯光 / свет лампы, 褥子 / матрас, 白色的密闭空间 / чистое белое квадратное замкнутое пространство, 牛奶 / молоко, 羽毛 / перо (Всего 79, отказ 1, коэффициент разнообразия ассоциатов – 0,31). 93,75 % всех реакций являются реакциями-представлениями, что свидетельствует о частом использовании слова в речевой деятельности для характеристики предметных отношений, следовательно, об устойчивости слова *белый* в системе вербальных ассоциативных связей [Пищальникова, Степыкин, 2023]. При этом всего 6,25 % реакций (5 в абсолютных цифрах) представляют специфические культурно обусловленные ассоциации, связанные с влиянием европейских ценностей на китайскую картину мира.

Наиболее частотна реакция, проявляющая устойчивую ассоциацию, связанную со стереотипной характеристикой цвета снега, – *белый* и ставшая в рамках исследуемой культуры неосознаваемой, операциональной. Подавляющее большинство ассоциатов актуализирует лексическое значение слова *белый* как номинацию определенного цвета; основанием предикации между стимулом и реакцией является характеристика предмета: *рубашка*, *облако*, *бумага*, *стена*, *хлопок* и др. Вместе с тем в ассоциативном поле присутствуют реакции, актуализирующие устойчивые культурные связи белого цвета с предметными компонентами ритуала – *свадебное платье*. Такая реакция возникает под влиянием европейской культуры: китайские невесты, как правило, шьют себе два свадебных платья, – традиционное красное и европейское белое. При этом модные веяния доминируют над культурными традициями: известно, что белый цвет в традиционной культуре Китая связывается со старостью и увяданием, концом жизненного цикла, поэтому является компонентом траурных церемоний. Но влияние современной европейской культуры оказывается сильнее традиционных символических содержаний цвета в Китае. Всего 3,3 % (3 человека) респондентов актуализировали культурно обусловленное значение слова *белый* как символа чистоты. Таким образом, предикативные связи слова *белый*, обнаруженные в АЭ, демонстрируют слабую степень актуализации его символического содержания в паре стимул – реакция как элементарном речевом действии. Иная ситуация наблюдается с реакциями на слово *красный*, вероятно, потому, что в китайской традиционной культуре оно символически более нагружено: с древних времен в Китае существует обычай почитания красного цвета, который олицетворяет благородство, удачу, радость и счастье. Это подтверждается и археологическими находками: предки современных китайцев носили украшения красного цвета, рисовали красные петроглифы, изготавливали красную керамику, украшали тела умерших красным гематитовым порошком [程士元, 2006]. Такую символическую значимость красного цвета исследователи связывают с тремя субстанциями – солнцем, кровью, огнем, обеспечивающими жизнь, поскольку издавна люди наблюдали существенную зависимость своей жизни от солнечного цикла и потому поклонялись солнцу как божеству, рассматривали огонь как один из главных факторов эволюции человека, подчеркивали его важность в защите его от хищников, в обеспечении теплом, в более легком усвоении пищи и пр. Кровь добываемых животных, как и их плоть, давала силы, жизнь, что постепенно привело к символизации цвета крови как жизни. Культ красного цвета распространялся через различные жанры фольклора, становясь компонентом ритуалов и обычаев. Так, один из новогодних обычаев связывается с легендой о звере,

[1]Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. М.: АСТ, 2002.

обитающем в течение года на дне моря, – 年兽 / Няньшоу, нянь; в канун Нового года он выходил из пучины и серьезно вредил человеку, например, уничтожал скот. Один мудрый старец наклеил на дверь дома красную бумагу и зажег красные петарды. Нянь, как и все звери, испугался цвета огня и громких вспышек. Люди поняли, как избавиться от кровожадного и коварного зверя, и теперь в канун Нового года вывешивают красные фонари, на обеих сторонах дверей дома вешают 春联 / чунь лянь – новогодние пожелания на красной бумаге, зажигают яркие свечи в домах, взрывают петарды, запускают фейерверки. Постепенно все эти обычаи начинают устойчиво связываться с атмосферой праздника, а красный цвет начинает символически соотноситься с радостью, успехом, счастьем. Традиционные красные конверты с денежными подарками, красные платья китайских невест, красные свадебные иероглифы 喜 / си 'радостный' и цветы, красные яйца в подарок месячному младенцу, праздника, радости, здоровья, благополучия, счастья, красное белье и носки в зодиакальный день рождения – все это признаки 红红火火 'красной, огненной', т. е. счастливой жизни [张地, 2023].

Многие из этих обычаев и традиционных представлений закреплены в ассоциативных связях слова 红色的 / красный, отраженных в АП стимула: 红色的 / красный – 中国国旗 / государственный флаг Китая 24, 苹果 / яблоко 7, 血 / кровь 5, 花 / цветы 5, 绿色的 / зеленый 4, 太阳 / солнце 3, 喜庆 / радостная атмосфера 2, 火 / пламя 2, 高跟鞋 / туфли на высоком каблуке 2, 热情/ страстность 2, 蓝色的 / синий 2, 黄色的 / желтый 2, 羔羊 / ягненок, 旗帜 / флаг, 玫瑰 / роза, 酒红的 / темно-красный, 牡丹 / пион, 火锅 / Хого («китайский самовар»), 围巾 / шарф, 毛衣 / свитер, 日出 / восход солнца, 新年 / Новый год, 热闹 / праздничный, 衣服 / одежда, 黑色的 / черный, 铸铁锅 / чугунная сковорода, 气球 / воздушный шар, 福 / счастье, 裙子 / платье (всего 79, отказ 1 коэффициент разнообразия ассоциатов – 0,36). 53,8 % реакций связано с символическим значением слова (*государственный флаг Китая*, *кровь*, *солнце*, *цветы*, *флаг*, *пион*, *Хого*, *Новый год*, *одежда*, *платье*, *страстность* и др.), причем большинство реакций (≈ 31,3%) демонстрирует устойчивую ассоциативную связь с государственным флагом КНР как символом страны и власти. Эта устойчивая тенденция нашла отражение в создании понятий 红色政权 / красный режим, 红色记忆 / красная память, 红色文化 / красная культура, 红色经典 / красная классика, 红色歌曲 / красные песни и др. Кроме того, в ряде ассоциатов актуализируется предикативный признак «радостная атмосфера праздника», «счастье». Данные АП показывают, что 红色的 / красный устойчиво ассоциируется с различным символическим содержанием, представляющим специфические культурные традиции Китая. При сравнении АП лексем 白色的 / белый и 红色的 / красный подтверждается наше предположение. Оно заключается в том, что частота символических ассоциатов существенно зависит не только от исконной сложности и содержательной многослойности традиционных значений цветовых лексем, но также от ценности последних (и следовательно, от их пропаганды) в современной культуре. Сравнение коэффициентов разнообразия ассоциатов на лексемы 白色的 / белый и 红色的 / красный – 3,1 и 3,6 соответственно – демонстрирует значительно большее разнообразие реакций на слово 红色的 / красный. Приведенные коэффициенты указывают на большее количество ассоциативных связей слова 红色的 / красный со словами, фиксирующими различные компоненты символического значения. Одновременно компоненты АП *красный*, входящие в его ядро и связанные с символическим содержанием, являются частотными, что свидетельствует о силе ассоциативных связей стимула *красный* и опосредованно – о высокой степени присвоенности тех или иных компонентов символического значения, обозначенного соответствующей лексемой. Однако символические содержания АП лексемы *белый* не входят в его ядро, т. е. практически не актуализируются при внеконтекстном предъявлении лексемы *белый*, что весьма показательно, поскольку в эксперименте принимали участие китайские магистранты и аспиранты – по определению образованная часть общества. Естественно, для окончательных выводов нужны эксперименты с большим количеством респондентов, относящихся к разным социальным стратам общества. Однако тенденция, выявленная в пилотном эксперименте, представляется интересной. Таким образом, на основе анализа АП цветообозначений, имеющих символическое содержание практически в любой лингвокультуре, можно сделать промежуточный вывод: традиционное символическое содержание исследованных базовых цветонаименований присутствует в сознании носителей китайской лингвокультуры, но степень присвоенности этого содержания очевидно зависит от социальной поддержки и пропаганды, что фиксируется в частотности и интенсивности его ассоциативных вербальных связей. Это положение подтверждается и анализом АП *небазовых* цветообозначений. Так, розовый цвет, согласно данным научной литературы, в китайской традиционной культуре – один из самых символически содержательных.

В эксперименте в АП лексемы *розовый* вошло 78 реакций: 花 / цветы 8, 回忆 / воспоминания 6, 玫瑰 / роза 6, 桃花 / цветы персика 5, 粉红豹 / розовая пантера 4, 爱 / любовь 3, 蝴蝶结 / галстук-бабочка 3, 爱心 / любящее сердце 3, 芭比 / кукла Барби 2, 裙子 / платье 2, 樱花 / цветы вишни 2, 绿色的 / зеленый 2, 浪漫 / романтика 2, 黑色的 / черный 2, 蓝色的 / синий 2, 温柔 / нежность, 可爱的 [/милый, 梅花 / слива, 背带服 / кенгуру, 信 / письмо, 口红 / губная помада, 鞋 / обувь, 手机 / мобильный телефон, 红色的 / красивый, 泡泡 / пузырьки, 桃子 / персик, 裙子 / пальто, 手套 / перчатки, 书包] / портфель, 面容 / лицо, 拖鞋 / шлепанцы, 拖鞋 / простыня, 头发 / волосы, HelloKitty, 玩偶 / кукла, 杯 子 / стакан, 雪 / снег, 泡泡糖 / бабл-гам (жевательная резинка), 天空 / небо, 外套 / чехол (всего 78, отказ 2; коэффициент разнообразия – 0,5). Всего 11,25 % реакций (9 в абсолютных цифрах) представляют специфические, культурно обусловленные ассоциации: лексема *розовый* демонстрирует психологически актуальные ассоциативные связи ее с разными символами и их компонентами: с персиком как символом долголетия и бессмертия, с вишней как символом счастья, удачи и женской красоты, розовым цветом как символом любви и романтических теплых отношений, взаимопонимания (ассоциаты *любовь*, *любящее сердце*, *романтика*, *нежность*, *милый*). В китайской культуре плод вообще символизирует цикличность жизни, ее постоянное возобновление, поэтому китайцы почитают четыре плода счастья: 桃子 / персик, 橙子 / апельсин, 石榴 / гранат, 柿子 / хурму, каждый из которых по-своему обеспечивает благополучие китайцев. Так, персик, который, по легенде, сначала могли вкушать только боги, символизирует не только долголетие и бессмертие, но и связывается с продолжением рода, супружеской верностью, привязанностью, обновлением, приходом весны. Даосские монахи включали персик в состав эликсира жизни; считая, что персиковое дерево обладает магическими и целебными свойствами, изготавливали из древесины персика печати, оттиски с них носили как талисманы, а ветки дерева использовали для изгнания нечистой силы из больных [欧秋耘, 李枫桥, 2023]. (Злых духов с помощью персика изгоняют на традиционных свадьбах и сейчас.) Цветы персика тоже обладают символическим содержанием, связываясь с женским началом и одобряемыми социумом характеристиками женщин – чистотой, невинностью, мягкостью, нежностью [欧秋耘, 李枫桥, 2012].

Эксперимент не обнаруживает, с каким именно содержательным компонентом символа респондент связывает слово-стимул, но то, что последний явно ассоциируется с определенным символом, фиксируется в *признаке* ассоциирования. Культурно-символическое содержание розового цвета актуализировано и в таком соотношении стимула и реакции: *розовый – цветы вишни*, которые, как и цветы персика, связываются с женственностью, красотой, удачей, счастьем, весной. Для китайской традиции важна символическая аналогия: вишня сначала цветет, потом на ней появляются листья, т.е. вишня превращается в настоящее дерево – человек рождается, а потом приобретает опыт, как вишня – листья. Однако наиболее распространенными для лексемы *розовый* являются основания ассоциирования, обусловленные современной гламурной культурой как эстетическим принципом, базирующимся на философии гедонизма, внешнем блеске, комфортном существовании для индивида и актуализирующие а) розовый цвет как цвет гламура – 27,5 % (*галстук-бабочка*, *платье*, *мобильный телефон*, *пальто*, *перчатки*, *портфель*, *шлепанцы*, *кукла Барби*, *красивый*, *кукла*, *волосы* и др.); б) устойчивые представления с обиходными реалиями – 6,25 % (*стакан*, *снег*, *небо*, *простыня*, *кенгуру*[1]). Кроме того, отмечены единичные в) признаки ассоциирования, обусловленные влиянием культуры (*розовая пантера*) и г) идеалом женской красоты (*лицо*). Таким образом, под влиянием новых эстетических воззрений и воплотившей их моды розовый цвет развивает еще одно символическое значение – комфортность, успех, популярность. Отметим попутно, что розовый цвет в европейской культуре также символизирует мягкость, обаяние, нежность, невинность, романтические отношения, связывается с детством. Европейская символика розового цвета исторически восходит к рококо XVIII века. Коэффициент разнообразия ассоциатов на слово *розовый* по сравнению с базовыми цветообозначениями очень высокий. Однако в большинстве разнообразных и частотных реакций актуализируются не традиционные символические значения, а признаки современной гламурной культуры.

[1]В молодежной культуре необыкновенной популярностью пользуются розовые слинги – переноски-кенгуру для младенцев, эргорюкзаки-кенгуру, худи, мягкая игрушка и пр. Производители косметики тоже активно используют розовый цвет. Многие, если не большинство китайских девочек носят розовую одежду и предпочитают розовые мягкие игрушки. В Японии и Китае популярны розовые кигуруми («ростовая кукла») – комфортная домашняя одежда-комбинезон с капюшоном в виде головы улыбающегося животного, например, кенгуру с сумкой на животе, где сидит кенгуренок. Сначала кигуруми использовались только для праздничных детских представлений, позже стали и повседневной домашней одеждой, в том числе используются как пижамы, для прогулок и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экспериментальное исследование психологической актуальности аксиологического содержания символических образов китайской лингвокультуры на базе лексем-цветообозначений позволило сделать ряд выводов, в том числе и выходящих за пределы исследования данной лингвокультуры. Опора на китайский материал объясняется тем, что в КНР, как было отмечено во Введении, существует официально утвержденная правительством китайская система социалистических ценностей. Ее наличие существенно облегчает работу исследователя по установлению состава и иерархии базовых ценностей данной лингвокультуры. Однако полученные результаты имеют общетеоретическое значение, а используемая в исследовании методика приложима к материалу других лингвокультур.

Изучение действительной степени присвоенности обществом базовых ценностей необходимо. Оно позволяет не только результативно пропагандировать содержание ценностей в обществе, но также корректировать их реализацию в системе мероприятий. Коррекция социальных практик, в свою очередь, основывается на лингвистической диагностике иерархии и содержания аксиологических систем. Ядро традиционных ценностей аксиологических систем сохраняется, что доказано в проведенном эксперименте и характером развития ассоциативных полей базовых цветонаименований. Вместе с тем под влиянием современной культуры и целенаправленной коррекции ценностные системы развивают новые содержательные компоненты. К таким культурным факторам можно отнести влияние европейской культуры, эстетические и философские концепции, моду. Значимость той или иной ценности проявляется не только в количестве ее содержательных компонентов, но также в частоте ассоциатов и их коэффициенте разнообразия в пределах АП. Оно, в свою очередь, является моделью фрагмента ассоциативно-вербальных связей индивида. Высказанные положения касаются как базовых, так и небазовых ценностных цветонаименований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пищальникова В. А. Базовые ценности: методологические проблемы психолингвистического исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 3 (832). С. 20–35.
2. Цюй Юнь. Представление основных ценностей современного Китая в поликодовом рекламном тексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 170–175.
3. Яо Чжипэн. Сравнительная характеристика ассоциативных полей отзывчивый / 富有同情心的 по данным свободного ассоциативного эксперимента // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 9 (801). С. 223–234.
4. Пэй Цайся. Структурно-содержательные особенности концепта «коррупция» в китайской лингвокультуре // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2018. Т. 8. № 1 (26). С. 42–47.
5. Цюй Юнь, Пищальникова В. А. Отражение культурных ценностей в китайской коммерческой рекламе // Этнопсихолингвистика. 2024. № 1 (16). С. 7–19.
6. Чэнь Сыфань. Динамика содержания ценности и ее репрезентация во фразеологических единицах // Этнопсихолингвистика. 2024. № 2 (17). С. 103–116.
7. Пищальникова В. А. [и др]. Картина мира китайцев: теория и практика научного исследования / В. А. Пищальникова, О. В. Дубкова, Цун Фэнлин, Яо Чжипэн. М.: Р-Валент. 2020.
8. Пищальникова В. А., Степыкин Н. И. Речевое действие как средство реализации психологического значения слова (на материале ассоциативного поля лексемы гражданин) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 9 (877). С. 41–49.
9. 程士元. 中国文化中的红色情结. 艺术探索, 2006, (03):118+123+144 = Чэн Шиюань. Любовь к красному цвету в китайской культуре // Искусствознание. 2006. Вып. 03. С. 118+123+144.
10. 张地. 红色在中国文化中的内隐表征. 苏州大学, 2023 = Чжан Ди. Имплицитное представление красного цвета в китайской культуре: дис. Сучжоу, 2023.
11. 欧秋耘, 李枫桥. 东方的桃子与西方的苹果——文化意象对比及翻译. 湖北第二师范学院学报, 2012, 29 (01): 123-126 = Оу, Цювэй, Ли Фэнцяо. Персик на Востоке и яблоко на Западе – сравнение и перевод культурных образов // Вестник Хубэйского педагогического института. 2012. № 2. Вып. 29 (01). С. 123–126.

REFERNCES

1. Pischalnikova, V. A. (2020). Basic values: methodological problems of psycholinguistic research. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(832), 20–35. (In Russ.)
2. Qu Yun (2022). Representation of the main values of modern China in a polycoded advertising text. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(857), 170–175. (In Russ.)
3. Yao Zhipeng (2018). Comparative characterization of associative fields responsive / 富有同情心的 according to the data of free associative experiment. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 9(801), 223–234. (In Russ.)
4. Bai Caixia (2018). Structural and content features of the concept "corruption" in Chinese linguoculture. Izvestiya South-West State University. Series of linguistics and pedagogy, 1(26), 42–47. (In Russ.)
5. Qu Yun, Pishchalnikova, V. A. (2024). Reflection of cultural values in Chinese commercial advertising. Ethnopsycholinguistics, 1(16), 7–19. (In Russ.)
6. Chen Xifan (2024). Dynamics of value content and its representation in phraseological units. Ethnopsycholinguistics, 2(17), 103–116. (In Russ.)
7. Pischalnikova, V. A., Dubkova, O. V., Tsun Fengling, Yao Zhipeng (2020). The world picture of the Chinese: theory and practice of scientific research. Moscow: R-Valent (In Russ.)
8. Pischalnikova, V. A., Stepykin, N. I. (2023). Speech action as a means of realising the psychological meaning of a word (on the material of the associative field of the lexeme citizen). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(877), 41–49. (In Russ.)
9. 程士元. 中国文化中的红色情结. 艺术探索 (2006), 03, 118+123+144. = Cheng Shiyuan (2006). The love of red in Chinese Culture. Art Studies, 03, 118+123+144. (In Chinese)
10. 张地. 红色在中国文化中的内隐表征. 苏州大学 (2023) = Zhang Di. (2023). Implicit representation of red color in Chinese culture: PhD thesis Suzhou. (In Chinese)
11. 欧秋耘, 李枫桥. 东方的桃子与西方的苹果——文化意象对比及翻译. 湖北第二师范学院学报, 2012, 29 (01):123-126 = Ou Qiuwei, Li Fengqiao (2012). A peach in the East and an apple in the West – a comparison and translation of cultural images. Vestnik of Hubei Teachers' Training Institute, 2, 29(01), 123–126. (In Chinese)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пищальникова Вера Анатольевна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры общего и сравнительного языкознания
заведующий лабораторией психолингвистики
Московского государственного лингвистического университета

У Цзяцянь

аспирант
кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pishchalnikova Vera Anatolyevna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of General and Comparative Linguistics
Head of the Laboratory of Psycholinguistics
Moscow State Linguistic University

Wu Jiaqian

Postgraduate Student
of the Department of General and Comparative Linguistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	23.01.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	06.02.2025	approved after reviewing
принята к публикации	13.03.2025	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'373.231

Синонимическое варьирование как результат индивидуально-авторской художественной рефлексии при описании характера персонажа

С. В. Серебрякова[1], **И. Е. Протопопов**[2]

[1,2]*Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия*
[1]*svetla.na@mail.ru*
[2]*il.protopopov.2002@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуются особенности индивидуально-авторского синонимического варьирования при описании характера литературного персонажа в романе Д. Остин «Разум и чувство». Цель исследования – определить индивидуально-авторские особенности синонимического варьирования как процесса и результата авторской художественной рефлексии. Для выявления синонимических средств различной степени близости использовались такие методы, как лингвопрагматический, контекстуальный анализ и прагмааксиологическое моделирование, позволяющие эксплицировать противоречивый образ Эдварда Феррарса, выявить вектор его интерпретации читателем. В результате лингвопрагматического анализа осуществлено моделирование иерархически организованных текстовых синонимических парадигм, раскрывающих в авторской проекции концептуально значимые черты характера персонажа.

Ключевые слова: синонимическое варьирование, художественная рефлексия, характер персонажа, текстовая синонимическая парадигма, синонимическая аттракция, концептуальная информация

Для цитирования: Серебрякова С. В., Протопопов И. Е. Синонимическое варьирование как результат индивидуально-авторской художественной рефлексии при описании характера персонажа // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3 (897). С. 40–47.

Original article

Synonymic Variation as a Result of Individual Author's Literary Reflection in the Description of a Fictional Character

Svetlana V. Serebriakova[1], **Ilya E. Protopopov**[2]

[1,2]*North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia*
[1]*svetla.na@mail.ru*
[2]*il.protopopov.2002@mail.ru*

Abstract. The article studies the peculiarities of individual author's synonymic variation in the description of a character's personality in the novel by J. Austen "Sense and Sensibility". The aim of the research is to determine the individual author's peculiar features of synonymic variability as a process and as a result of fictional reflection. Synonymic means of varying degrees of proximity are determined through the use of methods of linguistic, pragmatic, contextual analysis, and pragmatic and axiological modeling, which allow to exemplify the controversial image of Edward Ferrars by outlining the vector of his interpretation by the reader. As a result of the linguistic and pragmatic analysis the modeling of

hierarchically organized text synonymic paradigms was performed, revealing conceptually significant personality traits of the fictional character in the author's projection.

Keywords: synonymic variation, literary reflection, fictional character, text synonymic paradigm, synonymic attraction, conceptual information

For citation: Serebriakova, S. V., Protopopov, I. E. (2025). Synonymous variation as a result of individual author's literary reflection in the description of a fictional character. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(897), 40–47. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Художественный текст абсолютно антропоцентричен: помимо триады «автор – текст – читатель», актуализирующей прагматическую сущность художественной коммуникации, в центре повествования оказывается человек, литературный герой в различных проявлениях его поведения и характера. По воле автора он взаимодействует с другими персонажами, что обусловливает дополнительную, внутритекстовую прагматическую перспективу. Она представляет значительный исследовательский интерес в аспекте выявления авторских ценностных установок и речевых приоритетов. Основу развития сюжета и, соответственно, авторской картины мира образует иерархически организованная система персонажей, концептуальным центром которой выступает один из главных героев. Развитие его характера обеспечивает единство и концептуально-художественную целостность произведения. Характерологический портрет героя обладает существенным потенциалом в аспекте экспликации социокультурного контекста произведения [Степанова, Яновская, 2024].

В произведениях психологической прозы основное внимание писатель уделяет развитию характеров, используя целый арсенал языковых средств. Он служит для всестороннего, глубокого и личностно-оценочного описания человеческих качеств и поведения персонажей. Прагматически эффективным средством психологического описания личности в ее развитии выступают синонимические средства, слова с разной степенью семантической близости, которые по авторской воле способны накапливать и концентрировать концептуальные признаки и поступки, градуировать их значимость в динамике, активизируя тем самым читательское внимание. Интерес в данном плане представляет интенциональность зон выбора близких по значению слов в ментальных структурах писателя как элитарной языковой личности, а также особенности его рефлексии с целью донести до читателя свое видение проблемы и характеристики персонажа.

Филологически актуально обращение к авторской художественной рефлексии, поскольку именно она выступает основой творческого самовыражения. Однако в координатах когнитивно-дискурсивной парадигмы знания авторская рефлексия не доминирует. Акцент делается не только на репрезентации языковой личности писателя-творца, но также на способности автора координировать и направлять познавательно-эстетическую деятельность читателя. Взаимоотношения автора и читателя в едином ментальном поле, в едином круге субъектно-объектных отношений позволяет трактовать индивидуально-авторскую рефлексию как «механизм фокусировки внимания и профилирования определенной составляющей объекта» [Кубрякова, 2002, с. 9]. В коммуникативно-прагматических исследованиях отмечается регулятивно-стратегический характер художественной рефлексии [Бабенко, 2015], при этом регулятивная функция произведения, будучи коммуникативным проявлением его эстетического потенциала, «имеет нежесткий, вариативный характер; осуществляется на ассоциативной основе; характеризуется образной ориентацией; лексикоцентризмом, поскольку литературное произведение – это явление словесной культуры, а слово является основной формой воплощения художественного образа» [Болотнова, 2006, с. 108].

Другими словами, используя зоны свободного выбора в своем лексиконе, писатель посредством концентрации и взаимодействия семантически близких слов маркирует значимые для соответствующей коммуникативной ситуации концептуальные признаки описываемых персонажей и объектов, пробуждая читательскую рефлексию.

Цель данной работы – определить индивидуально-авторские особенности синонимического варьирования как процесса и результата художественной рефлексии при описании характера персонажа. Цели исследования подчинены следующие задачи: определение понятия «художественная рефлексия», выявление механизмов синонимического варьирования, моделирование текстовых синонимических парадигм.

Материалом исследования послужил роман Джейн Остин «Sense and Sensibility» («Разум и чувство»)[1], которому присущ рефлексивно-психологический характер повествования. Исследовательский акцент сделан на авторском описании характера Эдварда Феррарса, одного из главных героев романа. Приводимые контексты даны по переводу романа А. Фроловой[2].

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ СИНОНИМИЧЕСКОГО ВАРЬИРОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТА АВТОРСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Когнитивно-прагматический подход к исследованию художественного текста как сложно организованного сематического единства предполагает обращение к широкому контексту, способному раскрыть специфику взаимодействия языка, сознания и действительности. В качестве исходного контекста изучения текстовой деятельности выступает индивидуальная когнитивная система писателя. Она представляет собой динамичную систему образов и концептов, в том числе и «информацию о мире, языке, познавательно-коммуникативной деятельности. Вся эта информация обладает определенными модальными оценками, включая эпистемические» [Баранов, 2008, с. 51], отражающие индивидуально-авторское мировидение и оценочное отношение к описываемым фактам и действующим лицам.

Текст как вторичная моделирующая система предоставляет доступ к ментальным структурам автора, его интенциям, личностным смыслам и эстетическим установкам, позволяя судить о когнитивно-дискурсивных стратегиях писателя как элитарной языковой личности. Значительным прагматическим потенциалом в плане экспликации авторских смыслов обладает синонимия, понимаемая в координатах антропоцентрической лингвистики достаточно широко как явление внутреннего лексикона человека. В его составе «смысловые замены увязываются с работой механизма глубинной предикации, обеспечивающего констатацию фактов субъективной эквивалентности воспринимаемого и того, что уже имелось в памяти индивида» [Залевская, 2005, с. 386]. Такой подход позволяет рассматривать в качестве синонимов слова, воспринимаемые и транслируемые писателем как семантически близкие в аспекте экспликации личностных смыслов и оценок.

М. В. Никитин подчеркивает целесообразность дифференциации синонимии «как процесса переключения семантических планов» (т. е. синонимизации) и синонимии «как результата, данности этого процесса», что означает определение синонимов «как кореферентных (узуальных и окказиональных) обозначений с общим когнитивным и различным прагматическим значением» [Никитин, 1996, с. 452]. Речевая синонимизация, в свою очередь, отражает фундаментальное внутрилингвистическое свойство языкового знака – неустойчивое равновесие между формой и содержанием. Как мы отмечали ранее, «когнитивная сущность синонимии обусловлена тем, что посредством синонимического варьирования и соответствующих замен формируется новое знание, в нашем случае – художественно-эстетическое, что позволяет говорить о метаязыковой функции близких по значению единиц» [Серебрякова, 2022, с. 237].

Синонимическое варьирование предполагает обусловленное авторским намерением сближение семантики слов посредством нейтрализации денотативных значений и актуализации коммуникативно-прагматических компонентов значения, отражающих характерные для определенной лингвокультуры формы концептуализации действительности, с одной стороны, и креативную номинационно-оценочную деятельность писателя – с другой. Причем в создании синонимических рядов, в которых преобладают не денотативные, а контекстуальные значения, участвуют, с одной стороны, автор как субъект креативной деятельности, а с другой – определенная лингвокультура, заведомо не равная «первичной реальности».

«Именно синонимические ресурсы, имеющиеся в распоряжении языковой личности, в значительной степени определяют протяженность «зон выбора», а, следовательно, возможность личности приспособиться к меняющимся условиям коммуникации» [Черняк, 2000, с. 464]. Синонимическое варьирование при описании характера персонажа не только свидетельствует о речевых предпочтениях писателя, но и формирует действенный сигнал адресованности, актуализирует субъективно-оценочную модальность «как важную составную часть содержательно-концептуальной информации художественного тексте» [Гончарова, 1984, с. 97–98].

Полифункциональность синонимов, диффузность семантики коррелирующих единиц, их экспрессивно-выразительный потенциал, способность создавать семантическую напряженность концептуально значимых фрагментов текста являются причиной их широкого использования в художественной речи. Отметим диалектическую взаимосвязь контекстуальной синонимии и ассоциативности. Собственно ассоциативные связи в ментальном лексиконе личности служат основой для формирования в текстовом пространстве

[1]Austen J. Sense and Sensibility. NY: Barnes & Nobles, 2003.

[1]Остин Д. Разум и чувство (перевод А. Фроловой). М.: Центрполиграф, 2013.

синонимических отношений, а также целых парадигм семантически близких – в авторском понимании – единиц. Именно субъективная оценка обеспечивает заданную автором степень интенсивности экспрессивной окраски, эмотивности высказывания и новых стилистических коннотаций.

В. А. Белов выделяет логическое и ситуативное основания, формирующие семантическую близость слов в лексиконе носителя языка. Ситуативный механизм расширения синонимических рядов связан с интуитивным и интенционально обусловленным пониманием значения, «синонимами при таком подходе называются единицы, способные выражать схожие с точки зрения носителя языка ситуации» [Белов, 2022, с. 13], при этом каждый синоним детализирует авторское понимание описываемой ситуации, вследствие чего выстраивается иерархически организованная ассоциативно-синонимическая парадигма. Иными словами, «на механизмы синонимизации слов значительно влияет коммуникативная стратегия говорящего, от которой зависит характер синонимических связей в конкретном тексте и коммуникативной ситуации» [там же, с. 18]. Описанный принцип синонимизации свидетельствует о широких возможностях индивидуально-авторского синонимического варьирования для акцентирования концептуально значимой информации.

Обоснованный С. Ульманом «закон притяжения синонимов» [Ульман, 1970, с. 266] отражает специфику художественной рефлексии, благодаря которой «концептуально значимые элементы, наиболее актуальные для выражения авторской интенции, обрастают в вертикальном текстовом пространстве цепочками синонимов разной степени удаленности от семантической доминанты ряда» [Серебрякова, 2022, с. 238]. Иными словами, по авторской воле в семантическое взаимодействие разных конфигураций структуры значения включаются не только семантически, стилистически, но и ассоциативно связанные единицы, в том числе и антонимические. В некоторых контекстах они формируют семантические отношения, отражающие авторскую рефлексию. Ее, в свою очередь, мотивирует нарастание или понижение признака.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СИНОНИМИЧЕСКОГО ВАРЬИРОВАНИЯ ПРИ ОПИСАНИИ ХАРАКТЕРА ПЕРСОНАЖА

Для подтверждения наших наблюдений обратимся к описанию характера и поведения Эдварда Феррарса, одного из главных героев романа Д. Остин «Sense and Sensibility» («Разум и чувство»). Само название романа как первая авторская интерпретация произведения и маркер вектора читательского восприятия свидетельствует о приоритете чувств и эмоций при характеристике персонажей. Создавая эти характеристики, писатель прибегает к целому арсеналу образных и синонимических средств. Они вступают в различные виды контактных и дистантных семантических перекличек. Тем самым они предопределяют полноту и многогранность авторских характеристик персонажей. При этом однокоренные заглавные номинации актуализируют базовые текстовые концепты: рациональное мышление (*sense*) и эмоциональное восприятие (*sensibility*) реальности, а сочинительная связь между ними реализует авторскую интенцию привести во взаимное равновесие разум и чувства.

Исходным понятием наших рассуждений является «художественный образ персонажа в своем развитии», который «играет существенную роль для сюжетодвижения литературного произведения, испытывая в свою очередь изменения, связанные с сюжетными ситуациями» [Гончарова 1984, с. 86]. Д. Остин использует комплексную интродукцию персонажа, означающую одновременное введение героя и его полного имени: *Edward Ferrars* (Эдвард Феррарс) и его оценочной характеристики: *a gentleman-like and pleasing young man* (*весьма приятный молодой человек*).

С учетом контекста отметим синонимическую связь таких единиц, как *gentleman-like* и *pleasing*, используемых для нюансирования характерных черт персонажа. Согласно словарю синонимов *Thesaurus*, *gentleman-like* и *pleasing* не синонимичны, но в авторском понимании они семантически и прагматически сближаются и, будучи соединенными сочинительным союзом *and*, уточняют, что Эдвард, согласно словарным дефинициям Merriam-Webster, 'человек благородный и нежный' (*gentleman-like*), удовлетворяющий чужие потребности (*pleasing*). Д. Остин активно применяет концентрацию семантически близких единиц для разностороннего описания поведения и характера Эдварда, расширяя тем самым границы языкового синонимического ряда.

Далее следует более полное и в оценочном плане неоднозначное описание характера Эдварда, которое можно назвать квалитативным портретом, акцентирующим качественные черты персонажа в отвлечении от его деятельности [Гончарова, 1984, с. 88]:

> Edward Ferrars was not recommended to their good opinion by any peculiar graces of person or address. He was not handsome, and his manners required intimacy

to make them pleasing. He was too diffident to do justice to himself; but when his natural shyness was overcome, his behaviour gave every indication of an open, affectionate heart. His understanding was good, and his education had given it solid improvement (*J. Austen. Sense and Sensibility*). – **Эдвард Феррарс не обладал особыми внешними достоинствами**. **Он не был красив**, а его манерам **не хватало раскованности**. Он всегда был **неуверен в себе**, но, когда ему удавалось преодолеть **природную застенчивость**, становилось ясно, что у него **открытое и доброе сердце**. Он был **достаточно сообразительным и получил неплохое образование** (*Д. Остин. Чувство и разум*).

В первых двух предложениях наблюдается механизм синонимического варьирования, который, по сути, свидетельствует об отрицательной оценке, данной персонажу: Эдвард не заслужил доброго отношения других героев произведения, так как он, по мнению Марианны, не обладал привлекательной внешностью и замечательными манерами. Но при введении в сюжет Д. Остин характеризует его как джентльмена с хорошими манерами. В приведенный контекст вводится негативно-оценочная характеристика *not handsome*, за которой следует повтор положительного качества *pleasing* опять же с определенной оговоркой. Далее, во второй части контекста, происходит изменение вектора оценочности: Эдвард слишком застенчивый (*too diffident*), но он обладает открытым и преданным сердцем (*open*, *affectionate heart*), сообразительностью и образованностью (*his understanding was good*, *and his education had given it solid improvement*), но при этом его устремления весьма прозаичны. Таким образом, в данном контексте прослеживается прагматически обусловленная перекличка как семантически близких, так и оппозитивных характеристик персонажа. Номинации *diffident* (с интенсификатором *too*) и *shyness*, согласно словарю *Thesaurus*, имеют сильную синонимическую связь, автор акцентирует внимание читателя на многогранном понятии «скромность», которое, по нашему мнению, является одной из доминантных характеристик Эдварда. Анализ текста романа показал, что Д. Остин при описании характера героев оперирует как словарными, так и индивидуально-авторскими синонимами. Их сочетание свидетельствует об авторской художественной рефлексии, регулирующей оценочный вектор читательского восприятия образа персонажа.

В итоге автор реализует положительную прагматическую фокусировку характера героя, хотя и с оговорками. Однако авторское описание наполнено и отрицательными выражениями. Они значительно снижают, но не перечеркивают положительные качества Эдварда. Используя частицу *not*, автор оперирует также единицами с имплицитной отрицательной коннотацией, которые в совокупности формируют достаточно противоречивый образ Эдварда. Причем он предлагается читателю с самого начала повествования.

Согласно нашим наблюдениям, механизм синонимического варьирования как языковых, так и индивидуально-авторских сближающихся по значению номинаций используется как в авторском, так и в персонажном восприятии Эдварда:

Mrs. Dashwood: …She saw only that he was **quiet** and **unobtrusive**, and she liked him for it… Her manners were attaching, and soon banished his **reserve**. She speedily comprehended all his **merits**; the persuasion of his regard for Elinor perhaps assisted her penetration; but she really felt assured of his worth: and even that **quietness** of **manner**, which militated against all her established ideas of what a young **man's address ought** to be, was **no longer uninteresting** when she knew **his heart** to be **warm** and his **temper affectionate** (*J. Austen. Sense and Sensibility*). – *Миссис Дэшвуд*: Она видела, что он **спокойный и скромный** молодой человек, и уже одно это **ей нравилось**… Она проявила определенную настойчивость и вскоре победила его **неизменную скрытность и осторожность**. Для нее сразу стали ясны его **достоинства**. Она поверила в то, что это **стоящий человек**, что у него **дружелюбный характер и горячее сердце** (*Д. Остин. Чувство и разум*).

В данном фрагменте Д. Остин вводит восприятие персонажа миссис Дэшвуд, создавая объемный образ Эдварда. *Quiet* и *unobtrusive* не имеют синонимической связи, однако *quiet* является сильным синонимом отмеченной выше номинации *shy*. Она дополнена индивидуально-авторским ассоциатом *unobtrusive*, расширяющим текстовую синонимическую парадигму с доминантой *shy*. В словаре синонимов Thesaurus не отмечена синонимическая связь между этими номинациями, но автор явно вкладывает в них схожее значение (дружелюбный, отзывчивый), расширяя текстовую синонимическую парадигму с доминантой *pleasing*.

После знакомства читателя с героем автор создает комплексный квалитативный портрет Эдварда, акцентируя его неоднозначное восприятие миссис Дэшвуд и двумя ее дочерями – Марианной и влюбленной в него Элинор. Восприятие Эдварда перечисленными персонажами проявляется в их речевых партиях, которым свойственна экспрессивность и индивидуальная оценочность. Так, у миссис Дэшвуд сложилось самое лучшее мнение о сердечной доброте Эдварда, которое Марианна не разделяет:

> Edward is **very amiable**, and **I love him tenderly**. But yet – he is not the kind of young man – there is something wanting – his **figure is not striking**; it has **none of that grace** which I should expect in the man who could seriously attach my sister. **His eyes want all that spirit, that fire**, which at once announce **virtue** and **intelligence**. And besides all this, I am afraid, Mama, he has **no real taste** (*J. Austen. Sense and Sensibility*). – Эдвард, безусловно, **очень приятный** молодой человек, но он совсем не принц. У него **не слишком привлекательная фигура**, в нем полностью **отсутствуют грация и изящество**, которые, как я считала, в первую очередь привлекают мою сестру. **В его глазах нет огня**, они говорят только о **добродетели и достоинстве**. И кроме того, мама, боюсь, у него **отсутствует вкус** (*Д. Остин. Чувство и разум*).

Столкновение мнений свидетельствует о неоднозначном отношении к Эдварду. Если миссис Дэшвуд он нравится, то Марианна, не отрицая отмеченных добродетелей, считает, что эти качества не так важны либо же они вовсе не должны быть присущи джентльмену. В семантическую перекличку вступают при этом номинации, обладающие ассоциативной связью (*virtue – intelligence*) и раскрывающие во взаимодействии такие черты характера Эдварда, как интеллигентность, добродушие и отзывчивость. Посредством синонимической аттракции с привлечением индивидуально-авторских синонимов и ассоциатов Д. Остин расширяет синонимическое поле обозначения характерных черт персонажа, что является прагматически значимым показателем авторской художественной рефлексии. Примечательны также номинации с сильной синонимической связью и волютативным значением *want spirit*, *fire*, авторское толкование которых происходит посредством взаимодействия единиц разной степени семантической близости, в том числе и противоположности, создающих синонимические оппозиции на основе доминантных характеристик *shy*, с одной стороны, и *spirit*, *fire* – с другой.

Анализ авторского текста показал, что Д. Остин фокусирует внимание на доминантных чертах характера Эдварда, которые прослеживаются на протяжении всего повествования. Оценочный вектор восприятия героя строится на двух базовых характеристиках – *shy* и *pleasing*, что подтверждается частотностью используемых синонимов и близких по значению слов. Так, в процессе анализа было осуществлено моделирование текстовых синонимических парадигм с доминантами *shy* и *pleasing* как базовыми характеристиками Эдварда Феррарса. Наибольшую частотность (по убывающей) при раскрытии такого качества персонажа, как *shy*, проявили *tame*, *grave*, *dull*, *diffident*, *quiet*, *spiritless*, *unobtrusive*. При описании характерной черты *pleasing* автор использует такие номинации, как *charming*, *amiable*, *sincere*, *worthy*, *honourable*, *gentlemanlike*, *intelligent*, *understanding*. Цепочечно-радиальная конфигурация данных парадигм и разная сила семантической связи между их элементами свидетельствуют о коммуникативно-прагматической значимости авторского синонимического варьирования, позволяющего создать объемный образ персонажа.

Схема 1

Синонимические парадигмы с доминантами *shy* и *pleasing*

Из приведенных схематических моделей следует, что синонимические связи не прослеживаются между всеми номинациями, многие из которых семантически связаны лишь опосредованно, что обусловлено авторской интенцией и оценочной модальностью. В этой связи в перспективе возможно продолжить исследование, дополнив механизм оценки писателем образа персонажа путем формального моделирования синтаксических связей в тексте художественного произведения [Горожанов, Красикова, 2024; Горожанов, 2024].

На протяжении всего повествования происходит становление характера героя, при этом неизменными остаются отмеченные в начале романа доминантные черты персонажа – скромный, добрый, приятный, нюансируемые посредством механизма синонимического варьирования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отражая процесс и результат индивидуально-авторской художественной рефлексии, синонимическое варьирование активно используется Д. Остин для раскрытия характера персонажа в его развитии, акцентирования его базовых характеристик и нюансирования связанных с ними качеств личности Эдварда Феррарса. Анализ показал, что Д. Остин фокусирует внимание на доминантных чертах характера Эдварда, развитие и модификация которых прослеживаются на протяжении всего повествования. Автор целенаправленно использует языковые синонимы, индивидуально-авторские синонимы, сематически близкие номинации и ассоциаты, реализующие в разных видах взаимодействия механизмы синонимического варьирования, синонимической аттракции, а также

синонимических оппозиций, способствуя созданию комплексного, но неоднозначного характера персонажа. Выявление номинаций, маркирующих концептуально значимые черты характера Эдварда, а также коррелирующих с ними семантически близких выражений, позволило осуществить моделирование иерархически организованных текстовых синонимических парадигм с доминантами *shy* и *pleasing*, компоненты которых обнаруживают разную степень семантической близости, обусловленную авторской интенцией и оценочной модальностью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Степанова Д. В., Яновская А. С. Языковые средства описания внешности литературного героя: сопоставительный анализ на базе корпуса параллельных текстов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 13 (894). С. 112–120.
2. Кубрякова Е. С. Слово в дискурсе (новые подходы к его анализу) // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: сборник научных трудов. Рязань: Рязанский государственный педагогический университет им. С. А. Есенина, 2002. С. 7–11.
3. Бабенко И. И. Художественная рефлексия как фактор становления творческой языковой личности // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. Вып. 4 (157). С. 107–111.
4. Болотнова Н. С. О связи регулятивной и концептуальной структур поэтического текста // Вестник Томского государственного педагогического университета, 2006. Вып. 5 (56). С. 108–113.
5. Баранов А. Г. Прагматика как методологическая перспектива языка. Краснодар: Просвещение–Юг, 2008.
6. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные труды. М.: Гнозис, 2005.
7. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996.
8. Серебрякова С. В. Когнитивно-прагматическая обусловленность синонимической аттракции как маркера концептуально значимой информации // Когнитивные парадигмы языкового сознания и проблемы билингвизма в современной лингвистике: материалы III Международной научной конференции. Майкоп: АГУ, 2022. С. 235–243.
9. Черняк В. Д. Синонимическое варьирование в современной речи // Русский язык сегодня: сборник статей. Вып. 1. М.: Азбуковник, 2000. С. 463–471.
10. Гончарова Е. А. Пути лингвистического выражения категорий «автор – персонаж». Томск: Изд-во Томского университета, 1984.
11. Белов В. А. Когнитивные основания лексической синонимии имен существительных // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2022. Т. 8. № 2. С. 3–23.
12. Ульман С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. 5. М.: Прогресс, 1970. С. 250–299.
13. Горожанов А. И., Красикова Е. А. Формальная модель оценки образа персонажа художественного произведения (на материале романа Дж. Оруэлла «1984») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 9. С. 3239–3248. DOI 10.30853/phil20240458.
14. Горожанов А. И. Метод программного анализа контекста лексической единицы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2024. № 3. С. 178–190. DOI 10.29025/2079-6021-2024-3-178-190.

REFERENCES

1. Stepanova, D. V., Yanovskaya, N. S. (2024). Linguistic means of a fictional hero appearance description: a comparative analysis on the basis of a parallel text corpus. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(894), 112–120. (In Russ.)
2. Kubryakova, E. S. (2002). Slovo v diskurse (novye podhody k ego analizu) = The word in discourse (new approaches to its analysis).Text and discourse: Traditional aspects of linguistic research (pp. 7–11): Collection of articles. Ryazan: S. A. Yesenin RGPU. (In Russ.)
3. Babenko, I. I. (2015). Artistic reflection as a factor of creative langue personality formation. Tomsk State Pedagogical University Bulletin, 4(157), 107–111. (In Russ.)
4. Bolotnova, N. S. (2006). O svyazi regulyativnoj i konceptual'noj struktur poeticheskogo teksta = On the relationship between the regulatory and conceptual structures of the poetic text. Tomsk State Pedagogical University Bulletin, 5(56), 108–113. (In Russ.)

5. Baranov, A. G. (2008). Pragmatika kak metodologicheskaya perspektiva yazyka = Pragmatics as a methodological perspective of language. Krasnodar: Prosveshchenie-YUg. (In Russ.)
6. Zalevskaya, A. A. (2005). Psiholingvisticheskie issledovaniya = Psycholinguistic research. Word. Text: Selected works. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
7. Nikitin, M. V. (1996). Kurs lingvisticheskoj semantiki = Course of linguistic semantics. St.Petersburg: Scientific Center for Dialogue Problems. (In Russ.)
8. Serebriakova, S. V. (2022).Cognitive-pragmatic causality of synonymous attraction as a marker of conceptually significant information. Cognitive paradigms of linguistic consciousness and the problems of bilingualism in modern linguistics (pp. 235–243): proceedings of the III International Scientific Conference. Maikop: AGU. (In Russ.)
9. Chernyak, V. D. (2000). Sinonimicheskoe var'irovanie v sovremennoj rechi = Synonymous variation in modern speech. Russian language today (issue 1, pp. 463–471): A collection of articles. Issue 1. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.)
10. Goncharova, E. A. (1984). Puti lingvisticheskogo vyrazheniya kategorij «avtor – personazh» = Ways of linguistic expression of «author – character» categories. Tomsk: Tomsk University Publishing. (In Russ.)
11. Belov, V. A. (2022). Kognitivnye osnovaniya leksicheskoj sinonimii imen sushchestvitel'nyh = Cognitive foundations of lexical synonymy of nouns. Research Result. Theoretical and Applied Linguistics, 8 (2), 3–23. (In Russ.)
12. Ulmann, S. (1970). Semanticheskie universalii = Semantic universals. New in linguistics (issue 5, pp. 250–299). M.: Progress. (In Russ.)
13. Gorozhanov, A. I., Krasikova, E. A. (2024). Formal model for evaluating the image of a character in a fictional work (based on G. Orwell's novel "1984"). Philology. Theory & Practice, 17(9), 3239–3248. 10.30853/phil20240458.
14. Gorozhanov, A. I. (2024). Programming analysis of the lexical unit context. Current issues in philology and pedagogical linguistics, 3, 178–190. 10.29025/2079-6021-2024-3-178-190.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Серебрякова Светлана Васильевна

доктор филологических наук, профессор
профессор департамента лингвистики
Северо-Кавказского федерального университета

Протопопов Илья Евгеньевич

аспирант
ассистент департамента лингвистики
Северо-Кавказского федерального университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Serebriakova Svetlana Vasilyevna

Doctor of Philology, Professor
Professor of the Linguistic Department
North Caucasus Federal University

Protopopov Ilya Evgenievich

Postgraduate Student
Assistant at the Linguistic Department
North Caucasus Federal University

Статья поступила в редакцию	23.01.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	06.02.2025	approved after reviewing
принята к публикации	13.03.2025	accepted for publication

ДИСКУРСИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья
УДК 81'42

Речеактовая специфика гармонизации коммуникации в дискурсе социальной работы

Ю. И. Бредихина

Ставропольский государственный педагогический институт, Ставрополь, Россия
bredichinajulia@yandex.ru

Аннотация. Стратегия гармонизации некооперативного коммуникативного взаимодействия является ключевым условием достижения дуальных целей пограничного дискурса социальной работы. Целью настоящего исследования является рассмотрение речеактовой специфики уровней коммуникативного действия в некооперативном дискурсе социальной работы. На основании интеракционального и дискурсивно-модусного анализа микроконтекстов, репрезентирующих взаимодействие агентов и клиентов социальных служб, определяются наиболее эффективные формы локуции. С их помощью транслируются частные и целецентрические гармонизирующие иллокуции. В качестве частотных и обладающих максимальным потенциалом консолидации коммуникативных усилий признаются: ассертивы, комиссивы, квеситивы, промисивы, перформативы, декларативы, апеллятивы, метакоммуникативные фатические маркеры.

Ключевые слова: пограничный институциональный дискурс, гармонизация коммуникации, речеактовая специфика, стратагемно-тактическое варьирование, ситуативная адаптация, модерация tertiariis agens

Для цитирования: Бредихина Ю. И. Речеактовая специфика гармонизации коммуникации в дискурсе социальной работы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3(897). С. 48–55.

Original article

Speech Act Specifics of Communication Harmonization within the Social Work Discourse

Yulia I. Bredikhina

Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia
bredichinajulia@yandex.ru

Abstract. The strategy of harmonizing non-cooperative communicative interaction is a key condition for achieving the dual goals of the boundary social work discourse. The purpose of this study is to consider and analyze the communicative action levels' speech act specifics in the non-cooperative social work discourse. Based on the interactional and discursive-modus analysis of microcontexts representing the social services' agents and clients interaction, we determine the most effective forms of locution, transferring private and goal-centric harmonizing illocutions. The following are recognized as frequent and having the maximum potential for consolidating communicative efforts: assertives, commissives, questives, promisives, performatives, declaratives, appealatives, metacommunicative phatic markers.

Keywords: boundary institutional discourse, harmonization of communication, speech act specifics, strategic-tactical variation, situational adaptation, tertiariis agens' moderation

For citation: Bredikhina, Yu. I. (2025). Speech act specifics of communication harmonization within the social work discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(897), 48–55. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Гармоничная коммуникация как основа эффективного целецентрического некооперативного речевого взаимодействияопределяет норму взаимоотношений в современном обществе. Любая межличностная интеракция создает коммуникативно-прагматическое пространство консолидации коммуникативных и когнитивных способностей, применяемых для достижения актуальной цели. Настоящее исследование представляет собой попытку демонстрации индивидуальных речевых стратегийкак проявления субъектности в условиях пограничного дискурса социальной работы, в рамках которого пристальное внимание «третичного агента» (tertiariis agens) способствует сопоставлению действий непосредственных участников общения с инскрипциями социального института и ситуативной адаптации коммуникативного действия к общепринятым модельным образцам. Признанный контроль социального института определяет порядок всей речевой коммуникации, помогает выстроить конструктивный диалог, а также ограничивает яркую демонстрацию «доминантного» положения агента как названного координатора деятельности определенной организации. Среди наиболее частотных и детально изученных речевых стратегий в рамках общих организованных принципов институционального дискурса можно выделить не только классическую аргументативную тактику приведения примеров как основного конверсного хода, но и применение формульной стратегии усиления как главного персонально ориентированного элемента трансляции иллокуции. Он необходим для достижения перлокутивного эфекта, а также для внедрения ходов: повтора, контраста, смягчения [Дейк, 2000] и тактики внесения элементов неформальности, иногда даже с элементами юмора [Гойхман, Надеина, 2003].

В качестве задач работы обозначим:

- выявление роли института социальной службы как «третичного агента» (tertiariis agens) коммуникации в сдерживании эксцентричного речевого поведения клиента с внедрением тактик вербально-психологического давления у определенного класса клиентов (граждан);
- описание механизмов стирания доминирующей роли агента в управлении развитием дискурса при использовании кооперативных стратегий во всех видах социальной коммуникации в единстве трехфокусной системы «социальный работник – клиент – социальная служба»;
- делимитацию приемов применения специфических речевых стратегий и тактик воздействия для достижения персональных целей непосредственных участников взаимодействия «в обход» «третичного агента» (tertiariis agens).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Настоящая работа характеризуется конвергенцией интеракционального подхода к анализу коммуникации [Алферов, 2020] в скоординированном потоке профессионального дискурса в рамках социального института и дискурсивно-модусного анализа иллокутивных пространств агента и клиента с концепцией речевой деятельности как области смены и взаимообусловленности локутивных, иллокутивных и перлокутивных актов. Предлагаемая методология позволяет определить многоуровневую таксономию речевых актов в рассматриваемом гибридном дискурсивном пространстве.

В качестве эмпирического материала исследования послужили скрипты записей бесед, осуществляемых в рамках приема граждан различными социальными службами и административными органами.

ХОД ИССЛЕДОВАНИЯ

Попытка интеграции персонального и институционального дискурсов в рамках государственного аппарата всегда будет иметь аналогичную конклюзию – любой эгоцентричный перформанс представителя класса клиентов (граждан) всегда будет маркирован как несоответствующий, декодирован и пресечен строго регламентированным «Институциональным голосом». Взаимовлияния и взаимозависимости лингвокогнитивных процессов дискурсивизации и субстанциональныого наполнения, материальных факторов их организации следует рассматривать как интердискурс [Бубнова, 2024]. Вместе с тем подробный анализ дуальных коммуникативных отношений «клиент – агент» в рассматриваемом нами дискурсе социальной работы с населением позволяет выявить наличие некоторых представленных характеристик, свойственных институциональной коммуникации, таких как: нормативность, стереотипность, системность, апеллятивность [Попова, 2015], шаблонность,

статусная ориентированность, клишированность. По мнению российского дискурсолога В. И. Карасика, «институциональный дискурс есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума <…> любое общение носит многомерный, партитурный характер, и его типы выделяются с известной степенью условности» [Карасик, 2002, с. 195].

В правиле тактической поливалентности дискурсов Мишель Фуко провозглашает: «Дискурс следует понимать как серию прерывных сегментов, тактическая функция которых не является ни единообразной, ни устойчивой» [Фуко, 1996, с. 134–135]. Он сравнивает дискурс со «сложной неустойчивой игрой», в которой дискурсивные практики имеют дуальный инструментально-результирующий характер. Они являются способом реализации и эффектом самореализации власти. Кроме того, они могут быть охарактеризованы как бифуркационные точки сопротивления манипулятивным практикам контркоммуниканта. Эти бифуркационные точки являются пунктами мены актуальных ролей, а также истоками реализации противоположной стратегии.

Разработанная в XX веке Дж. Лэнгшо Остином (John Langshaw Austin) описательно-аналитическая теория речевых актов, органично сочетает методологию анализа процессов речепорождения и целеполагания. Автор приходит к логическому заключению о том, что фундаментальной постоянной коммуникации является не континуальный субъективный фрагмент речи – высказывание, – а речевой акт как обоюдное взаимодействие – диалог или полилог между участниками коммуникативного взаимодействия, являющийся единицей речевой деятельности и протекающий в рамках социоречевого поведения [Остин, 2006].

Со временем данная идея модернизировалась и модифицировалась в работах ученика и последователя Остина – Дж. Р. Сёрла. Взяв за основу глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, а также механизмы экспликации иллокутивной силы, Сёрл на новом уровне описывает основные компоненты речевого акта. Он показывает, как связанное с миром сознание раскрывается репрезентативным содержанием языковых структур. Исследователь называет это «производством» [Сёрл, 1986]. Таким образом, поиск коррелятов и адекватных переходов иллокутивных, локутивных и перлокутивных актов есть «процесс производства» некоего единства, который и будет речевым актом.

Консолидируя постулаты указанных концепций, можно дефинировать речевой акт как сложный, мотивированный, интенциональный и структурированный процесс вербальной коммуникации. Как правило, он регламентирован коммуникативными паттернами и наделен конвенциональным характером. В исследуемой парадигме «клиент – агент» речевой акт как сложноорганизованная интеракция в бинарной оппозиции характеризуется интенционально формируемым вербально-когнитивным вектором адресанта (клиента). В его структуре можно проследить саккадические изменения. Они простираются от построения локутивных единиц (при создании субстанциональной стороны высказывания как базиса для зарождения предстоящей коммуникации) до осознанного внедрения доминантным коммуникантом приемов речевого воздействия и создания перлокутивного эффекта. Ему способствует иллокутивная сила. Эта сила сопряжена с активизацией аспектуального ситуативного компонента значения, которым насыщает ее автор для достижения поставленной цели.

Что же является индикатором инициации, инхоативной фразы данного вербального взаимодействия? Кто старается проявить в нем свои манипулятивные и суггестивные компетенции, ярко демонстрируя полное владение ситуацией? Кому и по какому каналу(пути) коммуникации происходит трансляция не только информационных компонентов, но и демонстрация позиций доминирования в коммуникации, актуальной роли? И, самое главное, с каким эффектом? (см. рис. 1):

Как правило, исходный информационный посыл, являющийся триггером для формирования футуральности, в инициальной фразе обретает форму квеситива с экспликацией осознания какого-либо реального или имагинативного нарушения имеющихся у клиента представлений о модели его

Рис. 1. Компонентно-канальная модель некооперативной интеракции

взаимодействия с социальным институтом. Подобная форма кодированная, принимаемая адресантом на базисе корреляции конвенционализированной модели с неэксплицированнами личными представлениями, формирует яркую концепцию будущности, в которой ему обязательно будет положено то, в чем до этого его «обделяли» и является инхоативным маркером некооперативной развернутой коммуникации (первичное обращение в органы социальной защиты), т. е. локутивный акт, по сути, представляет собой не объективацию проблемы, но маркирование осознания ее наличия, началом конфликтогенеза. Рассмотрим некоторые микроконтексты, вариативно представляющие репрезентативные способы инициирования некооперативного взаимодействия клиента и агента:

> *Клиент*: *В средствах массовой информации сказали, что всем положена* ежемесячная компенсация по коммунальным услугам! *Все знакомые уже получили!!!* Вот, например, *моей соседке уже все выплатили! Как так? А мне когда выплатят?*[1]

Центральным компонентом данного коммуникативного пространства является информация о положенной, но пока имеющей абстрактный образ, выплате (ведь средства массовой информации сообщили). Следует указать, что репрезентативная форма этого сообщения не должна вводить в заблуждение при анализе, прежде всего, она реализует функцию хеджирования, снятия с себя эпистемической ответственности, оправдания повода обращения. Репрезентатив «*сказали, что всем положена компенсация*», как правило, представлен клиентом в акте высказывания как официальный коммуникативный регистр. Однако уже в преамбуле предстоящей межличностной коммуникации, адресат «диагностирует» степень восприятия реципиентом информации и наблюдает за его ответной эмоциональной реакцией, которая может сопровождаться физическими изменениями в мимике, кинесике, изменении тона и высоты голоса, во внешности в целом. Осознанное подключение эмотивного декларатива ассертивного типа: «Все знакомые уже получили!» – добавляет эмоционально-экспрессивную окраску данной комуникации. Тактика приведения примера: «Вот, например, моей соседке уже все выплатили!» – как уточняющий конверсный ход придает истинности представленной информации. Коммуникативная интенция квеситива: «Как так? А мне когда выплатят?» – призывает коммуникантов к совместному устранению проблемы и акцентирует важность конклюзии для самого адресата. Преследуя цель полного погружения агента социальной структуры в «наболевшее», клиент может внедрять тактику повтора, интенсифицируя и реактуализируя переформулированную им вербальную конструкцию несколько раз. Строго говоря, в соответствии с прагматическими условиями уместных высказываний повторение тождественных пропозиций в локально одном и том же контексте считается «избыточным», слушающий уже «знает повтор». «Таким образом, семантическое и прагматическое повторение также функционирует как риторический ход, а именно как ДОБАВЛЕНИЕ ("одной и той же") информации, которая определяет фонологический ритм или синтаксический параллелизм. Такой риторический ход будет функциональным по отношению к глобальной цели. Этот дополнительный "узелок на память" окажется весьма полезным при поиске информации и сделает, следовательно, пропозицию / ассерцию более эффективной» [Дейк, 2000, с. 287–288].

В ходе речевого акта клиент может менять структуру предложения, порядок слов, но основные лексемы: «сказали», «положена», «получили» – всегда для него будут играть ключевую роль и являться некими координатами, определяющими положение коммуникативного вектора.

В других альтернативных, но также довольно часто встречаемых микроконтекстах, маркирующих инхоативный этап проблематизации темы обращения задействованы сходные механизмы, сопровождаемые инициальными бехабитивами и хезитативными конструкциями.

> *Клиент*: Здравствуйте! *Мне кажется*, что я не получаю ежемесячную выплату по коммунальным услугам. *Всем платят, а мне нет!*

> *Клиент*: Здравствуйте! Подскажите, пожалуйста, в этом месяце *мне почему-то* не выплатили ежемесячную выплату по коммунальным услугам! *Все получили, а я нет!!!*

В приведенном микроконтексте клиент демонстрирует завуалированный квеситив и приглашает агента социальной структуры к дальнейшей дискуссии. Прагматический компонент эмотивного репрезентатива: «Я не получаю, а все получают», – оправленный хизитативными конструкциями «мне кажется», «почему-то», снижающими уровень эпистемической ответственности говорящего, является главной интенционально эксплицируемой пропозицией будущей коммуникации.

Представленный утвердительный ассертив: «Все получили, а я нет» – имеет иллокутивную

[1]Личный архив исследователя Ю. И. Бредихиной. URL:: https://disk.yandex.ru/d/RS7jlmyBN6mODA (дата обращения: 15.01.2025).

направленность директивы – «попытки», в которой адресант добивается того, чтобы слушающий совершил нечто [Сёрл, 1986], что в рассматриваемом случае не противоречит его внутренней концепции. Манифестированная идея раскрывает лично актуальную для адресанта цель. Надеясь создать общее коммуникативное пространство (насыщенное положительными эмоциями), необходимое для ликвидации барьеров общения между участниками данного акта исходно некооперативной интеракции, клиент в любой момент готов лавировать в текущей коммуникации, подключая апеллятивы: «Мария Ивановна», «Уважаемая Мария» или «Машенька» с внедрением такесики и вокалики, параллельно подключая ксеноденотативную тактику смягчения с применением метакоммуникативных фатических маркеров (специфических дискурсивных единиц): «милая», «лапонька», «деточка».

> *Клиент*: Ой, *лапонька*, посмотри, что там мне начисляется! *Вот, подумала*, надо к вам сходить на всякий случай, *вдруг* мне положено *много денег*.

Тактика внесения неформальности, используемая клиентом, скоординирована на избежание предвзятости со стороны специалиста, а внедрение им элементов юмора «вдруг мне положено много денег» помогает преодолеть сдержанность, закрытость и добиться эффективной коммуникации.

Клиент может быть абсолютно уверен или не уверен в актуальности эксплицитного или имплицитного функционального репрезентатива. Однако он изначально имеет свое преддискурсивно имагинативно сформированное представление о модели протекания речевого взаимодействия (своего рода модельную прессуппозицию), проходящего в рамках государственной структуры социальной службы, в образе которой фрустрация как мощный мотиватор для изменения ситуации и достижение целей на начальном этапе коммуникации всегда заменяется эйфорией, (удовлетворением конклюзией). Смена фрустрации эйфорией может быть описана в схематизме, автором которого являются сами представители класса клиентов: «…типа, пришел с копьем – стукнул копытом – всё сделали – ушел с улыбкой».

Однако вся интеракция, осуществляясь в рамках постоянного сравнения, адаптации и коррекции собственных реальных и коммуникативных действий клиента с векторами аналогичных речевых ходов агента на основе конвенций и норм, продиктованных «третичным агентом», не всегда может отвечать внутренним требованиям клиента (актуальным, мотивационным и интерпретационным значимостям) [Бредихина, 2023]. В таком случае дальнейшее развитие коммуникативного взаимодействия будет определяться следующими факторами: синергией векторов развития дискурса, эмоциональным типом личности контркоммуникантов, их дискурсивной компетенцией (знанием и умением пользоваться паттернами), а также способностью к осуществлению пертинентностно-релевантностного перехода в условиях некооперативного взаимодействия [Бредихин, 2023].

Уже на этом этапе коммуникации данная дуальная парадигма находится под пристальным наблюдением «третичного агента» социальной службы. Строго регламентируемые коммуникативные действия социального института сдерживают самосильность развития всего процесса социально значимой, стремящейся к консолидационному уровню, но исходно некооперативной коммуникации, по сути, стремясь нивелировать энтропию. Именно на основании позитивного модерирования пересекающихся областей целеполагания и контроля за формами коммуникативной репрезентации становится возможным учет «интересов всех участников межинституционального взаимодействия и одновременно возникает возможность апробации принимаемых решений с последующим их внедрением» [Гусейнова, Горожанов, 2024, с. 18] в дисурсивные практики пограничной коммуникации. Институциональный дискурс есть специализированная конвенционализированная и легитимизарованная «третичным агентом» разновидность общения. Устанавливается некий стандарт поведения, которому, в свою очередь, свойствен определенный набор типичных для данной сферы речевых событий, типичных моделей речевого поведения при исполнении тех или иных социальных ролей, типичной тематики общения [Кунцевич, 2005].

Под пристальное рассмотрение ежеминутно попадают оба участника коммуникативного процесса: представитель социального института и клиент. Как правило, у такого обращения несколько сценариев (сюжетных схем):

> *Агент*: *Вам, согласно Федерального закона,* ежемесячно *начисляется* и выплачивается компенсация за коммунальные услуги. Все изменения, положенные *Вам, будут производиться* в автоматическом режиме. Если будет необходим дополнительный пакет документов, то мы *Вам* об этом *обязательно сообщим!*

> *Агент*: Для начисления ежемесячной денежной компенсации *Вам необходимо* предоставить в органы социальной службы пакет документов (перечень необходимого предоставлен).

В представленных агентом матрично построенных официальных ассертивах «Вам начисляется», инструктивах «Вам необходимо», промиссивах «Вам сообщим», «будут производиться», содержится ответная реакция гармонизации на стимул, который исходно, представляет собой вербализованный проблематизированный маркер провокативной коммуникации, которую можно прогнозировать и держать под контролем на основе интенционального иллокутивного праймирования. Таким образом, можно подчеркнуть, что рефлексия сотрудника социальной службы оказывается «запертой» в рамках социального института и находящейся под пристальным вниманием «социальной службы» как модерирующего фактора (третичного агента) всего процесса вербальной и невербальной коммуникации [Бредихина, 2024].

Направленная в адрес агента информация и будет являться маркером точки бифуркации при условии нацеленности клиента на:

1) полное согласие с представленной ему специалистом информацией и гармонизацию всей предстоящей коммуникации:

> *Клиент*: Да, спасибо большое, понятно. Подскажите, пожалуйста, ваш график работы.

2) на дальнейший эмотивно и провокативно маркированный конфликт с использованием угроз и манипулятивных методов:

> Клиент: Я с *вами не согласен! Так и знала*, что здесь сидят спекулянты и обманщики! Где ваш руководитель? Все! Иду писать жалобу в высшие органы! *Я обещаю*, *вы* у меня еще *попляшете*! *Я так на вас надеялась, а вы! Это позор!*

После утвердительного вердиктива: «Я с вами не согласен!» – представленный эмотивный ассертив: «Так и знала» – переходит в чистый эксплицированный комиссивный перформатив: «Я обещаю, вы попляшете!» Имплементация ходов контраста: «Я так на вас надеялась, а вы!» – и усиления экспрессивом в форме релятивной десемантизированной конструкции: «Это позор!», – направленных на эффективный контроль за вниманием реципиента и подчеркивающих важность субъективной макроинформации, завершает эмоционально окрашенное вербальное взаимодействие на агента и позволяет клиенту достичь максимального перлокутивного эффекта. В текущий коммуникативный процесс включается скоординированная специалистом социальной службы яркая промиссивная экспрессия, соответствующая принципу: «All's fair in love and war» («В любви и на войне все средства хороши»), с привлечением невербальных средств и вербальных тактик.

> *Агент*: Подождите! Не торопитесь! Все *Вам начислят, если положено! Не переживайте!*

Необходимость внедрения специалистом хода митигации: «Все Вам начислят, если положено!» – минимизирует возможность реализации экспрессивной интенции клиента как основы будущих рисковых событий. Позитивная реакция клиента на представленное уведомление сдерживает клиента и меняет его внутреннее состояние: эмоциональность подавляется, отношение к ситуации становится более лояльным, а коммуникативное поведение более прогнозируемым.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В представленном нами информационно-коммуникативном пространстве ярко демонстрируется попытка конвергенции элементов институционального и персонального общения. Она предстает в качестве базы создания общей области пространства целеполагания и речеактового варьирования. Гибридные черты этих видов дискурса непрерывно стремятся коррелировать друг с другом. Однако каждый участник коммуникативного акта понимает, что ни одно действие и слово не может быть осуществлено без ситуативной адаптации к конвенциям «третичного агента» (tertiariis agens) социальной службы.

Выбор «правильного» коммуникативного хода, как адекватного моделям институциональной коммуникации локуции и в то же время способного к эффективной трансляции иллокуции является маркером дискурсивной компетенции. Она необходима как клиенту, так и агенту. Умение адаптироваться к психоэмоциональному пространству коммуникации и способность владеть ситуацией характеризует агентов и клиентов социального института в рассматриваемой области некооперативного взаимодействия и является примарным экспликатором идентитарных компонентов дискурсивной компетенции контркоммуникантов.

В результате анализа локутивных актов, совокупность которых проявляется в реализации иллокутивного потенциала, а также ситуативной и институционально детерминированной адаптации, был определен перечень наиболее эффективных речевых актов, располагающих говорящих субъектов к управлению дискурсом. К числу этих речевых актов относятся: ассертивы, коммисивы, квеситивы, промисивы, перформативы, декларативы, апеллятивы, метакоммуникативные фатические маркеры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дейк ван Т. А. Язык познание коммуникация. М.: РИО БГК имени И. А. Бодуэна дэ Куртенэ, 2000.
2. Гойхман О. Я., Надеина Т. М. Речевая коммуникация. М.: ИНФА-М, 2003.
3. Алферов А. В. [и др.] Интеракциональная когнитивная семиотика: понятийные составляющие метода (интерпретанта, релевантность, ad hoc-концепты) / А. В. Алферов, Е. Ю. Кустова, Г. Е. Попова, И. Г. Тамразова // Вестник Пятигорского государственного университета. 2020. № 3. С. 30–36.
4. Бубнова Г. И. Лингвокогнитивный анализ научного текста: гибридизация под воздействием многоканального порождения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 13 (894). С. 23–30.
5. Попова Т. П. Характеристики институционального дискурса // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 6 (2). С. 295–301.
6. Карасик В. И. Языковый круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
7. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996.
8. Остин Дж. Три способа как пролить чернила. Философские работы. М.: Алетейя, 2006.
9. СёрлДж. Р. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. Вып. 17. С. 151–194.
10. Бредихина Ю. И. Антропоцентрические и когнио-коммуникативные основания делимитации релевантности и пертинентности в дискурсе социальной работы // Вестник Ставропольского государственного педагогического института. 2023. № 2 (20). С. 28–37.
11. Бредихин С. Н. Теория некооперативных игр в порождении и интерпретации высказываний институционального дискурса // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2023. № 16. С. 50–58.
12. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Реализация концепции «диалога на равных» в вузе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2024. № 3 (852). С. 17–23.
13. Кунцевич С. Е. Психологические аспекты политического дискурса // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1. Филология. 2005. № 4 (20). С. 37–50.
14. Бредихина Ю. И. Способы управления институциональным дискурсом посредством внедрения паралингвистических и экстралингвистических приемов невербальной коммуникации // Изоморфные и алломорфные признаки языковых систем. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2024. С. 41–47.

REFERENCES

1. Dijk van T. A. (2000). Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya = Language. Cognition. Commenication. Moscow: J. A. Baudouin de Courtenay BGK. (In Russ.)
2. Geuhman, O. Ya., Nadeina, T. M. (2003). Verbal communication. Moscow: INFRA-M. (In Russ.)
3. Alfyorov, A. V. et. al. (2020). Interactional cognitive semiotics: the notional components of the method (interpretant, relevance, ad-hoc concepts) / A. V. Alfyorov, Ye. Yu. Kusstova, G. E. Popova, I. G. Tamrazova. Pyatigorsk State University Bulletin, 3, 30–36. (In Russ.)
4. Bubnova, G. I. (2024). Linguocognitive analysis of a scientific text: hybridization under the influence of multichannel generation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13 (894), 23–30. (In Russ.)
5. Popova, T. P. (2015). Characteristics of institutional discourse. Historical and Social Educational Ideas, 7–6(2), 295–301. (In Russ.)
6. Karasik, V. I. (2002). Языковый круг: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena. (In Russ.)
7. Foucault, M. (1996). The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality. Moscow: Kastal, 1996. (In Russ.).
8. Austin, J. (2006). Three ways to spill ink. Philosophical works. Moscow: Aletejya. (In Russ.).
9. Searle, J. R. (1986). What is a speech act. New trends in foreign linguistics, 17, 151–194. (In Russ.).
10. Bredikhina, Yu. I. (2023). Anthropocentric and cognitive-communicative bases for the delimitation of relevance and pertinence in the discourse of social work. Stavropol State Pedagogical Institute Bulletin, 2(20), 28–37. (In Russ.)
11. Bredikhin, S. N. (2023). The theory of non-cooperative games in generation and interpretation of utterances in institutional discourse. Professional Communication: Topical Issues of Linguistics and Methodology, 16, 50–58. (In Russ.)
12. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2024). Implementation of the concept of “dialogue on equal terms” at the university. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching, 3(852), 17–23. (In Russ.)
13. Kountsevitch, S. E. (2005). Psychological aspects of political discourse. Minsk State Linguistic University Bulletin. Philology, 4(20), 37–50. (In Russ.)
14. Bredikhina, Yu. I. (2024). Ways to manage institutional discourse through the introduction of paralinguistic and extralinguistic techniques of non-verbal communication. Isomorphic and allomorphic features of language systems (pp. 41–47). Stavropol: Izdatel’stvo SKFU. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бредихина Юлия Игоревна
магистр лингвистики
аспирант кафедры русского, родных языков и лингводидактики
Ставропольского государственного педагогического института

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bredikhina Yulia Igorevna
Master of Linguistics
PhD Student
of Department of Russian, Native Languages and Linguodidactics
Stavropol State Pedagogical Institute

Статья поступила в редакцию	25.01.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	16.02.2025	approved after reviewing
принята к публикации	13.03.2025	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'276

Лингвотипология гибридного делиберативного сетевого дискурса болельщиков

О. В. Захра[1], **С. Н. Бредихин**[2]

[1,2]*Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия*
[1]*osama.zahra0093@gmail.com*
[2]*bredichinsergey@yandex.ru*

Аннотация. Целью данного исследования является разработка ключевых лингвотипологических характеристик сетевого дискурса болельщиков. В совокупности они соответствуют развернутому некооперативному взаимодействию. На основе анализа жанровой типологии спортивного дискурса, а также выявления конвенционализированных поликодовых маркеров конвиктивности активного актора и определения эмотивно-аффективных элементов актуализации делиберативного пространства на базе комплекса приемов диалектико-реляционного метода критического дискурс анализа выстраиваются общие области релятивности инициальных постов и стоящих за ними инфоповодов. Авторы приходят к выводу о примарности конвенционализированных вербальных компонентов (терминов, профессионализмов, аргументативных отсылок к прецедентным феноменам) при выражении уверенности активного актора в стимул-реактивном взаимодействии и о доминировании эмотивных аттракторов при интимизации содержания и оценки.

Ключевые слова: сетевой дискурс болельщиков, конвиктивность, делиберативность, развернутое некооперативное взаимодействие, полимодальность, мультифокальность, коммуникативные модели

Для цитирования: Захра О. В., Бредихин С. Н. Лингвотипология гибридного делиберативного сетевого дискурса болельщиков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3 (897). С. 56–64.

Original article

Linguotypology of Hybrid Deliberative Network Discourse of Sport Fans

Osama V. Zahra[1], **Sergey N. Bredikhin**[2]

[1,2]*North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia*
[1]*osama.zahra0093@gmail.com*
[2]*bredichinsergey@yandex.ru*

Abstract. The study aims to determine the key linguotypological characteristics of online fan discourse as a form of specific, expanded, non-cooperative interaction. Common areas of relativity of initial posts and the information reasons behind them are built on the basis of a set of techniques of the dialectical-relational method of critical discourse analysis. The research procedures include the analysis of the genre typology of sports discourse, as well as the identification of conventionalized polycode markers of the convictivity of an active actor and the definition of emotive-affective elements of the actualization of deliberative space. The conclusion is made about the primacy of conventionalized verbal components (terms, professionalisms, argumentative references to precedent phenomena) when expressing the confidence of an active actor in stimulus-reactive interaction, and about the dominance of emotive attractors in the intimization of content and evaluation.

Keywords: online fan discourse, convictivity, deliberativity, extended non-cooperative interaction, polymodality, multifocality, communication models

For citation: Zahra, O. V., Bredikhin, S. N. (2025). Linguotypology of hybrid deliberative network discourse of spot fans. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(897), 56–64. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Современное дискурсивное взаимодействие, обеспечивающее реальные социальные отношения и институты, подвергается разнонаправленным тенденциям к медиатизации, гибридизации и цифровизации [Дорощук, Рамазанов, 2021]. Интенсивность этих процессов по-разному влияет на механизмы и способы опредмечивания частных областей значимости описываемых в результативных текстах событий. Некоторые сферы информирования теряются в потоке, другие совершенствуют коммуникативные приемы актуализации информационных компонентов, третьи на основе мультифокализации (смещения адресантно-адресатной фокусировки) формируют новые пути влияния не только на дискурсы, но и на социальную реальность. К таковым относится и гибридный фанатский дискурс, органично вписавшийся в сетевое пространство, выработавший специфические механизмы преодоления барьеров некооперативного взаимодействия и демонстрирующий высокий объединяющий потенциал на основе моновекторного профилирования [Степанова, 2015].

Именно «новые медиа» (блоги, социальные сети, интернет-платформы, стриминговые площадки и т. п.) существенно увеличивают области модификации исходных установок контркоммуникантов по причине оперативности и эмоциональной экспликаторности представления инфоповодов, а также таргетирования конкретной (часто закрепленной ограниченным числом реципиентов-подписчиков) социумной группы [Бредихин, Каменский, Шибкова, 2024]. В настоящее время ключевой проблемой дискурсологии является адекватное определение типологических и лингвостилистических характеристик дискурсивных практик. Эти практики позволяют достигнуть достаточно гармоничной коммуникации в условиях инициально противоборствующих иллокутивных пространств (например, болельщики разных клубов). Главным фактором и наиболее эффективным механизмом повышения делиберативности в условиях неконтролируемого эмоциогенеза в некооперативном дискурсе является конвергенция кодовых систем (аудиальных, визуальных, вербальных и т. д.). Оно позволяет существенно снизить коммуникативное противостояние участников взаимодействия и обеспечить континуальность в описании разрозненных спортивных событий как элементов единой области профилированного (компетентного) рассмотрения [Захра, 2023].

Примарными задачами настоящего исследования выступают:

- определение областей конвергенции дискурсивных практик в делиберативном сетевом дискурсе болельщиков;
- выявление топикально-гносеологических сфер объединения контркоммуникантов в процессе некооперативного взаимодействия при описании спортивных событий;
- анализ ключевых способов экспликации конвиктивности и делиберативности активных акторов сетевой коммуникации на спортивную тематику.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Анализ гибридной делиберативной сетевой коммуникации спортивных фанатов производится на материале нескольких арабо-, русско- и англоязычных платформ социальных сетей (ВКонтакте, Telegram, Wizards, Twitter, WhatsApp). Общий объем сплошной выборки микроконтекстов составил равное количество исходных и реактивных сообщений (по 100 для каждого языка), однако, распределение по частотности отдельных конвиктивных и делиберативных элементов оказалось неодинаковым (делиберация и интимизация характеризует большей частью арабо- и русскоязычное сетевое пространство, в то время как конвиктивность является ключевой характеристикой англоязычной фанатской коммуникации).

Основным методом исследования делиберативной коммуникации, позволяющей свободно выражать собственные мнения относительно различных, демонстрирующих актуальную ситуативную значимость в конкретной социумной группе инфоповодов, выступает диалектико-реляционное направление критического дискурс-анализа. Трихотомическая модель анализа включает рассмотрение текстовых репрезентаций как результата дискурсивной деятельности. Она складывается на основе социальной коммуникации в условиях развернутого некооперативного взаимодействия [Бредихин, 2023]. Анализ дискурсивной деятельности позволяет выявить

дискурсивные механизмы и поликодовые приемы актуализации эмоциональных и манипулятивных механизмов. Они служат для формирования и поддержания интеракции в социальной сети, а также дают актору виртуального дискурса широкие возможности реализации своей доминантной позиции [Fairclough, 2009].

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Понятие дискурса и его различные интерпретации употребительно в лингвистике достаточно давно. Однако плюрализм мнений, отраженный, например, во вступительной статье к сборнику работ на русском языке, посвященному французской школе дискурс-анализа, П. Серио приводит список из восьми различных пониманий дискурса. Причем они существуют только в рамках французской традиции [Серио, 2002]. Однако множество толкований одного термина не затрудняет трактовку субстанциональной стороны дискурса как «связного текста в сочетании с экстралингвистическими факторами, как текст, взятый в событийном аспекте, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания; дискурс – это речь, погруженная в жизнь»[1].

В рамках социально-прагматического подхода к дискурсу выделяется понятие институционального дискурса. При таком подходе основное внимание уделяется типам языковых личностей, действующих в определенных обстоятельствах и условиях общения. В. И. Карасик подчеркивает, что институциональный дискурс – это общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений [Карасик, 2000]. Одним из его видов является сетевой спортивный дискурс, представляющий некооперативную коммуникацию агентов (продуцентов сетевых стимульно-инициальных текстов) и клиентов (реципиентов, включающихся в агентивную деятельность и являющихся продуцентами реактивно-комментативных текстов) [Зильберт Б., Зильберт А., 2001]. При этом базовой иллокуцией является получение информации и экспликация эмоционально-волюнтативных компонентов оценки инициального инфоповода.

Агент-клиентское взаимодействие некооперативного вида, опосредованное сетевыми средствами, характеризуется перманентной сменой стимульно-комментативной деятельности и создает особое пространство делиберации. Делиберативность в данном случае представляет собой свойство дискурсивной практики. Оно описывается в качестве мультифокальной детерминации иллокутивно-перлокутивного соответствия. Общее заключение по результатам обсуждения инфоповода должно носить консолидационный характер и в той или иной степени удовлетворять всех контркоммуникантов [Алферов, 2019].

Спортивный дискурс является «открытым» как в аспекте привлечения компетентных и некомпетентных коммуникантов, так и в конвергенции формальных признаков экспликации. Они свойственны различным дискурсотипам в спортивном смысловом и тематическом поле. Поэтому ключевой характеристикой спортивного дискурса является полидискурсивность и интердискурсивность [Зильберт, 2001]. В рамках сетевого канала трансляции информации А. Б. Зильберт особо отмечает слияние спортивного и массмедийного дискурсов, поскольку каналы массовой коммуникации являются основными каналами распространения спортивного дискурса. Сетевой формат оказывает особое влияние на исходную ретикулярность медийной коммуникации, которая на основе обратной связи (контактной или дистантной) приобретает черты иммерсивности и интерактивности. Таким образом, сетевой формат выводит некооперативное взаимодействие на совершенно иной уровень коммуникации развернутого типа. Этот новый уровень взаимодействия обусловлен фенеатративным представлением поликодовых единств в различных семиотических кодах.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

В связи с конвергенцией дискурсивных практик, семиотических кодов, иллокутивных пространств и ценностно-ориентационных систем множества контракоммуникантов и целых социумных групп вне зависимости от спецификации кодового доминирования все виды сетевого гибридного делиберативного спортивного дискурса обладают общими чертами. Главным объединяющим формантом служит не столько топикально-гносеологическое единство, сколько пресуппозитивная основа делиберации. Эта основа обеспечивает неизолированность в общем дискурсивном пространстве виртуального дистанционного взаимодействия в ситуации «даунтайма» [Бредихин, Серебряков, Манаенко, 2024]. Пресуппозитивная база неизолированности и объединения коммуникем и когитем в рассматриваемом типе некооперативного взаимодействия является некоей «ментальной основой», как совокупностью многоуровневых когнитивных структур, в которых закреплены знания о явлениях внешнего мира и особенности речевого представления этих знаний. Таким образом, спортивный дискурс передает смыслы, определяющие спортивную деятельность. Существуют

[1]Большой энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 2000. С. 36.

фонетические, лексические, синтаксические средства их экспликации, а также дискурсивные модели их представления в виртуальном пространстве.

По мнению исследователя, спортивный дискурс не является изолированным. Он соприкасается с другими видами дискурса [Снятков, 2008]. А. Б. Зильберт выделяет пересечение спортивного дискурса с научным, педагогическим, деловым, юридическим, политическим, военным, театральным и сценически-институциональным дискурсами. По мнению исследователя, спортивный дискурс пересекается с научным дискурсом в областях научной литературы по спорту и физической культуре: биомеханики, спортивной физиологии, технической и психологической подготовки спортсменов, истории спорта и физической культуры [Зильберт, 2001]. Интенсификация той или иной топикально-гносеологической области в виртуальном отсроченном взаимодействии может производится рапидно, без инициальных вводных, которые маркируют смену топика в едином пространстве делиберации. Однако часто интимизационные компоненты все же внедряются в виде дискурсных маркеров отсылок и цитаций предыдущих комментариев, что обеспечивает связный гипертекст и структурирует его аспектуальное членение.

Аспектуализация и объединение некооперативных полифокальных и дифференциально модусных комментативных реакций на единый инфоповод делиберации осуществляется на основе использования единого «языка». Он коррелирует с репортажным метаязыком спорта, что обусловливается исходной динамикой описываемых событий в спортивном мире [Малышева, 2011]. При этом интенсивность актуализации собственной акторской роли в комментативном сетевом дискурсе определяется степенью «активности» контркоммуникантов: 1) минимальная активность характеризуется удовлетворением информационной и гедонистической потребностей, 2) в случае увеличения степени активности и вовлечения в нарративизацию наблюдается расширение функционально-экспликаторного потенциала единого «языка спорта» – аналитическая, дидактическая, пропагандистская и т. д.

Репортажный аспект метаязыка описания спортивных событий реализует в рамках трансляции топикально-гносеологического единства информационные и аналитические компоненты, которые и способствуют привлечению в спортивный мир широкого круга коммуникантов, стремящихся высказать свое мнение по поводу описываемого события, расширяющее делиберативное пространство. Ключевыми топикально-гносеологическими блоками некооперативного взаимодействия в сети в фанатском комментативном дискурсе выступают: положение команд в турнирной таблице и их действия, результаты прошедших игр, прогнозирование исхода встреч и целых последовательностей соревнований (кубков, чемпионатов и т. п.), комментарии к действиям игроков, специфика того или иного вида спорта, действующие правила, возможности и необходимость их модификации и обсуждение соблюдения конвенций. Как представляется, вышеозначенные топикальные единства обеспечивают реализацию большинства мотивационных и актуальных значимостей, инициирующих стимул-реактивное взаимодействие в полифокальном некооперативном взаимодействии. Как известно, сложная модель личностно-коллективного перехода значимостей осуществляется в перманентном «перетекании» актуализации и легитимизации на основе совмещения областей модификации и конвенционализации исходных компонентов инфоповода при совмещении в бленде (при опредмечивании в рамках коммуникативной ситуации) когнитивных моделей значимости социальных ситуаций нескольких контркоммуникантов [Бредихин, Шибкова, Гусаренко, 2023].

Гедонистически-интимизационные компоненты, которые, казалось бы, должны приводить к энтропии делиберативной коммуникации, к выходу за пределы консолидации в нарративизации единого топика, напротив, способствуют трансляции спортивных комментариев и мнений в их диалектическом взаимодействии. Ввиду удовлетворения потребностей в получении обратных реакций на высказанные мнения о спортивных событиях вышеозначенные экспликаторы пертинентностных областей (личных значимостей) преимущественно объединяют всю совокупность реквестивов и коментативов в однородный делиберативный нарратив. Его сопровождает ярко-выраженное эмоциональное поле, которое, в свою очередь не отделимо от ценностной составляющей спортивной жизни. Так, спортивные неудачи могут быть почвой для юмора, спортивные достижения могут способствовать патетическим эмоциям и т. п.

В области спортивного сетевого дискурса болельщиков доминируют два жанра: комментарий и репортаж, сменяющие друг друга в инициальных и реактивных постах. Однако исследователи часто не проводят четкой границы между ними, используя эти термины как синонимы. Отсутствие достаточного разграничения между ними объясняется тем, что оба жанра сочетают в себе информационную и аналитическую функции. Обе функции сопровождает стремление воздействовать на аудиторию, которое осуществляется посредством интенсификации образа компетентного актора дискурсивизации [Истрате, 2006].

В интернет-пространстве разграничить комментарии и репортажи особенно сложно, так как они часто переплетаются и дополняют друг друга, особенно в блогах и на форумах. Инициальный пост часто дополняется автокомментативным текстом или ассоциативной ссылкой. Кроме того, первичные комментарии образуют разветвленную сеть комментативно-реквестивного гипертекста второго, третьего и других уровней. Они «вплетаются» в общее пространство делиберации и обеспечивают приращение аспектов описываемого исходного инфоповода.

Текстовые трансляции спортивных событий в пространстве блогосферы или сетевых каналах как особый жанр в спортивном сетевом интернет-дискурсе некооперативного взаимодействия исходно неопределенного количества участников и хронологических рамок расширения, характеризуются следующими критериальными признаками:

1) структура трансляции: информация в текстовых онлайн-трансляциях разделена на блоки (модули или топикально-гносеологические единства), каждый из которых посвящен определенному аспекту освещаемого события. Эти модули используют свои системы языковых средств для передачи информации (семиотические ресурсы), которые в свою очередь актуализируются в различных (визуальных, вербальных, аудиальных, эмотивно-графических) кодах;

2) интегративность (сходство с другими жанрами): стиль текстовых трансляций сетевой некооперативной коммуникации схож с другими жанрами спортивного дискурса, такими как спортивный репортаж и комментарий. Они используют те же средства выразительности, экспрессивности и фокусируются на наиболее важных моментах игры или соревнования;

3) инновационность (параллельность инвенции и имплементации аспектуального рассмотрения инфоповода, его детализации): текстовые трансляции – это быстро развивающаяся, инновационная и самобытная часть спортивного дискурса, обеспечивающая перманентный рост областей, затрагиваемых единым топиком, а значит и увеличение количества мотивационных и актуальных значимостей в их одновременной трансляции.

Особое место в создании специфических гибридных характеристик сетевого дискурса некооперативного взаимодействия болельщиков занимает типизация языковой личности активного актора, который и формирует модельный когнитивный стиль стимул-реактивного взаимодействия. При этом следует заметить, что таковым является не каждый участник коммуникации, а именно компетентный, активный пользователь, успешно использующий весь сонм поликодовых средств интенсификации собственных значимостей и сокращающий период «даунтайма» благодаря навыкам поисковой работы и исходным фоновым знаниям и пресуппозициям. Трансляция доминант собственного концептуально-валерного пространства активного актора в данном случае является обязательным условием интимизации, повышения доверия к комментативному высказыванию.

В области сетевого делиберативного дискурса ведущая роль отводится следующим типам модельных языковых личностей: спортивные журналисты, эксперты и телекомментаторы, компетентные профессиональные болельщики. Именно от них, от их профессионализма, опыта, кругозора, характера представления исходных постов и моделей представления комментариев (на всех уровнях реактивного взаимодействия) зависит то, как будет представлен инициальный инфоповод, какой вектор оценивания будет сформирован в комментативном гипертексте, какие области конфликтивизации и провокации / гармонизации и консолидации будут доминировать в коммуникативном пространстве. Уровень дискурсивной компетенции языковой личности активного актора обеспечивается не только закреплением и автоматизированным использованием коммуникативных моделей, не противоречащих базовым и приоритетным схемам распредмечивания сообщения фокусной группой реципиентов, но и рядом собственно языковых компетенций (на тезаурусном уровне): терминологическая, фразеологическая, синтаксическая компетенции.

Разброс в периоде «даунтайма» обусловливается уровнем социокультурной профессионально-аспектуальной подготовки и детерминированностью исходной позиции активного актора. С одной стороны, журналист имеет возможность заранее подготовиться к репортажу, изучить информацию о спортсменах и командах. С другой – ему приходится комментировать события в режиме реального времени. Условия времени требуют от него динамичности и зачастую обусловливают примарность действия нативных прогностических стратегий в избрании того или иного алгоритма представления различных аспектов описываемого события или механизмов привязки данного алгоритма к ситуативному контексту.

Неограйсианские постулаты требуют снижения уровня вербальной осложненности компетентного актора в процессе опредмечивания даже сложных коллизий, а потому простота и доступность формы трансляции собственных установок и их аргументированное подкрепление в сетевом некооперативном взаимодействии выходят на первый план. Стремясь сделать информацию понятной для широкой аудитории, комментатор чаще всего использует простые предложения, иногда даже неполные,

а также речевые штампы. Опрощению формы способствует и конвергенция кодов (вербальных, фонографических и эмотивно-графических), которые позволяют заменить пространные описания аффективного или логико-аргументативного характера знаками эмотикона или апелляцией к аналогичному прецеденту.

Такой достаточно разнородный и конситуативно детерминируемый репертуар поликодовых средств объединяет и «приводит к общему знаменателю». Он служит для облегчения идентификации топикально-гносеологической области, для распредмечивания вектора описываемых событий, обеспечивает единство лексических формантов. Именно профессионализмы, термины и терминоиды – разнородные единицы метаязыка описания спортивных событий и феноменов – и способствуют объединению нескольких фокусов комментативного рассмотрения инфоповода в единый нарратив, что, в конечном счете, приводит к созданию пространства релевантности. Оно, в свою очередь, располагает к делиберативной форме коллективного оценивания инициального поста. К профессионализмам относятся такие маркеры-лексемы, как: **مباراة** – *матч – match*, **ركلة حرة** – *штрафной – free kick*, **ركضة** – *пробежка – run*, **مجموعة** – *сет – set*, **قطري** – *диагональный – diagonal*, **ركلة ركنية** – *угловой – corner*, **خطأ** – *фол – foul*, **وقت مستقطع** – *тайм-аут – time-out* и др.

Некоторые из терминов и профессионализмов обладают признаком «зонтиковости», что обусловливает возможность их транспонирования в различные топикально-гносеологические области. При этом вне зависимости от сферы (вида спорта) использование их дополнительно интенсифицирует конвиктивность высказывания и создает «маску» компетентного активного актора как доминирующего коммуниканта делиберации.

Изоморфизм единиц в различных лингвокультурах и объединяющий потенциал терминологии спорта строятся на постоянном «перетекании» (заимствовании) базовых номенов, которые транспонируются практически без изменений в принимающие языки профессионального описания спортивных событий (филлер, челлендж, дабл-трип, плей-офф, фовард и др.).

Динамика и постоянно меняющееся состояние шкал оценивания успешности в конкурентных отношениях в спорте диктуют вариативность и конситуативную обусловленность форм экспликации в сетевом дискурсе болельщиков, что ведет к эмотивизации как инициальных постов, так и комментативных реакций. Традиционно выделяемые типы вербализаторов эмоциональных состояний достаточно частотны и в рассматриваемом типе гибридного некооперативного взаимодействия (прямая номинация эмоции, косвенное номинирование в описании, лексемы метафорически и аллюзивно связываемые с семантикой аффекта:

1. Прямые номинанты:

السعادة – *счастье – happiness*, **الغضب** – *гнев – angry*, **الحزن** – *грусть – sadness*, а также их производные в адъективной и адвербиальной формах, образующих зачастую скалярные единства на основании степени выражения данных чувств.

2. Лексика, косвенно номинирующая или описывающая психоэмоциональную сферу с опорой на соматизацию: **احمرَّ وجهه** – *лицо покраснело – face reddened*, **كانت الأيدي ترجف** – *руки тряслись – hand were shaking*.

3. Лексика, косвенно передающая эмоции на основе ассоциирования с определенными чувствами. Эмоции здесь передаются через образы, описание поведения, действий, мыслей, а также с помощью экспрессивной лексики: **لكنى أود أن تغلى فى منطقة جزاء الخصم المشاعر تغلي على ارض الملعب.** – *Эмоции **кипят** на поле... Но хотелось бы, чтобы они кипели в штрафной соперника. – Emotions are **boiling** on the pitch... But I would like them to be **boiling** in the opponent's penalty area*[1].

Метафорические основания инструментализации и анимализации спортивных феноменов дают возможность активному актору не просто выразить свое отношение к описываемым событиям, но и интимизировать собственные ценностно-ориентационные доминанты в наиболее широком пространстве рецепиирующей аудитории. Означенная интимизация достигается путем применения моделей метафоризации. Они конвенциализированы в том или ином лингвокультурном сообществе. Например: **المباراة في قلب روسيا..** – *Матч **в сердце** России... – The match is **in the heart** of Russia..*; **يقف فيليمونوف في المرمى مثل البوصلة** – *Филимонов стоит в воротах, **как циркуль** – Filimonov stands in the goal **like a compass***; **ريال مدريد لم يسجل سوى هدف واحد** – *В **авоське** «Реала» побывал только один мяч. – Only one ball was in the bag of Real Madrid*; **ركل روبسون الكرة بقدمه** – *Робсон ногой **боднул мяч** – Robson **butted the ball** with his foot.*

Вербальные коды экспликации конвиктивности и делиберативности в сетевой некооперативной коммуникации в большинстве своем сопровождаются аффективной релятивизацией высказываний, которые ввиду канальной детерминации приобретают форму междометий или эмотограмм, предлагаемых той или иной платформой.

Ура – **هيّا** – Hooray: **هيا! لقد فزنا بالبطولة** 🙏✌️ – *Ура! Мы выиграли чемпионат – Hooray! We won the championship*

[1]Зд. и далее перевод автора. – *О. З.*

Увы – يا للأسف – Alas: يا للأسف! لقد أضاع الفرصة 😟👉👈 – *Увы! Он упустил эту возможность – Alas! He missed the chance*

Ах – آه – Oh! آه! ما هذه اللعبة الرائعة 🤩🤩🤩 – *Ах! Какая же это замечательная игра – Oh! What a great game this is*

Ох – أووه – Ooh: أووه! لقد أصيب اللاعب – *Ох! Игрок получил травму – Ooh! The player was injured*

Ну – حسنا – well: حسنا لماذا لم يسدد الكرة؟ 😩🤔 – *Ну, почему же он не пробил по мячу – Well, why didn't he shoot the ball*

Фу – فو – Yuck / Phew: الخشن انكسرت قدم اللاعب فو! بسبب لعبه 🤕🤦‍♀️ – *Из-за его грубой игры игрок сломал ногу – Phew! Because of his rough play, the player's foot broke*

Уф – أوه – Ugh: أوه! أخيرًا انتهى الشوط الأول 😮‍💨 – Уф! Первый тайм наконец-то закончился – Ugh! The first half is finally over

Ух – وخ – Uh-oh: وخ! يا لها من مباراة مثيرة 🤩✌️🔥 – *Ух! какой захватывающий матч – Uh-oh What an exciting match*

Спортивный медиадискурс в форме сетевого делиберативного взаимодействия наделен уникальными чертами. Они обусловлены топикально-гносеологической стратификацией, канальной детерминацией, ситуацией «даунтайма», которые активные акторы пытаются редуцировать. Наряду с уникальными чертами спортивный медиадискурс имеет и общие характеристики. Они неотделимы от мультифокализации, которая систематически проникает в массовую коммуникацию, она порождает возможности поликодовой репрезентации и т.п. Одним из критериальных признаков спортивного дискурса является тесная связь с дискурсом состязательности, где присутствуют противостояние сторон, интенсификация милитарных концептов «нападение», «защита», «поражение», «победа». Акцентуация милитарных компонентов осуществляется в рамках частотного употребления соответствующей лексики: هجوم – *атака – attack*, خصم – *противник – opponent*, ضربة – *удар – strike*, دفاع – *отстоять – defend*, القتال حتى النهاية – *биться до последнего – fight to the end*.

В данном случае наблюдается конвергенция спортивного дискурса с политическим и военным. В рамках обсуждения международных соревнований эта связь особенно ярко выражена, так как международные соревнования часто воспринимаются как противостояние стран за первенство, а значит в делиберацию включается дополнительный компонент патриотической и национальной идентификации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании проведенного анализа дискурсивных маркеров, жанровой типизации виртуального спортивного дискурса, основ гибридизации коррелирующих социальных и коммуникативных практик, а также лингвокогнитивных стилей языковых личностей активных и пассивных акторов сетевого делиберативного дискурса болельщиков логичносделать следующие выводы.

1. Каждый из конвенционализированных компонентов метаязыка описания спортивного события имеет большей частью вербальное воплощение. Его обеспечивают устоявшиеся термины, квазитермины, созданные в той или иной локальной социумной группе, профессионализмы и др. Весь арсенал средств спортивного метаязыка способствует понятности и узнаваемости спортивных репортажей, сводок, комментариев. Конвиктивность, транслируемая изоморфными единицами, способствующими достижению единого вектора распредмечивания содержания инициального поста, по сути является объединяющим фактором – релятивным пространством рассматриваемого дискурса.

2. В то же время эмотивные компоненты, находящиеся на периферии поликодового пространства экспликации, выражают собственный вектор оценивания того или иного спортивного события, транслируют продуцентские доминанты концептуально-валерной системы и вносят значительный вклад в создание делиберативного пространства. По сути, именно эта периферия и интимизирует общую значимость того или иного аспекта рассмотрения спортивного события акторами, демонстрирующими различную степень компетентностидля каждого из участников сетевой коммуникации.

3. Ключевыми приемами эмотивной интимизации мотивационных значимостей, индивидуальных компонентов оценивания и ассоциирования в сетевой делиберативной некооперативной коммуникации служат: эмотивная лексика; предметная метафоризация источникового пространства (анимализация, инструментализация, соматизация и т. п.); милитарная лексика, мотивированная конкурентным характером описываемых событий; эмотивизация и релятивизация на основе междометий и эмотивно-графических элементов, предлагаемых платформой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дорощук Е. С., Рамазанов И. И. Цифровые технологии спортивных медиа в современном информационном поле // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 9 (111). Ч. 3. С. 132–135.
2. Степанова М. А. Медиаполитический дискурс: профилирование как инструмент интерпретации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 2 (44). Ч. II. С. 177–180.
3. Бредихин С. Н., Каменский М. В., Шибкова О. С. Новые медиа в процессе модификации концептуально-валерного пространства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2024. № 2. С. 107–111.
4. Захра О. Метафорическая номинация в спортивном интернет-дискурсе // Язык – текст – дискурс в новых условиях коммуникации (к 60-летию профессора Т. Б. Радбиля): сборник статей по материалам Международной научной конференции. Нижний Новгород, 22–24 ноября 2023 г. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, 2023. С. 153–160.
5. Бредихин С. Н. Теория некооперативных игр в порождении и интерпретации высказываний институционального дискурса // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2023. № 16. С. 50–58.
6. Fairclough N. A Dialectical-Relational Approach to Critical Discourse Analysis // Methods of Critical Discourse Analysis. London: Sage, 2009. P. 162–186.
7. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 2002. С. 12–53.
8. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
9. Зильберт Б. А., Зильберт А. Б. Спортивный дискурс: базовые понятия и категории; исследовательские задачи // Язык, сознание, коммуникация. 2001. Вып. 17. С. 45–55.
10. Алферов А. В., Кустова Е. Ю. Делиберативный дискурс как механизм политической интеракции: стратегия исследования // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. 2019. Т. 15. № 1–2 (43–44). С. 85–92.
11. Зильберт А. Б. Спортивный дискурс: точки пересечения с другими дискурсами (проблемы интертекстуальности) // Язык, сознание, коммуникация. 2001. Вып. 19. С. 103–112.
12. Бредихин С. Н., Серебряков А. А., Манаенко Г. Н. Моделирование перехода частных пертинентностей в коллективную релевантность в интернет-коммуникации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2024. № 2. С. 189–199.
13. Снятков К. В. Телевизионный спортивный дискурс: аспекты коммуникативно-прагматического анализа // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2007. Т. 14. Вып. 37. С. 189–194.
14. Малышева Е. Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование. Омск: Изд-во Омского государственного университета, 2011.
15. Бредихин С. Н., Шибкова О. С., Гусаренко С. В. Когнитивный блендинг как основа создания релевантности высказывания // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. № 4. С. 118–128.
16. Истрате П. Лингвостилистические и риторические особенности спортивного репортажа как жанра СМИ (на материале футбольного репортажа): автореф. дис… канд. филол. наук. М., 2006.

REFERENCES

1. Doroshchuk, E. S., Ramazanov, I. I. (2021). Digital technologies of sports media in the modern information landscape. International research journal, 9(111), 3, 132–135. (In Russ.)
2. Stepanova, M. A. (2015). Media and political discourse: profiling as an instrument of interpretation. Philology. Theory & Practice, 2(44), II, 177–180. (In Russ.)
3. Bredikhin, S. N., Kamensky, M. V., Shibkova, O. S. (2024). New media in the process of conceptual value space modification. Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism, 2, 107–111. (In Russ.)
4. Zakhra O. (2023). Metaforicheskaya nominatsiya v sportivnom internet-diskurse = Metaphorical nomination in internet sports discourse. Yazyk-tekst-diskurs v novykh usloviyakh kommunikatsii (k 60-letiyu professora T. B. Radbilya) (pp. 153–160): Sbornik statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Nizhny Novgorod, November 22–24 2023). Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. (In Russ.)
5. Bredikhin, S. N. (2023). Teoriya nekooperativnykh igr v porozhdenii i interpretatsii vyskazyvaniy institutsional'nogo diskursa = The theory of noncooperative games in generation and interpretation of utterances in institutional discourse. Professional'naya kommunikatsiya: aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki, 16, 50–58. (In Russ.)
6. Fairclough, N. A (2009). Dialectical-Relational Approach to Critical Discourse Analysis. Methods of Critical Discourse Analysis (pp. 162–186). London: Sage. (In Eng.)
7. Serio, P. (2002). Kak chitayut teksty vo Frantsii = How texts are read in France. Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa (pp. 12–53). Moscow: Progress. (In Russ.)

8. Karasik, V. I. (2000). O tipakh diskursa = On the discourse types. Yazykovaya lichnost': institutsional'nyy i personal'nyy diskurs (pp. 5–20). Volgograd: Peremena. (In Russ.)
9. Zilbert, B. A., Zilbert, A. B. (2001). Sportivnyy diskurs: bazovye ponyatiya i kategorii; issledovatel'skie zadachi = Sports discourse: Basic notions and categories, research questions. Yazyk, soznanie, kommunikatsiya, 17, 45–55. (In Russ.)
10. Alferov, A. V., Kustova, E. Yu. (2019). Deliberativnyy diskurs kak mekhanizm politicheskoy interaktsii: strategiya issledovaniya = Deliberative discourse as a mechanism of political interaction. Studia Germanica, Romanica et Comparatistica, 15, 1–2(43–44), 85–92. (In Russ.)
11. Zilbert, A. B. (2001). Sportivnyi diskurs: tochki peresecheniya s drugimi diskursami (problemy intertekstual'nosti) = Sports discourse: intersection points with other discourses (intertextuality problems). Yazyk, soznanie, kommunikatsiya, 19, 103–112. (In Russ.)
12. Bredikhin, S. N., Serebriakov A. A., Manaenko G. N. (2024). Modeling the transition of private pertinence into collective relevance in internet communication. Current issues in philology and pedagogical linguistics, 2, 189–199. (In Russ.)
13. Snyatkov, K. V. (2007). Televizionnyy sportivnyy diskurs: aspekty kommunikativno-pragmaticheskogo analiza = Television sports discourse: aspects of communicative and pragmatic analysis. Izvestia. Herzen University Journal of Humanities & Sciences, 14(37), 189–194. (In Russ.)
14. Malysheva, E. G. (2011). Russkiy sportivnyy diskurs: lingvokognitivnoe issledovanie = Russian Sports Discourse: a linguocognitive study. Omsk: Omsk State University. (In Russ.)
15. Bredikhin, S. N., Shibkova, O. S., Gusarenko, S. V. (2023). Cognitive blending as the basis for utterance relevance generation. Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics, 4, 118–128. (In Russ.)
16. Istrate, P. (2006). Lingvostilisticheskie i ritoricheskie osobennosti sportivnogo reportazha kak zhanra SMI (na materiale futbol'nogo reportazha) = Linguostylistic and rhetorical features of sports reporting as a media genre (based on the material of football reporting): abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Захра Осама Вахиб

ассистент департамента лингвистики
факультета международных отношений
Северо-Кавказского федерального университета

Бредихин Сергей Николаевич

доктор филологических наук, профессор
профессор департамента лингвистики
факультета международных отношений
Северо-Кавказского федерального университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zahra Osama Vahib

assistant of the Department of Linguistics
of the Faculty of International Relations
North Caucasus Federal University

Bredikhin Sergey Nikolaevich

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor of the Department of Linguistics
of the Faculty of International Relations
North Caucasus Federal University

Статья поступила в редакцию	25.01.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	16.02.2025	approved after reviewing
принята к публикации	13.03.2025	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'42

Прагматический потенциал интертекстуальности во франкоязычном интернет-дискурсе

О. А. Быкова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
bykoolya@yandex.ru

Аннотация. Цель проведенного исследования состоит в выявлении прагматического потенциала реализации интертекстуальных отношений во франкоязычном интернет-дискурсе. В статье на материале франкоязычных социальных сетей проведен анализ использования в различных контекстах фрагмента известной французской песни. Описан прагматический потенциал категории интертекстуальности во франкоязычном интернет-дискурсе. Выявлены основные модели реализации интертекстуальных отношений. Результаты исследования вносят вклад в развитие изучения интертекстуальности в новых опосредованных формах коммуникации.

Ключевые слова: интертекстуальность, интернет-дискурс, интернет-коммуникация, цитата, аллюзия

Для цитирования: Быкова О. А. Прагматический потенциал интертекстуальности во франкоязычном интернет-дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3 (897). С. 65–72.

Original article

Pragmatic Potential of Intertextuality in French Internet Discourse

Olga A. Bykova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
bykoolya@yandex.ru

Abstract. The aim of the conducted research is to identify the pragmatic potential of implementing intertextual relationships in French-language internet discourse. The article analyzes the use of a fragment from a well-known French song in various contexts based on data from French-speaking social networks. The analysis is carried out within the framework of discursive and pragmatic approaches, utilizing contextual, statistical methods, and methods of analysis and synthesis. The article describes the pragmatic potential of the category of intertextuality in French-language internet discourse and identifies the main models of intertextual relationships. The results of the research contribute to the development of the study of intertextuality in new mediated forms of communication.

Keywords: intertextuality, Internet discourse, Internet communication, quotation, allusion

For citation: Bykova, O. A. (2025). Pragmatic potential of intertextuality in french internet discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(897), 65–72. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Исследование текста как «негерметичной» формации, открытой к проникновению в нее элементов других текстов, традиционно осуществляется в терминах интертекстуальности.

А.-К. Жиню отмечает, что интерес к феномену интертекстуальности в среде профессиональных лингвистов постепенно угасал, начиная с 1985 года, о чем свидетельствует уменьшение количества публикаций, посвященных данной проблематике [Gignoux, 2006]. Это наблюдение, однако, не относится к отечественной лингвистике. На русской почве к проблемам интертекстуальности обращались и обращаются многие исследователи [Литвиненко, 2008]. Вопрос о природе интертекста в отечественной лингвистике стоит, в том числе, применительно к интернет-дискурсу [Акимова и др., 2016; Колокольцева, 2018; Канашина, 2019]. Актуальными остаются и семиотические подходы к исследованию проблематики интертекстуальности, основы которого были заложены Ю. Кристевой [Kristeva, 1969]. Вместе с тем появляются новые направления в исследовании интертекстуальности, например, изучение ее визуальной формы [Горшкова, Чернявская, 2021], связи проблем интермедиальности и интертекстуальности.

Исследование категории интертекстуальности приобретает актуальность в связи с развитием новых, гибридных, форм коммуникации. Т. Н. Колокольцева высказывает предположение, что «категорияинтертекстуальности и объясняющие ее концепции оказались удивительно созвучными нашему времени – эпохе постмодернизма и массового приобщения к Интернету» [Колокольцева, 2013, с. 61]. Действительно, в эпоху расцвета массовых форм коммуникации на первый план выходят открытость и доступность текстов – черты, открывающие новые пути для развития категории интертекстуальности и появления новых форм ее реализации, которые требуют пристального внимания со стороны лингвистов и адаптации методов анализа.

Таким образом, актуальность и новизна проведенного исследования обусловлены, прежде всего, спецификой материала, отобранного для анализа. Исследование форм интертекстуальности в опосредованном гибридном интернет-дискурсе осуществляется посредством дискурсивного (понимание широкого контекста), прагматического (выявление импликатур, пресуппозиций и стратегического компонента высказывания), а также статистического метода для обработки результатов.

В качестве основных задач исследования выделим следующие:

- анализ современных подходов к определению интертекстуальности;
- характеристика основных форм и фигур реализации интертекстуальных отношений;
- анализ трансформации цитаты в отобранном корпусе примеров с целью выявления основных моделей интертекстуальных отношений в интернет-дискурсе.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что проведенное исследование вносит определенный вклад в развитие изучения интертекстуальности в новых опосредованных формах коммуникации. Практическая ценность работы состоит в том, что отобранный материал может послужить дидактической основой для проведения практических занятий для обучения устному и письменному общению с представителями франкоязычных культур с использованием современных информационно-коммуникационных технологий, а выводы могут быть использованы при подготовке курсов по прагмалингвистике, теории текста и дискурса и т. д.

ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

Современные когнитивные лингвисты исследуют интертекстуальность через призму когнитивных процессов, таких как память и восприятие. Этот подход рассматривает, как читатели узнают и интерпретируют интертекстуальные элементы, используя свои когнитивные способности и культурные знания [Литвиненко, 2008; Москвин, 2013]. Такой угол рассмотрения представляется важным для исследования трансформации коннотаций и смыслов текста-донора. В частности, в дискурсивном и коммуникативном аспекте важно взаимодействие устоявшейся интерпретации интертекстуальных значений и смыслов, порожденных контекстом. Это взаимодействие обусловлено сопряжением фреймов знаний автора и читателя.

При этом многие авторы указывают на уже устоявшуюся терминологическую путаницу, связанную с разнообразием подходов к рассмотрению связи текста с другими текстами, а также на существование значительного количества терминов, используемых для обозначения этой связи. Обобщая данные исследований категории интертекстуальности, В. Е. Чернявская выявляет существование двух основных моделей интертекстуальности – широкой, радикальной литературоведческой и более узкой – лингвистической [Чернявская, 2009]. Однако в рамках лингвистического подхода также нет единства мнений относительно объема и границ термина *интертекстуальность* и о его соотнесенности со

смежными понятиями, такими как *интердискурсивность*, *транстекстуальность* и др.

Широкий подход предполагает определять интертектуальность как «сугубо экстенсивное понятие, включающее в себя не только аллюзию, паро-дию и стилизацию, но и любые формы реминисценций, перезаписи, равно как и все те способы обмена, которые могут устанавливаться между конкретным текстом и современной ему языковой целокупностью» [Пьеге-Гро, 2012, с. 53]. Более узкий подход, напротив, ограничивается идентификацией эксплицитно выявляемых компонентов интертекста.

Таким образом, обращение к проблематике межтекстовых отношений требует терминологических и методологических уточнений.

ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ФИГУРЫ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

В. Е. Чернявская различает два плана реализации категории интертекстуальности – семиотический и прагматический [Чернявская, 2009].

Обращаясь к семиотическому плану, согласно В. П. Москвину, возможно противопоставить [Москвин, 2013]:

- материальную интертекстуальность, заимствующую элементы плана выражения текста;
- тематическую интертекстуальность, заимствующую элементы плана содержания текста: темы, мотивы, сюжеты, образы.

Автор предлагает сфокусировать внимание на первом типе интертекстуальности, что, на ее взгляд, позволило бы избежать излишне широкого понимания термина интертекстуальность. Аналогичное замечание делает и А.-К. Жиню: «Понятие интертекстуальности, “отношения между различными письменными текстами”, таким образом, растворяется в более широком определении его как простой культурной или художественной отсылки. Интерес всего процесса осмысления – продуктивности текста, происхождения письма, – который сопровождает понятие интертекстуальности, угасает и ничто не приходит ему на смену. Отсылка к письменному тексту – это не то же самое, что и отсылка к культуре. Соблюдение этого различия позволило бы избежать дальнейшего размывания этого концепта» [Gignoux, 2006, с. 2]. На наш взгляд, теория *прецедентности*, разработанная Ю. Н. Карауловым, в некоторой степени нацелена на преодоление смешения лингвистического и культурологического подходов к исследованию проблемы межтекстовых отношений, о которой пишет А.-К. Жиню.

В целом мы разделяем точку зрения авторов и ограничиваемся анализом примеров, иллюстрирующих заимствование фрагментов текста. Это замечание относится к этапу отбора материала исследования.

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРОБЛЕМАТИКА

Что касается этапа непосредственного анализа отобранного материала, в данной работе нас, прежде всего, будет интересовать контекстуализация фрагментов текстов-источников, а следовательно, прагматический аспект реализации категории интертекстуальности. В. Е. Чернявская определяет его как «специфическую стратегию соотнесенности с другими текстами, как тот способ, которым один текст актуализирует в своем внутреннем пространстве другой, выражая авторский замысел» [Чернявская, 2009, с. 179]. Соотнесенность текста с претекстами может носить выраженный (эксплицитный) или же невыраженный (имплицитный) характер [Москвин, 2013], при этом характер экспликации интертекстуальных связей может быть индикатором прагматической ориентации высказывания.

Отправной точкой для анализа интертекстуальности послужило наблюдение над тем, каким образом в Интернете (а именно в социальных сетях) актуализируются различные прецедентные феномены [Быкова, 2020].

В качестве материала исследования мы использовали статусы и комментарии пользователей франкоязычных социальных сетей, полученные методом контекстного поиска и дальнейшего отбора с целью исключения нерелевантных / неиллюстративных примеров. Для контекстного поиска мы использовали строки из песни Патрика Себастьяна «Les sardines», известные широкой публике и часто воспроизводимые в речи носителей французского языка:

> Ha! Qu’est-ce qu’on est serré, au fond de cette boîte
> Chantent les sardines, chantent les sardines
> Ha! Qu’est-ce qu’on est serré, au fond de cette boîte
> Chantent les sardines entre l’huile et les aromates.

В общей сложности было отобрано 50 публикаций, которые затем были обработаны с помощью коммуникативно-прагматического, контекстного, дискурсивного и статистического методов.

Проведенный анализ позволил выделить следующие группы примеров:

- прямая цитата с указанием на источник или без указания на него;

Схема 1

Рис. 1. Соотношение проанализированных примеров

- цитата, дополненная комментарием (часто «усмешняющим»);
- цитата, дополненная хэштегом / ссылкой на новость, фотографией, которые помещают ее в новый контекст;
- рассказ о ситуации, в которой кто-то исполнял данную песню;
- миметическое переосмысление цитаты [Москвин, 2013, с. 58].

Из диаграммы видно, что эксплицитная форма интертекстуальности (прямая цитата с указанием на источник) составляет одну из наименее объемных групп, в то время как имплицитные формы интертекстуальности представлены в подавляющем большинстве примеров. Наиболее объемные группы образованы примерами, в которых содержится цитата без указания на источник и переосмысленная цитата. Особый интерес для нашего анализа представляет последняя группа, так как трансформация цитаты выступает в данном случае как авторская креативная стратегия.

АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦИТАТЫ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В отобранных примерах переосмыслению подвергались элементы, выделенные в тексте ниже:

Ha! Qu'est-ce qu'on est serré, au fond de *cette boîte*
Chantent *les sardines*, chantent *les sardines*
Ha! Qu'est-ce qu'on est serré, au fond de *cette boîte*
Chantent *les sardines* entre *l'huile et les aromates*.

Таким образом, трансформация дейктических компонентов, указывающих на место и основных актантов, позволяет «наслоить» прецедентное значение цитируемого текста на ту ситуацию, о которой пишет автор сообщения. При этом в большинстве примеров в качестве ядерного семантического компонента, служившего основой для подобного переноса, выступала лексема serré, как в примерах (1, 2, 3).

Пример 1

Пример 2

Пример 3

В примере речь идет о сложном положении во французской футбольной лиге клубов *Bordeaux* и *Saint-Etienne*, которым угрожает «вылет» из лиги 1. В контексте сообщения актуализируется переносное значение лексемы *serré*, характеризующее ожесточение команд и, вероятно, указывающее на то, что указанным командам в первой лиге не место. Хэштег *TeamOM* сообщает о футбольных предпочтениях самого автора сообщения и придает фразе оттенок сарказма.

Цитата в этом примере приведена в сокращенной форме, в отличие от примера (2), где автор публикует полную версию припева песни, заменив в ней дейктические элементы. Таким образом, он проводит параллель между героями песни и пассажирами метро, которые вынуждены ехать в переполненных вагонах из-за принятых руководством метрополитена мер. Публикация в примере (3) также указывает на транспортные проблемы, она интересна тем, что помимо ядерного семантического компонента *serré* базой для ассоциации текста-донора и текста-реципиента служит каламбур, основанный на созвучии *de cette* – d'A7 (название одной из основных автомобильных дорог Франции).

Во всех трех случаях легкий и непринужденный характер песни позволяет авторам сообщений представить информацию в юмористическом ключе и реализовать потребность в лингвокреативной деятельности. Интересно отметить, однако, что тональности трех текстов различны: если в первом тексте она иронична, даже саркастична, то во втором отчетливо прослеживается критическое настроение, а в третьем – позитивное отношение к проблеме, которая касается автора сообщения напрямую.

Интересным образом функционирует переосмысленная цитата в примере (4): она выступает в данном случае как иронический антифразис, так как фотография указывает на то, что в библиотеке мало посетителей, т. е. сообщает информацию, прямо противоположную той, которая содержится в тексте публикации.

В группе, образованной примерами с миметическим переосмыслением цитаты, особое внимание привлекает коллокация лексемы *sardine* и фамилии французского политика Sandrine Rousseau пример (5). Измененное имя политика (в Твиттере даже есть фальшивый аккаунт Sardine Ruisseau), очевидно, вызывает устойчивую ассоциацию в сознании носителей, так как даже в нашем небольшом корпусе встретилось несколько примеров подобной игры слов (см. пример 5).

Несмотря на то, что публикация представляет собой трансформированную цитату, в ней содержится ссылка на исполнителя песни, что, вероятно, объясняет желание автора обеспечить формальное сходство сообщения с цитатой и запускает механизм метатекстуального переосмысления текста-донора.

Аналогичным образом функционируют и цитаты, дополненные хэштегами, ссылками на новость и фотографиями: помещенная в необычный контекст цитата выступает носителем имплицитных смыслов, которые придают сообщению бóльшую экспрессивность. Так, в примере (6) прямая цитата дополняется мемом – фотографией певца Vianney, судьи французского аналога шоу «The Voice». Визуальный компонент меняет восприятие цитаты и выражает отношение автора публикации: негативная реакция певца, очевидно, созвучна

Пример 4

Пример 5

Пример 6

Пример 7

Пример 8

Пример 9

Пример 10

Пример 11

представлению о том, что песню неприятно слушать и она не вызывает положительные эмоции.

В примере (7) фотография, сопровождающая текстовое сообщение, устанавливает гипертекстуальные отношения [Genette, 1982] имитации между текстом, который на ней запечатлен и текстом публикации. Таким образом, последний включен в две цепочки: отношений интертекстуальности с текстом-донором А (песней П. Себастьяна) и отношений гипертекстуальности с текстом-донором В (стихотворением на фото). Расположение строк цитаты акцентирует внимание на форме, создавая контраст между незатейливым содержанием песни и особой художественной формой.

Что касается цитаты, сопровождающейся рассказом о ситуации или авторским комментарием, эта группа речевых единиц интересна тем, что анализ входящих в нее примеров позволяет сделать выводы о коннотативных смыслах, которые цитата приобретает в массовой культуре. В окружении цитаты из песни «Les sardines» мы встретили следующие коннотации: песня незатейливая (8), низкопробная, звучит в определенных социальных кругах (9), песня привязчивая (10), народная и популярная (1).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ отобранных примеров позволяет сделать вывод о том, что категория интертекстуальности в интернет-коммуникации обладает несомненным экспрессивным потенциалом, в частности, на прагматическом уровне. Воздействующий на реципиента потенциал интертекстуальности в интернет-дискурсе обусловлен тем, что интертекстуальность может рассматриваться как риторическая стратегия, в основном направленная на реализацию людической, рекреативной, лингвокреативной интенций. Помещенная в контекст виртуального общения цитата используется не только как носитель определенных смыслов текста-донора, но и как основа для создания новых смыслов, что объясняет популярность миметического переосмысления цитаты (37 % от всех проанализированных примеров). На втором месте (24 %) находится прямая цитата без указания на источник. Отсутствие прямой отсылки к оригиналу может быть обусловлено тем, что выбранная для анализа строчка из песни осмысляется носителями языка как прецедентный феномен и не нуждается в сопровождающих комментариях и пояснениях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Gignoux A.-C. De l'intertextualité à la récriture // Cahiers de Narratologie. 2006. № 13. P. 1–8.
2. Литвиненко Т. Е. Интертекст и его лингвистические основы (на материале латиноамериканских художественных текстов): дис. … д-ра филол. наук. Якутск, 2008.
3. Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография / Т. П. Акимова и др. М.: Флинта Наука, 2016.
4. Колокольцева Т. Н. Диалог vs диалогичность в интернет-коммуникации // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: коллективная монография. М.: Наука, 2018. С. 139–188.
5. Канашина С. В. Интертекстуальность как текстовая категория в интернет-мемах // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 7 (140). С. 133–138.
6. Kristeva J. Sèméiotikè. Recherches pour une sémanalyse. P.: Seuil, 1969.
7. Горшкова Н. Э., Чернявская В. Е. Визуальная интертекстуальность как способ смыслопорождения // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 4. С. 689–700.
8. Колокольцева Т. Н. Новая эра интертекстуальности: глобализация интертекстуальных связей в интернет-эпоху // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 6 (81). С. 61–66.
9. Москвин В. П. Интертекстуальность: категориальный аппарат и типология // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 6 (81). С. 54–61.
10. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
11. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М.: ЛКИ, 2008.
12. Быкова О. А. Интертекстуальность и прецедентность как основа игры в интернет-дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 10 (839). С. 76–86.
13. Genette G. Palimpsestes. P. : Seuil, 1982.

REFERENCES

1. Gignoux, A.-C. (2006). De l'intertextualité à la récriture. Cahiers de Narratologie, 13, 1–8.
2. Litvinenko, T. E. (2008). Intertekst i ego lingvisticheskie osnovy (na materiale latinoamerikanskikh khudozhestvennykh tekstov) = Intertext and its linguistic and stylistic foundations (on the material of Latin American fictional texts): PhD in Philology. Yakutsk. (In Russ.)
3. Akimova, T. P. et al. (2016). Intertekstual'nost' i figury interteksta v diskursakh raznykh tipov = Intertextuality and intertext figures in different types of discourse. Moscow: Flinta : Nauka. (In Russ.)
4. Kolokol'ceva, T. N. (2018). Dialog vs dialogichnost' v internet-kommunikacii. Internet-kommunikaciya kak novaya rechevaya formaciya = Dialogue vs dialogicality in Internet communication. In Internet communication as a new speech formation (pp. 139–188). Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. Kanashina, S. V. (2019). Intertextuality as a text category in Internet meme. Ivzestia of the Volgograd State PedagogicalUniversity, 7(140), 133–138. (In Russ.)
6. Kristeva, J. (1969). Sèméiotikè. Recherches pour une sémanalyse. Paris: Seuil.
7. Gorshkova, N. E., Chernyavskaya, V. E. (2021). Visual intertextuality as a method for meaning generation. Communication Studies, 8(4), 689–700. (In Russ.)
8. Kolokol'ceva, T. N. (2013). New era of intertextuality: globalization of intertext connections in the age of the Internet. Ivzestia of the Volgograd State PedagogicalUniversity, 6(81), 61–66.
9. Moskvin, V. P. (2013). Intertextuality: category apparatus and typology. Ivzestia of the Volgograd State PedagogicalUniversity, 6(81), 54–61. (In Russ.)
10. Chernyavskaya, V. E. (2009). Lingvistika teksta: polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost' = Text Linguistics: its Polycode Charakter, intertextuality, interdicursiveness. Moscow: LIBROKOM. (In Russ.)
11. P'ege-gro N. (2008). Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti = Introduction in the Intertextuality theory. Moscow: LKI. (In Russ.)
12. Bykova, O. A. (2020). Intertextuality and Precedency as the Basis of Game in the Internet Discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(839), 76–86. (In Russ.)
13. Genette, G. (1982). Palimpsestes. Paris: Seuil.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Быкова Ольга Алексеевна

кандидат филологических наук
и. о. заведующего кафедрой лексикологии и стилистики французского языка
факультета французского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bykova Olga
PhD (Philology)
Acting Head of the Department of Lexicology and Stylistics
Faculty of the French Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	25.01.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	16.02.2025	approved after reviewing
принята к публикации	13.03.2025	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'373.46

Пространственный дейксис в спонтанном экспозиторном диалоге: экспериментальное исследование[1]

М. И. Киосе

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Институт языкознания РАН, Москва, Россия, maria_kiose@mail.ru

Аннотация. На материале спонтанных экспозиторных диалогов устанавливаются особенности пространственного дейксиса, проявляющиеся в конструировании относительного пространства в и вне ситуации коммуникации с учетом подтипов – близкого и далекого. Актуальность исследования определяется необходимостью уточнения роли пространственного дейксиса в конструировании пространства спонтанной диалогической коммуникации. Новизна работы связывается с выявлением четырех типов относительного пространства, а также с обнаружением их распределения. Результаты исследования показывают превалирование относительного пространства вне коммуникации как близкого, что определяется необходимостью «приблизить» к собеседнику объекты, отсутствующие в ситуации коммуникации, для выработки общей позиции.

Ключевые слова: пространственный дейксис, относительное пространство, коммуникация, устная речь, диалог, экспозиторный дискурс

Для цитирования: Киосе М. И. Пространственный дейксис в спонтанном экспозиторном диалоге: экспериментальное исследование // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3 (978). С. 73–80.

Original article

Spatial Deixis in Spontaneous Expository Dialogue: Experimental Study

Maria I. Kiose

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia, maria_kiose@mail.ru

Abstract. Featuring the collected data of spontaneous expository dialogues, the study identifies the specific use of spatial deixis which helps construe the relative space within and beyond the communicative situation mediated by its subtypes, close and far. At present, little is known on the role of spatial deixis in modulating space in spontaneous dialogues. The study reveals four types of relative space as well as their distribution in dialogue. The results show the prevalence in the construal of relative space beyond the communicative situation as close, which proves the necessity to move the objects absent in the communicative situation closer to the interlocutor to develop the common ground.

Keywords: spatial deixis, relative space, communication, speech, dialogue, expository discourse

For citation: Kiose, M. I. (2024). Spatial deixis in spontaneous expository dialogue: Experimental study. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(897), 73–80. (In Russ.)

[1]Исследование выполнено в Московском государственном лингвистическом университете в рамках реализации проекта российского научного фонда № 24-18-00587 «Роль рекуррентных жестов в разных языках: социокогнитивные основы полимодального позиционирования». The research was conducted at Moscow State Linguistic University as part of the implementation of the Russian Scientific Foundation project No. 24-18-00587 "The role of recurrent gestures in different languages: socio-cognitive foundations of polymodal positioning".

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Как известно, семантика пространственного дейксиса не ограничивается сугубо локализацией объектов в пространстве и противопоставлением их по степени близости и отдаленности [Апресян, 1986; Степанов, 1998], а может описывать и коммуникативные роли участников в диалоге и монологе [Падучева, 2008; Levinson, 2003; Ирисханова и др., 2022]. При том, что особенности пространственного дейксиса получили достаточное освещение в корпусных исследованиях письменной речи, неподготовленная диалогическая речь изучена намного меньше. Однако именно в неподготовленной речи обнаруживается вариативность (в том числе в индивидуальной речи) в проявлении пространственного дейксиса, что позволяет установить специфические особенности его реализации. В настоящей работе к анализу привлекается записанный рабочий корпус неподготовленного экспозиторного диалога, в котором устанавливаются возможности конструирования с помощью дейктических слов двух типов относительного пространства – в ситуации коммуникации (т. е. в пространстве речи) и вне ситуации коммуникации (когда речь идет о тех объектах, которые не присутствуют в ситуации коммуникации, т. е. в пространстве смысла). С применением дейктических маркеров абсолютного пространства (*тут*, *там*, *здесь*, *вон*, *вот* и др.) мы намереваемся уточнить особенности конструирования относительного пространства (в и вне ситуации коммуникации) в экспозиторном дискурсе, который отличается выражением отношений между объектами (в том числе и в пространстве) и размытостью границ самих объектов [Longacre, 1983; Berman, Nir-Sagiv, 2007], что не может не сказаться на формировании специфических пространственных характеристик.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследования пространственного дейксиса ведутся в разных направлениях: в когнитивной семиотике, где анализу подвергаются, прежде всего, особенности конструирования пространства в абсолютной и относительной системах координат [Levinson, 2003]; в лингвосемиотике, где изучаются проявления в языке дейктических координат, описывающих пространство – «здесь», «около тебя» и «там» [Степанов, 1998]; в семантике, где предметом анализа становятся значения маркеров пространственного дейксиса – временно́е значение и значения, описывающие пространство речи и пространство смысла [Апресян, 2014]. В данной работе устанавливаются дейктические координаты, описывающие само пространство в диалогической коммуникации, поэтому в большей степени исследование опирается на положения когнитивной семиотики и лингвосемиотики. Так, Е. Курилович, К. Бюлер и Ю. С. Степанов разграничивают три дейктические координаты (субъект, место и время ситуации), описывающие, соответственно, персональный, пространственный и временно́й дейксис. Относительно так называемого Origo, или центра системы координат «Я – здесь – сейчас», выстраивается коммуникация (текст); при этом каждая из координат подвергается варьированию в измерениях: *я – здесь – сейчас // ты – около тебя – теперь // он – там – тогда* [Степанов, 1998]. Как указывает В. З. Демьянков, анализ языка в рамках этой парадигмы («дектическая» парадигма, или «философия эгоцентрических слов» по Ю. С. Степанову) отличается следующими характеристиками: «1) весь язык соотносится с субъектом, его использующим, с «Я»; 2) все основные понятия, используемые для описания языка, релятивизируются: имена, предикаты, предложения – все теперь рассматривается как функции разного рода» [Демьянков, 2013, с. 11].

Релятивизация в конструировании пространства становится отдельным объектом анализа в работах С. Левинсона, в которых разграничиваются эгоцентрическая (относительная) и аллоцентрическая (объектно-центрическая и абсолютная) системы координат [Levinson, 2003; Majid et al., 2004]. Такая релятивизация получает обособленное описание и применительно к диалогу, характеризуя относительное пространство в коммуникации и вне коммуникации [Levinson, 2016]. Разграничение пространства как более близкого и далекого обнаруживается и в координатах абсолютного пространства, которые «заданы» в значениях самих дейктических слов [Апресян, 2014]. Это дает возможность соотносить пространственные значения дейктических слов, представляющих координаты абсолютного пространства, и конструируемые типы относительного пространства – в ситуации коммуникации и вне ситуации коммуникации.

Интерес представляет то, как варьируются проявления этих типов пространств, определяясь характеристиками самой коммуникации. Образцом их сложного взаимодействия является экспозиторный дискурс, в рамках которого участники выстраивают пространство в коммуникации с опорой на пространство вне коммуникации, описывая объекты, не представленные в ситуации коммуникации, и выражая к ним отношение [Longacre, 1983]. При этом в связи с тем, что эти отношения диктуются

индивидуальным опытом и предпочтениями, границы объектов представляются размытыми [Berman, Nir-Sagiv, 2007], что формирует особый характер взаимодействия пространств. Сложность взаимодействия пространств также обусловлена тем, что в диалоге, для которого характерна смена коммуникативных этапов [Коротаев, 2023], важно поддержание контактоустанавливающей функции не только на этапах запроса и ответа, но и на этапе развития темы, когда формируется «тематическое единство диалога» в ходе взаимной адаптации собеседников [Горбылева, Шевченко, 2023]. В данном исследовании, следуя когнитивно-семиотическим положениям, мы установим особенности реализации относительного дейксиса, описывающего пространство в и вне коммуникации, а также определим, как эти типы пространства конструируются с помощью координат абсолютного пространства.

МЕТОДЫ И ПРОЦЕДУРА АНАЛИЗА

Для проведения анализа используется методика когнитивно-семиотического моделирования дейксиса, в основе которой лежит ряд принципов:

1) разграничение вслед за К. Бюллером и Ю. С. Степановым трех типов дейктических координат, определяющих функционирование трех типов дейксиса – персонального, временнóго и пространственного;

2) разграничение вслед за С. Левинсоном двух видов дейктического пространства – абсолютного и относительного, где второй вид пространства конструируется, определяясь ситуацией коммуникации;

3) признание возможности моделирования координат относительного пространства с опорой на координаты абсолютного пространства.

Следуя данным принципам, мы разграничиваем две основные координаты абсолютного пространства – «здесь» и «там» (координата «около» оказалась слабо представлена в нашем материале), обнаруженные в ряде маркеров: для координаты «здесь» это маркеры *этот*, *тут*, *вот*, *здесь*, *данный*; для координаты «там» это *тот*, *там*, *вон*. Особенности их использования для конструирования пространства в спонтанном экспозиторном диалоге изучены на материале собранного участниками проекта РНФ полимодального корпуса[1], из которого для проведения данного исследования сформирован рабочий корпус диалогической речи продолжительностью 86 минут. Рабочий корпус включает 4 978 элементарных дискурсивных единиц (ЭДЕ) – клауз, или фрагментов речи, соотносимых с пропозициями. В проекте пары собеседников должны выработать общую позицию в отношении ряда вопросов, связанных с функционированием искусственного интеллекта. Для этого они поясняют особенности его применения в деятельности человека (см. рис. 1).

На рисунке 1 показано, как говорящий произносит две элементарные дискурсивные единицы (ЭДЕ), где во второй используется дейктическое слово *вот*, которое помимо указательной может выполнять и метадискурсивную функцию. Слово представляет абсолютное пространство «здесь», при этом конструируется относительное пространство вне коммуникации, так как описывается объект, не присутствующий в текущей ситуации (искусственный интеллект).

Опишем процедуру исследования. На первом этапе из состава ЭДЕ были отобраны те, которые содержали один или несколько маркеров пространственного дейксиса. В тех случаях, когда в ЭДЕ было несколько таких маркеров, каждый из них рассматривался в рамках отдельной ЭДЕ. На втором этапе в отношении каждого маркера

[1]Автор выражает признательность участникам проекта О. К. Ирисхановой, А. Ченки, А. В. Леонтьевой, О. Н. Прокофьевой, О. В. Агафоновой, Е. Е. Смирновой и А. А. Петровой за возможность воспользоваться собранным корпусом.

Рис. 1. Обстановка эксперимента. Говорящий (справа):
если искусственный интеллект будет испытывать эмоции / вот нормальные эмоции

пространственного дейксиса с учетом семантики контекста было проведено аннотирование координат абсолютного дейксиса («здесь» и «там») и относительного дейксиса («пространство в коммуникации» и «пространство вне коммуникации»). На третьем этапе с применением описательной статистики установлено распределение координат и с опорой на особенности этого распределения предложено решение, описывающее модель относительного пространственного дейксиса в экспозиторном диалоге. Подробнее опишем анализируемый материал.

Так, в ЭДЕ */тут везде в принципе мне кажется ответ/* обнаруживаем маркер пространственного дейксиса *тут*, который описывается координатой «здесь» абсолютного пространства. При конструировании относительного пространства этот маркер «запускает» пространство в коммуникации с координатами «я» (участники коммуникации), «здесь» (ситуация коммуникации), «сейчас» (время, момент реализации коммуникации). В ЭДЕ */ ну ты тут можешь даже винить свою управляющую компанию/* также используется маркер *тут*, соотносимый с координатой «здесь», однако он способствует конструированию пространства вне коммуникации, так как речь не идет непосредственно об участниках коммуникации (хотя и может их включать), описываемая ситуация и момент ее реализации не совпадают с ситуацией коммуникации и временем ее реализации.

В изученном материале обнаружены случаи использования дейктических слов, которые было решено не подвергать анализу по той причине, что их указательное (дейктическое) значение модифицируется в рамках значения более крупных речевых единиц.

Во-первых, речь идет об их использовании в составе союзов и наречных выражений типа *в то время как*, *в то же время*, *если… то…*, *не то чтобы*, (*вопрос*) *в том как*, *не то чтобы*, *при этом*, *в то же время*, *тем что*.

Во-вторых, не привлекались к анализу использования дейктических слов в составе устойчивых выражений типа (*он*) *и так* (*насамообучался*), *в том и* (*дело*), *в том числе*, (*человек*) – *тот еще* (*паразит*), *тем или иным* (*способом*), *есть такое* (*дело*), *и так далее и тому подобное*, *вот именно*, *тот факт что* и др.

В-третьих, анализу не подвергались незавершенные ЭДЕ типа */ну это…/ ну да это…/*, содержание которых не позволяло установить особенности конструирования относительного пространства.

Сложный случай установления дейктической функции иллюстрирует использование слова *это*. Представляется очевидным, что данное слово часто используется как связка (т. е. оно не несет дейктическую функцию), однако в устной речи в условиях редуцирования финального гласного в слове и самоисправлений не всегда возможно разграничить слово-связку и указательное употребление слова, например, в */но в первую очередь это* (*эта*?) *вина… разработчика/*. Также в спонтанной речи проявляется большая вариативность в синтаксическом конструировании ЭДЕ; это приводит к тому, что невозможно однозначно определить семантическую нагрузку слова *это*, как, например, в клаузе */это опять вопрос сводится к тому/*. В связи с этим принято решение все использования слова *это* определять как потенциально указательные (дейктические).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На первом этапе анализа из 4 978 ЭДЕ были отобраны 657 ЭДЕ, содержащие один или несколько маркеров пространственного дейксиса, не включая маркеры в составе союзных слов, наречных выражений, устойчивых выражений, незавершенных ЭДЕ (см. выше). При этом из всех ЭДЕ был обнаружен 531 случай использования координаты «здесь» абсолютного пространства и 126 случаев использования координаты «там»; таким образом, в спонтанном диалоге координата «здесь» представлена в 4,2 раза чаще. Представим на рисунке 2 распределение их использований в индивидуальных пробах участников.

Рис. 2. Распределение маркеров абсолютного дейксиса в диалогической речи

Как видно из рисунка 2, индивидуальные особенности варьирования в использовании этих координат значительны (29–81 и 2–32). При этом отметим, что есть участники, которые в относительно большей степени «отдают предпочтение» использованию координаты «там»; в их речи количество использований маркеров «здесь» может быть только до 1,7 раз выше (при среднем значении в 4,2). Координата «здесь» чаще всего

проявляется в маркерах *это*, *вот*, *тут*, например, в */глубоко от тебя это слышать/*, */вот развивать эмоции/*, */но тут я могу четко сказать/*. Координата «там» чаще проявляется в маркерах *тот* и *там*, например, в */они являются как бы переработкой тех работ/*, */а там в л... как бы в любом случае мы делаем по своему образу и подобию/*.

Далее рассмотрим особенности конструирования относительного пространства. Двумя основными типами относительного пространства выступают «в (ситуации) коммуникации» (как аналог «здесь») и «вне (ситуации) коммуникации» (как аналог «там»). Пространство «в коммуникации» определяется как то место, где сейчас происходит коммуникация собеседников; а пространство «вне коммуникации» – как место, которое либо не включает то место и время, где сейчас происходит коммуникация собеседников, либо включает их, но может относиться и к другим ситуациям коммуникации. Так, в */ну это интересно конечно/* с помощью координаты «здесь» (*это*) конструируется «пространство коммуникации»; в */там надо заложить программу/* с помощью координаты «там» (*там*) конструируется «пространство вне коммуникации».

Особый интерес в контексте данного исследования представляют случаи конструирования пространства в ситуациях рассогласования типа пространства, абсолютного и относительного, т. е. когда конструирование пространства в коммуникации происходит с помощью координаты «там» абсолютного пространства, и наоборот, а также когда происходит одновременное конструирование относительного пространства в и вне коммуникации с помощью одной координаты абсолютного пространства. Рассмотрим некоторые примеры.

В */но каким-то своим сознанием опять же там технологическим/* используется дейктическое слово *там*, с помощью которого конструируется пространство в коммуникации (сознание разного «типа» как присущее коммуникантам), но одновременно с этим и более обширное пространство, потенциально включающее и другие возможные ситуации коммуникации с другими коммуникантами (у которых тоже обнаруживается сознание такого «типа»). Сходные использования обнаруживаем в */как люди вот ограничены каким-то своим горизонтом сознания/* и */ну как бы это уже на нас лежит ответственность за то/*, где *вот* и *это* участвуют в конструировании как пространства в коммуникации (так как ее участники тоже люди, мы), так и пространства вне коммуникации (так как включает и всех других людей, нас).

В */и теми кто эти машины обслуживает/* используется дейктическое слово *эти*, соотносящееся с координатой «здесь», но определенно конструирующее пространство вне коммуникации. В */скорее тут разговор о том/* (*что оно должно тебя побудить*) речь не идет о конструировании пространства, в котором участвуют эти собеседники здесь и сейчас; выражение *тут разговор о том* используется в значении ‘это используется таким образом, что’, что «запускает» пространство вне коммуникации. К спорным можно отнести случаи типа */это может человек там взять хлеб/*, где обнаруживается возможность совершения действия в ситуации коммуникации; однако в связи с тем, что она не может быть реализована в данной ситуации (хлеба у коммуникантов нет), мы рассматриваем такие случаи как конструирующие пространство вне коммуникации. Также сложно определить тип конструируемого пространства в ситуации потенциальной возможности отнесения дейктического слова к разным компонентам ЭДЕ, как в */тут опять же вина за кем?/*, где *тут* может быть отнесено к *опять же* (ситуация коммуникации, так как речь идет о возвращении к обсуждению некоторой темы) или к *вина за кем* (ситуация вне коммуникации). В таких случаях принято решение определять тип пространства по тому компоненту, который находится ближе всего к дейктическому слову; в данном случае это *опять же*, поэтому слово *тут* рассматривается как конструирующее пространство в коммуникации. В некоторых случаях определить тип пространства можно с опорой на время глагола: например, в */но я это слышала у этого у Цукерберга по-моему/ это* является дополнением в *слышала это*, соответственно, речь идет о ситуации в прошедшем времени, и хотя предмет разговора («это») определяется как (до сих пор) присутствующий в ситуации коммуникации, конструируется пространство вне коммуникации. Сходную ситуацию наблюдаем в */тут опять мы все сведем к программам/*, где с опорой на будущее время глагола определяем слово *тут* как конструирующее пространство вне коммуникации. При анализе мы столкнулись и с проявлениями совместной реализации пространственного и временного дейксиса, описанного в [Апресян, 2014], например, в */тут уже большой вопрос/* или */Если у нас там ломается телефон/*, где *тут* и *там* соотносят говорящего не только с некоторым местом в пространстве, но и некоторой точкой во времени. Однако, несмотря на значение самих слов в координатах абсолютного пространства, их роль в конструировании относительного пространства может быть разной.

Таким образом, обращаем внимание на то, что существуют возможности конструирования относительного пространства обоих типов с координатами абсолютного пространства обоих типов

(т. е. всего четыре варианта). Можно предположить, что при выборе координат говорящий выстраивает не только пространство в и вне коммуникации, но и обособляет его в каждом случае как «близкое» и «далекое», используя для этого маркеры абсолютного пространства «здесь» и «там», соответственно. Так, говоря, */я это связываю с очень эээ челове- человеческим фактором/*, говорящий конструирует относительное пространство в коммуникации как близкое (маркер *это*), а в */потому что у тебя там что-то накапливается/* – пространство в коммуникации как далекое (маркер *там*); в */у этой машины должно быть какая-то там/* – пространство вне коммуникации как близкое (маркер *этой*); а в */если он там доверяет не знаю свою жизнь машине/* – пространство вне коммуникации как далекое (маркер *там*). В итоге можно наблюдать пространственный континуум, описываемый четырьмя вариантами, применение которых позволяет моделировать относительное пространство в спонтанном диалоге. Покажем это на схеме (рис. 3).

Рис. 3. Типы и координаты пространства в диалоге

Приведем полученные результаты, описывающие распределение относительного пространства в коммуникации и вне коммуникации. Относительное пространство в коммуникации как близкое описывают 187 случаев, т. е. от общего количества случаев использования маркеров абсолютного пространства с координатой «здесь» это только около 35 % случаев. Обнаружен 21 случай использования координаты «там» для конструирования пространства в коммуникации как далекого, например, в там в */и тем как работают у нас всякие там нейроны и остальное все/* или в */что человек социо... как там социобиологическое существо/*. Как можно наблюдать, эти более редкие примеры – их доля в конструировании пространства в коммуникации составляет 11,2 % – конструируют знание собеседников о ситуации коммуникации вообще, которое те представляют уже в реальной ситуации коммуникации. Конструирование пространства вне коммуникации как близкого обнаружено в 361 случае, а пространства как далекого – в 108 случаях; таким образом, доля последнего в конструировании пространства вне коммуникации составляет только 29,9 %. Приведем процентное распределение четырех типов на рисунке 4.

Рис. 4. Распределение типов относительного пространства в диалоге

Как показано на рисунке 4, чаще всего коммуниканты конструируют пространство вне коммуникации как близкое, приближая таким образом объекты и события, находящиеся и происходящие вне ситуации, к той ситуации, в которой они находятся в данный момент времени. Предположительно, это обусловлено характером экспозиторного дискурса, реализация которого требует установления отношений между разными феноменами окружающего мира [Longacre 1983; Berman, Bracha Nir-Sagiv, 2007], а также установления границ конструируемых категорий [Iriskhanova et al., 2022]. Частотность пространства в коммуникации как близкого определенно свидетельствует о том, что в диалоге необходимо поддерживать свой интерес и интерес собеседника к тому, что происходит здесь и сейчас; предположительно, такое конструирование пространства способствует реализации контактоустанавливающей функции в разных коммуникативных шагах диалогической коммуникации [Коротаев, 2023]. Проявления индивидуального варьирования в выборе типов пространства могут быть связаны с внешними и внутренними обстоятельствами коммуникации [Bangerter, Clark, 2003; Levinson 2016]. То, что пространство в коммуникации как далекое используется достаточно редко, возможно, также обусловлено экспозиторным типом дискурса; предположительно, в аргументативной коммуникации его показатели были бы выше, так как в этом случае для достижения общей позиции необходимо в большей степени привлекать и «продвигать» свои знания о самой ситуации коммуникации, а не только о ситуациях вне ее.

Таким образом, оказывается возможным наблюдать как «релятивизируются» [Демьянков, 2013, с. 11] координаты абсолютного пространства, определяемые как особенностями коммуникации, так и типом дискурса, а также как варьируются

проявления координат в составе триады «я – здесь – сейчас» [Степанов, 1998].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование особенностей реализации пространственного дейксиса в спонтанном экспозиторном диалоге свидетельствует о том, что относительный характер дейксиса проявляется, прежде всего, в специфическом распределении пространств в и вне коммуникации, где превалирует конструирование пространства вне коммуникации. Очевидно, это обусловлено необходимостью достичь общей позиции в диалоге в отношении объектов, непосредственно не присутствующих в ситуации коммуникации. Для «приближения» этих объектов собеседники прибегают к приему конструирования пространства вне коммуникации как близкого, т. е. используя дейктические слова *этот*, *здесь*, *тут* и др. Проведенный анализ позволил не только установить распределение особенностей конструирования пространства, но и предложить модель, описывающую эти особенности в диалоге с учетом координат абсолютного пространства и типов относительного пространства, определяемых организацией коммуникации. Можно предположить, что разработанная модель применима как для анализа существующих корпусов речи на предмет способов конструирования пространства как близкого или далекого с помощью дейктических слов, так и для программирования коммуникации как более и менее настроенной на установление контакта с помощью приближения / удаления участников и объектов пространства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1986. Вып. 28. С. 5–33.
2. Степанов Ю. С. Язык и Метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998.
3. Падучева Е. В. Режим интерпретации как контекст, снимающий неоднозначность // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2008. Вып. 7 (14). С. 412–419.
4. Levinson S. C. Space in Language and Cognition: Explorations in Cognitive Diversity. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
5. Ирисханова О. К. [и др.]. Полимодальный пространственный дейксис в речи и жестах: системы координат в экспланаторном дискурсе / О. К. Ирисханова, М. И. Киосе, А. В. Леонтьева, О. В. Агафонова // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. Вып. 4. С. 17–31.
6. Longacre R. E. The grammar of discourse. New York: Plenum, 1983.
7. Berman R. A, Nir-Sagiv B. Comparing narrative and expository text construction across adolescence: A developmental paradox // Discourse Processes. 2007. # 43 (2). P. 79–120.
8. Апресян В. Ю. Тут, здесь и сейчас. О временных значениях пространственных дейктических слов // Русский язык в научном освещении. 2014. Вып. 27 (1). С. 9–41.
9. Демьянков В. З. Синтактика, семантика и прагматика в научном творчестве Ю. С. Степанова // Языковые параметры современной цивилизации. М: Институт языкознания РАН, 2013. С. 6–13.
10. Majid A. et al. Can language restructure cognition? The case for space / A. Majid, M. Bowerman, S. Kita, D. B. M. Haun, Levinson S. C. // Trends in Cognitive Science. 2004. # 8. P. 108–114.
11. Levinson S. C. Turn-taking in human communication – Origins and implications for language processing // Trends in Cognitive Sciences. 2016. # 20. P. 6–14.
12. Коротаев Н. А. Мультиканальное взаимодействие при совместном построении синтаксических конструкций в диалоге // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2023. Вып. 22. С. 254–266.
13. Горбылева А. В., Шевченко Т. И. Модели взаимодействия собеседников по высотно-диапазональному параметру в дружеской беседе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1 869). С. 48–54.
14. Bangerter A., Clark H. H. Navigating joint projects with dialogue // Cognitive Science. 2003. Vol. 27. P. 195–225.

REFERENCES

1. Apresjan, Ju. D. (1986). Deixis in lexis and grammar and the naïve worldview. Semiotics and Informatics, 28, 5–33. (In Russ.)

2. Stepanov, Yu. S. (1998). Language and method. To the modern philosophy of language. Moscow: Languages of Russian Culture. (In Russ.)
3. Paducheva, E. V. (2008). The regime of interpretation as a context eliminating ambiguity. Computational Linguistics and Intellectual Technologies, 7(14), 412–419. (In Russ.)
4. Levinson, S. C. (2003). Space in Language and Cognition: Explorations in Cognitive Diversity. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Iriskhanova, O. K., Kiose, M. I., Leonteva, A. V., Agafonova O. V. (2022). Multimodal spatial deixis in speech and gesture: frames of reference in explanatory discourse. Issues of Cognitive Linguistics, 4, 17–31. (In Russ.)
6. Longacre, R. E. (1983). The grammar of discourse. New York: Plenum.
7. Berman, R. A., Nir-Sagiv, B. (2007). Comparing narrative and expository text construction across adolescence: A developmental paradox. Discourse Processes, 43(2), 79–120.
8. Apresjan, V. Ju. (2014). Tut, zdes' i sejchas = On temporal meanings of spatial deictic words. Russian Language and Linguistic theory, 27(1), 9–41. (In Russ.)
9. Demyankov, V. Z. (2013). Syntactics, semantics and pragmatics in the scientific heritage of Yu.S. Stepanov. Language parameters of modern civilization (pp. 6–13). Moscow: Institute of Linguistics RAS. (In Russ.)
10. Majid, A., Bowerman, M., Kita, S., Haun, D. B. M., Levinson, S. C. (2004). Can language restructure cognition? The case for space. Trends in Cognitive Science, 8, 108–114.
11. Levinson, S. C. (2016). Turn-taking in human communication – Origins and implications for language processing. Trends in Cognitive Sciences, 20, 6–14.
12. Korotaev, N. A. (2023). Multi-channel interaction in collaborative use of syntactic constructions in dialogue. Computational linguistics and intellectual technologies, 22, 254–266. (In Russ.)
13. Gorbyleva, A. V., Shevchenko, T. I. (2023). Friendly Talk-in-Interaction Models Based on Pitch and Pitch Range Parameters. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(869), 48–54.
14. Bangerter, A., Clark, H. H. (2003). Navigating joint projects with dialogue. Cognitive Science, 27, 195–225.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Киосе Мария Ивановна

доктор филологических наук, доцент
главный научный сотрудник
Центра социокогнитивных исследований дискурса
Московского государственного лингвистического университета
ведущий научный сотрудник
лаборатории мультиканальной коммуникации
Института языкознания Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kiose Maria Ivanovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Assistant Professor
Chief Researcher at Centre for Sociocognitive discourse studies
Moscow State Linguistic University
Leading Researcher at Laboratory of Multichannel communication
Institute of Linguistics
Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию	25.01.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	16.02.2025	approved after reviewing
принята к публикации	13.03.2025	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'276

Организующий принцип и стратегии американского предвыборного дискурса (на материале теледебатов между К. Харрис и Д. Трампом)

Е. Ф. Косиченко

Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия
ekosichenko@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье анализируются фрагменты предвыборных дебатов между К. Харрис и Д. Трампом с целью выявления актуализируемых в дискурсе этих политиков партийных ценностей и установления характера реализуемых ими дискурсивных стратегий. Структурно-семантический анализ текстов выступлений двух политиков показал, что принципом, организующим американский предвыборный дискурс, является традиционная для американской партийной системы оппозиция культурных ценностей. В рамках данной оппозиции демократические свободы и интересы индивида противопоставлены идеям сохранения традиций и экономического процветания государства. Методы дискурсивного и контекстуального анализа позволили установить, что в ходе предвыборных дебатов кандидатами использовались стратегии «Я – одна из вас» и «Я – ваш защитник».

Ключевые слова: предвыборные дебаты, стратегии предвыборного дискурса, культурные оппозиции, политические оппозиции, самопрезентация политика, ценности американских республиканцев и демократов

Для цитирования: Косиченко Е. Ф. Организующий принцип и стратегии американского предвыборного дискурса (на материале теледебатов между К. Харрис и Д. Трампа) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 3 (897). С. 81–89.

Original article

The Organizing Principle and the Strategies of American Election Discourse (analysis of televised debates between K. Harris and D. Trump)

Elena F. Kosichenko

National Research University "Moscow Power Engineering Institute" (MPEI), Moscow, Russia
ekosichenko@gmail.com, KosichenkoYF@mpei.ru

Abstract. The article analyzes transcripts of election debates between K. Harris and D. Trump with the aim of revealing the party values manifested in their discourse and identifying the discursive strategies they use. Methods of structural and semantic analysis serve to reconstruct the organizing principle of American election discourse, which is the opposition between cultural values traditionally shared by the Democrats and the Republicans, with the former prioritizing freedoms and interests of people, the latter focusing on traditions and the country's prosperity. Methods of discourse and contextual analysis show that during the election campaign the candidates used the strategies ONE OF YOU and YOUR PROTECTOR.

Keywords: election debates, election discursive strategies, cultural oppositions, political oppositions, political self-presentation, American Republican and Democratic values

For citation: Kosichenko, E. F. (2025). The organizing principle and the strategies of American election discourse (analysis of televised debates between K. Harris and D. Trump), 3(897), 81–89. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Решение обратиться в данной статье к американскому предвыборному дискурсу было продиктовано желанием, во-первых, исследовать вопрос о средствах вербализации партийных ценностей в публичных выступлениях Д. Трампа и К. Харрис, во-вторых, выявить используемые этими политиками дискурсивные стратегии, понимаемые как способы создания определенного медийного образа.

Американская политическая система, представленная большим числом партий федерального и регионального уровней, фактически является двухпартийной, поскольку сформированные в 1854 и 1928 годах Демократическая и Республиканская партии традиционно набирают около 90 % голосов избирателей. С самого основания Демократической партии ее представители выступали за права и свободы индивида, продвигая идеи прогрессивной системы налогообложения, повышения минимальных заработных плат, развития социального обеспечения. Провозглашаемыми ценностями демократов были и остаются *свобода*, *равенство*, *справедливость* (*liberty*, *equality*, *justice*), декларируемой целью – искоренение всех форм дискриминации[1]. Республиканская партия сформировалась как партия, выступающая за отмену рабства и развитие рыночной экономики. Сегодня республиканцы проводят политику снижения налогов для крупных предприятий, развития свободного бизнеса, финансового и социального консерватизма. Ключевыми ценностями республиканцев являются *экономическое процветание*, *сохранение американских традиций*, а декларируемой целью – создание возможностей для достижения каждым американцем своей мечты[2]. И хотя идея великой Америки актуализируется в дискурсе представителей обеих партий, в интерпретации демократов величие страны связано, скорее, с ее открытостью для всех и идеологической экспансией, в толковании республиканцев – с ориентированностью на американских граждан и экономическим процветанием.

Объектом предпринятого нами исследования выступает американский предвыборный дискурс 2024 года, предметом – средства репрезентации партийных ценностей в публичных выступлениях кандидатов в президенты. Материалом исследования послужили тексты предвыборных теледебатов К. Харрис и Д. Трампа, состоявшиеся в Филадельфии 11 сентября 2024 года.

МЕТОДОЛОГИЯ

Ценности американских политических партий как культурная оппозиция

Лингвистические, философские и семиотические исследования языков и культур показывают, что мировосприятие людей, их язык и культура основаны на оппозициях, которые, в зависимости от исследовательского подхода называют базовыми, бинарными, культурными или семантическими [Ворожбитова, Голионцева, 2018; Шевченко, 2022; Просвирнина, 2022; Раздуев, Шаранова, 2020]. Будучи результатом когнитивной и дискурсивной деятельности человека, политический дискурс также может быть описан в терминах бинарных оппозиций, о чем говорят многие исследователи [Лоскутникова, 2018; Кошкарова, 2017], при этом особая роль в политическом дискурсе отводится оппозиции «свой – чужой» [Кишина, 2011; Королева, 2017; Гусейнова, Горожанов, 2023].

Опираясь на достижения в области изучения политического дискурса, а также на ранее проведенное нами исследование, показавшее, что в медийной коммуникации оппозиция «свой – чужой» может являться дискурсообразующим принципом [Косиченко, 2024], выдвинем предположение, что данная оппозиция способна организовывать политический дискурс преимущественно в ситуациях, затрагивающих международные отношения. Что касается условий предвыборной борьбы, то наличие в дискурсе государственного деятеля или представителя партии средств актуализации оппозиция «свой – чужой» может указывать на переживаемой страной период серьезных политических потрясений. Если предвыборная борьба протекает в условиях политической стабильности, оппозиция «свой – чужой» уступает роль дискурсообразующего принципа взаимному противопоставлению характерных для политических партий ценностных ориентаций.

[1]American government. URL: https://www.ushistory.org/gov/1d.asp (дата обращения: 20/01/25).
[2]The Week. What do republicans stand for? URL: https://theweek.com/politics/what-do-the-republicans-stand-for (дата обращения: 20.01.25).

Обращаясь к вопросу об универсальности базовых бинарных оппозиций, ученые часто отмечают противопоставленность в человеке биологического плотского и социального духовного [Рыжов, 2020; Вольский, 2022], что проявляется в разных сферах общественной и культурной жизни. Заметим, что, будучи явлением высокого уровня абстракции, оппозиция между биологическим и социальным может быть представлена более частными противопоставлениями, например, между потребностями человека в своем собственном финансовом благополучии и его стремлением к социальной справедливости, к созданию комфортных условий проживания для всех членов социума. Несмотря на то, что в ходе предвыборной борьбы политики учитывают в своих программах как материальные, так и духовные запросы избирателей, только один из элементов данной оппозиции становится системообразующим принципом в дискурсе выдвинутого партией представителя. В рамках американской политической системы демократы чаще оперируют словами «демократия», «эмпатия», «забота о согражданах», республиканцы, в свою очередь, делают акцент на поддержании традиций и экономическом процветании нации, что находит соответствующие средства вербализации.

Наличие этих различий отмечал Дж. Лакофф[1], проанализировавший тексты предвыборных дебатов 2012 года, когда Б. Обама баллотировался на второй президентский срок. Среди прочего Дж. Лакофф указал на то, что большой ошибкой Б. Обамы стало подробное обсуждение им экономических вопросов, когда он был вынужден цитировать своего соперника от республиканской партии М. Ромни, вместо того чтобы в привычных для избирателей словах продвигать ценности своей партии. В частности, Дж. Лакофф задается вопросом *What could Obama have done better?* (*Что Обама мог сделать лучше?*), на который дает следующий ответ:

> *Frame everything from his own moral perspective*, including Romney's positions and assumptions. *Avoid the Romney language. Start with his own moral position*, which he stated beautifully in his 2008 campaign but has since dropped: *That democracy is based on empathy* (citizens caring about fellow citizens), *responsibility both for oneself and others, and an ethic of excellence* (doing one's best not just for oneself, but for one's family, community, and country).

[1]Obama vs. Romney: The Framing Matchup, Round One. URL: https://www.huffpost.com/entry/obama-romney-slogan_b_1605212 (дата обращения: 09.11.2024).

Как свидетельствует приведенная цитата из статьи Дж. Лакоффа, главной ошибкой Б. Обамы стало то, что он не обозначил четкую позицию своей партии, согласно которой демократия основывается на эмпатии, на ответственности граждан за себя и за других людей, на их стремлении делать всё возможное для себя, для своей семьи и для своей страны.

С учетом изложенного, в нашей статье развивается мысль о том, что американский предвыборный дискурс основан на оппозиции «материальное – духовное», когда в публичных выступлениях республиканцев, с одной стороны, и демократов – с другой, доминируют средства репрезентации первого или второго элемента данной модели. Материальное мы увязываем с понятиями культурной преемственности и экономической стабильности государства и рассматриваем данный элемент оппозиции как основу политического дискурса республиканцев. Духовное понимается в статье как абстракция, выражаемая через характерные для демократического дискурса понятия «свобода», «равенство», «справедливость». Согласимся с мнением, что в рамках государства свобода и равенство являются сущностями, относящимися к индивиду [Gonthier, 2000, с. 570]. При этом «свобода» может пониматься как возможность делать то, что дозволено государством, «равенство», прежде всего, предполагает политическое равенство, связанное с правом голоса и самовыражения, а также как юридическое равенство, т. е. равенство всех перед законом [Doomen, 2014]. Поскольку политический дискурс представляет собой иерархичное и амбивалентное явление, акцент на духовном в политическом дискурсе не предполагает отказ от обещаний финансового благополучия граждан, равным образом акцент на экономическом процветании не замещает полностью идею о справедливости и социальном равенстве.

Дискурсивные стратегии и медийный образ

Дискурсивные стратегии в политическом дискурсе представляют собой особые формы манипулятивного воздействия на избирателя. Широкую известность в отечественной лингвистике приобрела классификация стратегий политического дискурса, предложенная О. Л. Михалёвой, выделившей стратегии на повышение, на понижение и стратегию театральности, и описавшей тактики, которыми представлены данные стратегии [Михалёва, 2009]. Как наиболее общие модели речевого поведения три названные стратегии реализуются в разнообразных формах, которые могут быть рассмотрены

как более частные стратегии. В американском предвыборном дискурсе стратегия театральности (обусловленная наличием в политическом дискурсе адресата наблюдателя [Михалёва, 2009]) реализована, по нашему мнению, в виде стратегий «Один из вас» и «Ваш защитник». Целью реализации данных дискурсивных стратегий кандидатами в президенты США является создание соответствующего медийного образа.

Термин «медиаобраз» по-разному трактуется исследователями и может рассматриваться, например, как форма «существования массового сознания в медиакоммуникации» [Галинская, 2013, с. 91], или как способ манипулятивного воздействия на электорат путем обращения к таким универсальным проблемам, как несправедливость, нищета, безнаказанность [Бочаров, 2022]. С учетом выбранной темы мы будем понимать медиаобраз как образ кандидата в президенты, с одной стороны, намеренно создаваемый им самим посредством определенной дискурсивной стратегии, формируемый средствами массовой информации, – с другой. Таким образом, кандидат в президенты рассматривается нами как дискурсивная личность, которая целенаправленно транслирует через СМИ ценности своей партии и одновременно реализует свои собственные интенции. СМИ не остаются в этом случае пассивными и могут корректировать создаваемый политиком медиаобраз, прежде всего через задаваемые вопросы и комментарии.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Выбранный нами для анализа материал представлен теледебатами между кандидатами в президенты США К. Харрис и Д. Трампом, состоявшимися 11 сентября 2024 года в Филадельфии[1]. Модераторами теледебатов выступили ведущий программы *World News Tonight*, управляющий редактор Дэвид Мьюир и ведущая программы *Prime* на канале *ABC News Live* Линси Дэвис.

После того, как кандидаты в президенты поприветствовали присутствующих, модератор задал первый вопрос, касающийся экономического положения в стране и общего благополучия граждан США в связи с ростом стоимости жизни. Первой данный вопрос прокомментировала К. Харрис, особо подчеркнувшая тот факт, что она выросла в семье со средним достатком, поэтому именно она знает, как повысить благополучие среднего и рабочего класса Америки. Приведем цитату.

> *КХ*: So, *I was raised as a middle-class kid*. And *I am actually the only person* on this stage *who has a plan* that is about lifting up the middle class and working people of America. I believe in *the ambition*, t*he aspirations*, *the dreams* of the American people. And that is why I imagine and have actually a plan to build what I call *an opportunity economy.* <…> *My passion, one of them, is small businesses*. My mother raised my sister and me but there was a woman who helped raise us. We call her our second mother. She was a small business owner.

С самого начала К. Харрис сообщает, что она ориентирована на средний класс американцев и основу ее экономической программы составляет развитие малого бизнеса и повышение благополучия менее обеспеченных американцев, что в полной мере отвечает представлениям о равенстве как основной ценности американской демократической партии. Далее, как следует из цитаты, К. Харрис вспоминает, что в ее воспитании принимала участие *некая женщина* (*англ.* a woman), которую они с сестрой называли второй матерью и у которой был небольшой бизнес. Отсылка к прошлому является средством создания образа «Я – одна из вас».

При ответе на первый вопрос Д. Трамп сразу обращается к проблеме инфляции, уточнив, что она достигла рекордных темпов и продолжает расти, что плохо не только для среднего класса, но для всех социальных групп.

> *ДТ*: …*We have inflation* like very few people have ever seen before. *Probably the worst in our nation's history*. We were at 21 %. But that's being generous because many things are 50, 60, 70, and 80 % higher than they were just a few years ago. <…> On top of that, we have millions of *people* pouring into our country *from prisons and jails, from mental institutions and insane asylums*. And *they*'re coming in and *they*'re taking jobs. <…> *They are taking* over the towns. *They're taking* over buildings. These are the people that *she and Biden* let into our country. And *they're* destroying our country. *They're* dangerous. *They're* at the highest level of criminality. And *we have to get them out*. *We have to get them out* fast.

Обратим внимание на несколько обстоятельств. Во-первых, в отличие от К. Харрис, Д. Трамп оперирует цифрами; во-вторых, он активно использует местоимение *they* (*рус.* они), создавая тем самым оппозицию «свой – чужой», при этом в зоне чуждости оказываются люди, выходящие из тюрем, психиатрических учреждений и приютов для умственно отсталых, а также действующие президент и вице-президент (*she and Biden – рус.* она и *Байден*). К зоне «своих» Д. Трамп относит

[1]URL: https://abcnews.go.com/Politics/harris-trump-presidential-debate-transcript/story?id=113560542 (дата обращения: 20.01.25).

себя и свою партию, что выражено местоимением *we* (*рус*. мы). Употребление выражения *get them out* (*рус*. избавиться от них) способствует созданию образа защитника от чужаков, несущих в страну преступность и прочие опасности. Тот факт, что в речи Д. Трампа актуализируется нехарактерная для предвыборного дискурса (где важным является идея о единстве нации) оппозиция «свой – чужой», свидетельствует, на наш взгляд о периоде крайней социальной нестабильности в США.

В ответ К. Харрис называет основные, с ее точки зрения, негативные последствия правления Д. Трампа и провозглашает свое намерение *строить* (*англ*. build) с опорой на устремления и надежды американцев, которым необходимо единение, а не разделение.

> *КХ*: Donald Trump *left us the worst unemployment* since the Great Depression. Donald Trump *left us the worst public health* epidemic in a century. Donald Trump *left us the worst attack on our democracy* since the Civil War. <…> What *I intend to do is build on what we know are the aspirations and the hopes of the American people*. <…> I believe very strongly that the American people want a president who understands *the importance of bringing us together knowing we have so much more in common than what separates us*.

Комментируя данный фрагмент выступления К. Харрис, обратим внимание на многократное использование превосходной степени прилагательного *плохой* (*англ*. worst), а также на то, что в своей речи К. Харрис не делит американцев на своих и чужих. Напротив, она особо подчеркивает идею единства нации, что может быть рассмотрено в качестве попытки представить ситуацию в стране периода правления Демократической партии как стабильную. Привлекает внимание также повторное употребление слова *inspirations* (*рус*. устремления) в данном случае в сочетании со словом *hopes* (*рус*. надежды).

Далее в ходе дебатов были затронуты проблемы абортов, мигрантов, преступности, войны на Ближнем Востоке, отношений между Россией и Украиной, вопросы национальной системы здравоохранения, производства и т. д. Остановимся на тех фрагментах выступлений кандидатов, где наиболее явно актуализируются партийные ценности, и рассмотрим, как К. Харрис и Д. Трамп вербализуют свое видение роли США в мире.

> *КХ*: …it has been about standing as America always should, as *a leader upholding international rules and norms*. As *a leader who shows strength*, understanding that the alliances we have around the world are dependent on our ability to look out for our friends and *not favor our enemies* because *you adore strongmen instead of caring about democracy* <…> And the American people have a right to rely on a president who understands *the significance of America's role and responsibility in terms of ensuring that there is stability*…

В данной части своего выступления К. Харрис делает акцент на роли Америки как мирового лидера, соблюдающего международные нормы и не уступающего своим противникам. Отметим выпад вице-президента в сторону своего оппонента, который, по ее словам, демократии предпочитает силу.

Д. Трамп, в свою очередь, прибегает к тактике принижения роли США как мирового лидера.

> *ДТ*: …We're *a failing nation*. *We're a nation that's in serious decline*. *We're being laughed at* all over the world. *All over the world, they laugh*. I know the leaders very well. They're coming to see me. They call me. *We're laughed at all over the world*. They *don't understand what happened to us as a nation*. *We're not a leader*. <…> And the problem that we have right now is *we have a nation in decline* and *they have put it into decline*. *We have a nation that is dying, David*.

Предположим, что сделанный Д. Трампом акцент на увядании Америки, ее упадке имеет целью не только подчеркнуть неэффективность кабинета Дж. Байдена, но также любым способом противопоставить свою позицию мнению К. Харрис и таким образом не допустить ошибок, о которых писал Дж. Лакофф, подчеркивавший, что согласие с оппонентом приводит к падению рейтинга (см. выше). Отметим также, что глаголы *laugh* (*рус*. смеяться) и *decline* (*рус*. увядать) часто использовались Д. Трампом в предыдущих выступлениях для характеризации физического состояния президента Дж. Байдена, и в этом смысле можно говорить о намеренно или ненамеренно создаваемой метафоре.

Частью предвыборных дебатов стали прямые оскорбления их участников в адрес друг друга. Рассмотрим еще несколько фрагментов.

> *КХ*: Well, as I said, you're going to hear *a bunch of lies*. <…> *That is immoral*.

> *ДТ*: *She is destroying our country*. <…> Biden doesn't go after people because supposedly *China paid him millions of dollars*. <…> *They get all this money from Ukraine*. *They get all this money from all of these different countries*. <…> Why did he *get 3 1/2 million dollars from the mayor of Moscow's wife?* <…> *This is a*

crooked administration, and they're selling our country down the tubes.

Как видно из приведенных цитат, если К. Харрис обвиняет Д. Трампа во лжи и аморальных поступках, то экс-президент идет несколько дальше, фактически предъявляя окружению Дж. Байдена обвинение в коррупции и мошенничестве.

Далее обратимся к особенностям репрезентации понятий «демократия», «свобода» и «сила», ставших ключевыми в избирательных речах К. Харрис и Д. Трампа. Слово *democracy* (*рус*. демократия) используется в тексте дебатов 10 раз: четыре раза оно употреблено К. Харрис, четыре раза Д. Трампом и два раза модератором. Сравним контексты, в которых данное слово употребляется.

КХ: To *stand for our democracy*. To stand for rule of law. And to end the chaos. And to end the approach that is about *attacking the foundations of our democracy*...

ДТ: They talk about *democracy*. I'm a threat to *democracy*. *They're the threat to democracy* – With the fake Russia Russia Russia investigation that went nowhere.

В отличие от К. Харрис, которая заявляет, что намерена положить конец всему, что представляет угрозу для американкой демократии, Д. Трамп обвиняет своих оппонентов в нарушении основ демократии. В качестве доказательств пренебрежения принципами демократии Д. Трамп приводит использованные против него самого сфабрикованные обвинения в связи с Россией.

Слово *freedom* (*рус*. свобода) встречается только в дискурсе К. Харрис, отмечающей, что американцы верят в свободу, готовы голосовать за свободу, и что она видит своей главной задачей защищать их основные права и свободы.

КХ: I think the American people believe that *certain freedoms*, in particular the *freedom to make decisions* about one's own body. <...> *America have voted for freedom.* <...> *I will be a president that will protect our fundamental rights and freedoms* including the right of a woman to make decisions about her own body and not have her government tell her what to do.

В свою очередь Д. Трамп активно использовал в ходе всей своей предвыборной кампании слово *protect* (*рус*. защищать) и его производные, создавая для себя образ защитника как своих граждан, так и союзников, в частности, стран НАТО, которые, однако, должны за это платить.

ДТ: They're in for $150 billion less because Biden and you don't have the courage to ask Europe like I did with NATO. They paid billions and billions, hundreds of billions of dollars when I said *either you pay up or we're not going to protect you anymore* <...> *if you don't pay we're not going to protect you.*

Напомним, что сделанное Д. Трампом ранее заявление о готовности защищать американок вопреки их желанию получило настолько широкий общественный резонанс, что британская газета The Guardian прокомментировала образ Д. Трампа как защитника американок с известной долей иронии:

Donald Trump took his frequent habit of describing himself as a "*protector*" of women further on Wednesday night in Wisconsin, when he declared he would *protect* them "whether the women like it or not" if he wins a second term in the White House[1].

Образ защитника достаточно гармонично коррелирует с образом сильного человека, создаваемым посредством частого употребления Д. Трампом слов *strong* (*рус*. сильный) и антонимичного слова *weak* (*рус*. слабый). Однако в ходе предвыборных дебатов К. Харрис в известном смысле переиграла Д. Трампа на его же поле: несколько раз назвав его слабым, она грамотно использовала язык своего оппонента как оружие против него самого.

КХ: Donald Trump when he was president negotiated one of *the weakest* deals you can imagine. He calls himself a dealmaker. Even his national security adviser said it *was a* weak <...> it is very well known that *Donald Trump is weak* and wrong on national security and foreign policy.

Примечательна заключительная часть дебатов, в общих чертах представляющая собой повтор того, что было озвучено в самом начале. В частности, вице-президент еще раз напомнила, что ее политика ориентирована на будущее, что у нее есть план создания экономики возможностей и есть стремление стать президентом, защищающим основные права и свободы людей. Приведем цитаты.

КХ: So I think you've heard tonight two very different visions for our country. *One that is focused on the future and the other that is focused on the past. And an attempt*

[1]URL: https://www.theguardian.com/us-news/2024/oct/31/donald-trump-women-protector-wisconsin-rally (дата обращения: 20.01.25).

to take us backward. But *we're not going back*. And I do believe that the American people know *we all have* so *much more in common* than what separates us and we can chart a new way forward. And a vision of that includes having a plan, *understanding the aspirations, the dreams, the hopes, the ambition of the American people*, which is why *I intend to create an opportunity economy*. <...> *I will be a president that will protect our fundamental rights and freedoms including the right of a woman to make decisions about her own body*.

Д. Трамп, в свою очередь, еще раз напомнил о том, что наплыв мигрантов в страну способствовал ее развалу, и назвал Дж. Байдена худшим президентом, а К. Харрис худшим вице-президентом в истории страны:

ДТ: What these people have done to our country, and maybe toughest of all is allowing *millions of people to come into our country, many of them are criminals, and they're destroying our country*. The worst president, the worst vice president in the history of our country.

Суммируя сказанное, отметим, что представленная в дискурсе К. Харрис идея светлого будущего, где правит демократия, где основные права и свободы гарантированы не только американцам, но и гражданам других государств, полностью коррелирует с ключевыми ценностями Демократической партии США. В республиканском дискурсе Д. Трампа доминируют представления о важности защиты американцев как от внешних врагов, так и от них самих, что может быть обеспечено финансовой стабильностью и уважительным отношением к традициям. Приверженность ценностям своей партии способствует созданию образа политика, который вышел из народа и намерен сражаться за права своего народа в случае К. Харрис, и образа политика, видящего своей первостепенной задачей защиту своего народа и усиление своей страны в случае Д. Трампа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Американская избирательная кампания 2024 года стала не только самой дорогой за всю историю США, но, по всей видимости, и самой агрессивной. Предпринятый нами анализ фрагментов предвыборных дебатов между кандидатами в президенты показывает, что современный американский политический дискурс практически утратил характерные признаки дипломатичности, уважительное отношение к оппоненту не проявляется не только на международной арене, но даже внутри страны.

В лингвистическом отношении примечательны следующие обстоятельства. Во-первых, в своих выступлениях кандидаты старательно избегали любого намека на согласие друг с другом, вплоть до того, что Д. Трамп не побоялся открыто назвать свою страну увядающей и умирающей. Вице-президент Харрис прибегла к интересной тактике многократного использования слова «слабый» в адрес своего оппонента, понимая, что *слабость* является главной антиценностью всей избирательной кампании Д. Трампа. Во-вторых, в речах обоих политиков нашли отражение ключевые ценности их партий, которые также составили основу дискурсивных образов «Я – одна из вас» и «Я – ваш защитник». В-третьих, нехарактерная для внутриполитического дискурса, но актуализируемая в предвыборном дискурсе Д. Трампа оппозиция «свой – чужой» указывает на высокую степень нестабильности в американском обществе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ворожбитова А. А., Голионцева И. В. Лингвориторический аспект репрезентации базовой оппозиции «Природа / социум» в художественном тексте // Научный взгляд в будущее. 2018. Т. 2. № 10. С. 83–88. DOI 10.30888/2415-7538.2018-10-02-046.
2. Шевченко О. В. Бинарные оппозиции в гуманитарной парадигме процесса цифровизации // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 3. С. 390–396. DOI 10.34823/SGZ.2022.3.518817.
3. Просвирнина И. С. Культурные коды и оппозиции в сопоставительных исследованиях // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2022. № 7. С. 287–291.
4. Раздуев А. В. Шаранова Е. Г. Семантическая структура термина и семантические оппозиции в музыкальной терминологии (на материале английского и русского языков) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 4. С. 146– 157. DOI 10.29025/2079-6021-2020-4-146-157.
5. Лоскутникова М. А. Бинарные оппозиции как средство экспликации традиционного способа мышления в политическом дискурсе Китая на английском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 3 (31). С. 33–41. DOI 10.29025/2079-6021-2018-3(31)-33-41.

6. Кошкарова Н. Н. Экспрессивно-оценочные номинации как средство экспликации оппозиции «свои – чужие» в межкультурном политическом пространстве // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 2 (24). С. 134–138.
7. Кишина Е. В. Семантическая оппозиция «свой – чужой» как реализация идеолого-манипулятивного потенциала политических дискурсов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 4 (48). С. 174–179.
8. Королева Т. А. Лингвистические средства реализации социальной оппозиции «свой – чужой» в политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5–2 (71). С. 85–88.
9. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Коннотированный образ как способ конструирования информационного противостояния в художественно-публицистическом жанре // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16. № 6. С. 911–920.
10. Косиченко Е. Ф. Средства создания образа «Я – чужой» в медийном дискурсе (на материале интервью британского принца Генри американскому телеканалу) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 11 (892). С. 38–45.
11. Рыжов Б. Н. Система мотивационных оппозиций как основа психологической индивидуальности // Системная психология и социология. 2020. № 4 (36). С. 5–21. DOI 10.25688/2223-6872.2020.36.4.1.
12 Вольский А. Л. Между природой и культурой: о модернистской концепции гениальности // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2022. Т. 23. № 4. С. 233–242. DOI 10.25991/VRHGA.2022.5.4.018.
13. Gonthier Ch. D. Liberty, Equality, Fraternity: The Forgotten Leg of the Trilogy, or Fraternity: The Unspoken Third Pillar of Democracy // Mcgill Law Journal / Revue de Droit de Mcgill. 2000. Vol. 45. P. 567–589.
14. Doomen J. Freedom and Equality in a Liberal Democratic State. Brussels: Bruylant. 2014. ISBN: 978-2-8027-4623-2.
15. Михалёва О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
16. Галинская Т. Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 11 (160). С. 91–94.
17. Бочаров Е. В. Манипуляция и когнитивные искажения в выступлениях латиноамериканских лидеров // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4 (859). С. 14–19. DOI 10.52070/2542-2197_2022_4_859_14.

REFERENCES

1. Vorozhbitova, A. A., Goliontseva, I. V. (2018). Linguistic & rhetorical aspect of representation of the basic opposition "nature / socium" in a belletristic text. Scientific look into the future, 2(10), 83–88. (In Russ.)
2. Shevchenko, O. V. (2022). Binary opposition in the humanitarian paradigm of the digitalization process. Social and cultural knowledge, 3, 390–396. (In Russ.)
3. Prosvirnina, I. S. (2022). Cultural codes and oppositions in comparative studies. Dynamics of linguistic and cultural processes in the contemporary world, 7, 287–291. (In Russ.)
4. Razduev, A. V. Sharanova, E. G. (2020). Semantic structure of the term and semantic oppositions in musical terminology (drawing on the English and Russian language material). Current issues in philology and pedagogical linguistics, 4, 146–157. (In Russ.)
5. Loskutnikova, M. A. (2018). The binary oppositions as the way of reflection of traditional way of thinking in political discourse of China in English language. Current issues in philology and pedagogical linguistics, 3(31), 33–41. (In Russ.)
6. Koshkarova, N. N. (2017). Expressive and evaluative naming units as means of 'friend – foe' opposition explication in intercultural political area. Sign: problematic field in mediaeducation, 2(24), 134–138. (In Russ.)
7. Kishina, E. V. (2011). The semantic opposition "own – alien" as the realization of ideological manipulative potential of political discourses. Bulletin of Kemerovo State University, 4(48), 174–179. (In Russ.)
8. Koroleva, T. A. (2017). Linguistic means to implement social opposition "the native - the outsider" in the political discourse. Philology. Theory & Practice, 5–2(71), 85– 88. (In Russ.)
9. Guseinova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023). Connotated image as a way of constructing informational opposition in the fictional and publicistic genre. Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences, 16(6), 911–920. (In Russ.)
10. Kosichenko, E. F. (2024). Means of creating the I-am-a-stranger image in media discourse (analysis of an interview with British Prince Henry on American TV). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(892), 38–45 (In Russ.)

11. Ryzhov, B. N. (2020). The system of motivational oppositions as the basis of psychological individuality. Systems Psychology and Sociology, 4(36), 5–21. (In Russ.)
12. Volskiy, A. L. (2022). Between nature and culture: on the modernist concept of genius. Review of the Russian Christian academy for the humanities, 23(4), 233–242. (In Russ.)
13. Gonthier, Charles D. (2000). Liberty, Equality, Fraternity: The Forgotten Leg of the Trilogy, or Fraternity: The Unspoken Third Pillar of Democracy. Mcgill Law Journal. Revue de Droit de Mcgill, 45, 567–589.
14. Doomen, J. (2014). Freedom and Equality in a Liberal Democratic State. Brussels: Bruylant. ISBN 978-2-8027-4623-2.
15. Mihaljova, O. L. (2009). Political discourse: The character of manipulative influence. Moscow: LIBROKOM.
16. Galinskaja, T. N. (2013). Media image and the problem of its reconstruction in modern linguistics. Bulletin of Orenburg State University, 11(160), 91–94. (In Russ.)
17. Bocharov, E. V. (2022). Manipulation and cognitive distortions in the speeches of Latin American leaders. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(859), 14–19. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Косиченко Елена Федоровна

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики
Национального исследовательского университета «МЭИ»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kosichenko Elena Fedorovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor at the Department of Advertising, Public Relations and Linguistics
National Research University "Moscow Power Engineering Institute"

Статья поступила в редакцию	25.01.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	16.02.2025	approved after reviewing
принята к публикации	13.03.2025	accepted for publication

ЛЕКСИКОЛОГИЯ, СЕМАНТИКА, ФОНЕТИКА

Научная статья
УДК 81'373.21

Топонимы во фразеологизмах: о деонимизации имен собственных и реконструкции этимона

М. С. Евдокимова[1], Е. Н. Цветаева[2]

[1,2]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
[1]*masha.mary.evdokimova@mail.ru*
[2]*elenatsvetaeva@yandex.ru*

Аннотация. Цель исследования – выявление принципов функционирования топонимов, анализ которых проводится в рамках диахронического подхода с использованием следующих методов: структурно-семантического моделирования, фразеологической идентификации, сравнительного и историко-этимологического анализа. В частности, речь идет о процессах деонимизации топонимов во фраземах. Приводятся результаты историко-этимологического анализа общеевропейской идиомы *уйти по-английски / уйти по-французски*. Полученные результаты исследования позволяют сделать вывод об эффективности метода структурно-семантического моделирования при изучении универсальных (общеевропейских) фразеологизмов с компонентом-топонимом в немецком языке, а также о необходимости дальнейшего совершенствования метода с учетом специфики предмета исследования.

Ключевые слова: фразеологизм, топоним, деонимизация, этимон фразеологического выражения, идиома «уйти по-английски»

Для цитирования: Евдокимова М. С., Цветаева Е. Н. Топонимы во фразеологизмах: о деонимизации имен собственных и реконструкции этимона // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3 (897). С. 90–96.

Original article

Toponyms in Phrasemes: on the Deonymisation of Proper Names and the Reconstruction of Etymon

Mariya S. Evdokimova[1], Elena N. Tsvetaeva[2]

[1,2]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
[1]*masha.mary.evdokimova@mail.ru*
[2]*elenatsvetaeva@yandex.ru*

Abstract. This paper aims to understand how toponyms function as parts of idioms in German. To that end, we use the overarching diachronic approach, as well as structural-semantic modelling, phraseological identification, comparative and etymohistorical analysis. The paper is of relevance as the rapidly growing field of semantics pays more and more attention to phraseology. The study takes a particular interest in deonymisation of toponyms in phrasemes. In this paper, we take a look at one common European idiom to showcase how useful the structural semantic modelling can be when analysing universal and national toponym containing idioms. It is also shown that there is a need to improve the method further taking research specific contexts into account.

Keywords: phraseme, toponym, deonymisation, etymon of a phraseme, idiom “to take a French leave”

For citation: Evdokimova, M. S., Tsvetaeva, E. N. (2025). Toponyms in phrasemes: about the deonymisation of proper names and the reconstruction of etymon. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(897), 90–96. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В современных исследованиях одной из актуальных проблем становятся процессы апеллятивации и онимизации, т. е. перехода имени собственного в имя нарицательное (апеллятив), а имени нарицательного в собственное. Одним из способов деонимизации считается включение имени собственного во фразеологизм. Таким образом, имя собственное во фразеологизме утрачивает свой прежний лингвистический статус и больше не идентифицирует конкретное, индивидуальное лицо или географический объект, а указывает на характерные свойства и признаки референта, выраженного онимом [Nübling, Fahlbusch, Heuser, 2015].

Данное исследование можно назвать перспективным, поскольку ономастические фразеологизмы, т. е. фразеологизмы с компонентом-онимом, составляют значительную часть фразеологического фонда европейских языков [Мокиенко, 1980]. Онимы, употребляемые в идиомах, отражают национальную культуру и историю, а также народные стереотипы и мировоззрение. Особое место в этой группе фразем занимают устойчивые выражения с компонентом-топонимом. Исследователей интересует функция топонима как носителя лингвокультурологической информации, сопоставительный анализ фразеологизмов в родственных и неродственных языках, структурно-семантические модели фразеологизмов [Конькова, 2020; Чернобай, 2022; Цзецюн, 2024; Орехин-Рыжина, 2024].

Однако вопрос формирования и развития фразеологического значения в диахронии еще недостаточно изучен, что обусловливает необходимость исследований в русле исторической фразеологии.

В диахроническом исследовании нам представляется возможным рассмотреть процесс деонимизации топонима во фразеологии. Как способ историко-этимологического анализа предлагается метод структурно-семантического моделирования [Mokienko, 2007]. Изначально данный метод применялся к славянской фразеологии. Однако в настоящее время он используется и при изучении фразеологических систем других языков [Никитина, 2020], что открывает новые возможности для диахронического исследования фразеологии.

Научная новизна работы состоит в том, что фразеологизмы с компонентом-топонимом рассматриваются в диахронии с применением метода структурно-семантического моделирования. Специфика функционирования имен собственных в устойчивых выражениях обусловливает необходимость уточнения отдельных этапов структурно-семантического моделирования с целью реконструкции исходного этимона ономастического фразеологизма.

Объектом исследования являются немецкие фразеологизмы с компонентом-топонимом. Предметом исследования выступают процессы формирования фразеологического значения устойчивого сочетания в немецком языке с компонентом-топонимом, а также дальнейшее развитие их семантики.

В исследовании решаются следующие задачи:

- описывается характер деонимизации топонимов при их фразеологизации;
- проверяется целесообразность использования метода структурно-семантического моделирования на материале фразеологизмов с компонентом-топонимом;
- осуществляется реконструкция этимона идиомы *уйти по-английски / уйти по-французски*.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

Имена собственные представляют собой особый класс имен существительных, который соотносится с индивидуальным человеком (антропонимы) или географическим объектом (топонимы). Однако имя собственное способно утратить свою идентифицирующую функцию и перейти в имя нарицательное (апеллятив). Данный процесс получил название деонимизация, т. е. апеллятивация (*нем.* Deonymisierung, Deproprialisierung, Appellativierung) [Nübling, Fahlbusch, Heuser, 2015]. Возможен и обратный процесс перехода имени нарицательного в имя собственное, называемый онимизация (*нем.* Onymisierung, Proprialiserung). В данном исследовании нас интересует процесс перехода имени собственного (топонима) в имя нарицательное, так как употребление онимов во фразеологических выражениях является одним из способов деонимизации.

Наряду с этим существуют и такие способы деонимизации имен собственных, как их метафоризация [Thurmair, 2002], участие в антономасии, т. е. метафорическом сравнении при именах собственных (прив.по: [Thurmair, 2020]) и в словообразовании (эпонимизация) [Pökl, 2015]. Последний упомянутый способ позволяет нам рассматривать примеры фразеологизмов не только с исходными онимами, но и производными от них. Во фразеологических выражениях часто встречаются такие производные, как прилагательные в библейской идиоме *die babylonische Verwirrung* (*букв.* 'вавилонское столпотворение') со значением «неразбериха из-за разных языков, взаимное непонимание» и этнонимы в идиоме *ich kenne meine Pappenheimer* (*букв.* 'я знаю своих паппенгеймцев') из пьесы Ф. Шиллера «Смерть Валленштейна», в которой полководец Тридцатилетний войны Альбрехт фон Валленштейн выражает признательность жителям своего графства Паппенгейм.

Поскольку имя собственное во фразеологических сочетаниях употребляется в переносном значении, в основе его употребления часто лежит метафора, реже метонимия, гипербола и эвфемизация [Nazarow, 1978]. Метафора как наиболее типичный вид переноса значения, представляет собой перенос наименования на основании внешнего или внутреннего сходства [Stepanova, Černyševa, 2003]. В таком случае сохраняется только «генетическая связь» с исходным онимом [Nazarow, 1978]. Например, при употреблении немецкого фразеологизма *ein Gang nach Canossa / Kanossa* (*букв.* 'хождение в Каноссу') со значением «унизительное обращение с просьбой» топоним *Kanossa* может служить метафорой для любого другого географического места, куда совершается унизительный визит. Наряду с этим существуют компаративные фразеологизмы, которые образуются на основе сравнений. В немецком языке эти выражения образуются с помощью союза *wie* (*как*): *Zustände wie im alten Rom* (*букв.* 'положение вещей как в Древнем Риме') «неприемлемые, недопустимые обычаи, порядки»; *ausgehen wie das Hornberger Schießen* (*букв.* 'закончиться как хорнбергская стрельба') «закончиться безрезультатно»; *wie* (*der liebe*) *Gott in Frankreich leben* (*букв.* 'жить как Бог во Франции') «жить беззаботно, в роскоши и достатке».

Пример гиперболы мы видим в выражении *wie die Posaunen von Jericho* (*букв.* 'как иерихонская труба') «очень громко, шумно». Фразеологические эвфемизмы позволяют описать предметы или явления, прямая номинация которых может вызвать осуждение, пренебрежение или смущение собеседника. Распространенное в баварском диалекте устойчивое выражение *Sie ist nach Rom gereist* (*букв.* 'она в Рим отправилась') обозначает разрешение от беременности и употребляется только по отношению к женщинам. Перенос значения компонентов во фразеологизмах и исходный образ (этимон) позволяет обнаружить метод структурно-семантического моделирования фразеологии.

МЕТОД СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ (на примере анализа общеевропейского фразеологизма *уйти по-английски / по-французски*)

Метод структурно-семантического моделирования был предложен В. М. Мокиенко как способ историко-этимологического анализа. Он имеет немалое значение в диахронических фразеологических исследованиях. Лингвистический анализ фразеологизмов, разработанный в рамках исторической фразеологии, способствует выявлению этимона (т. е. исходного образа фразеологизма) и позволяет избежать случайных, спорных или противоречивых толкований устойчивых оборотов речи. Вышеозначенный метод анализа фразеологизмов состоит из следующих этапов [Mokienko, 2007]:

1. На первом этапе происходит фиксация всевозможных вариантов фразеологизмов (в том числе и диалектных), фразеологических синонимов и их лингвогеографическое описание. Основная задача ученого при этом состоит в систематизации вариантов конкретного фразеологизма или фразеологической модели. Привлечение материала родственных языков также позволяет установить лингвогеографическое распространение фразеологической единицы. При разграничении понятий «фразеологический вариант» и «фразеологический синоним» взгляд лингвистов неоднозначен. Х. Бургер допускает наличие как вариантов с морфологическими, так и вариантов с лексическими изменениями. При этом он обращает внимание на трудности разграничения фразеологических вариантов и фразеологических синонимов [Burger, 2010].

При изучении ономастических фразеологизмов компонент-оним выступает как носитель лингвокультурной информации, влияющей на смысл фразеологического выражения. Исходя из этого, именно различия в компоненте-ониме позволяют судить о наличии фразеологических синонимов. Синонимия во фразеологии возникает также в результате употребления синонимичных глаголов и имен нарицательных.

2. На втором этапе результаты данного описания противопоставляются материалу родственных и неродственных языков для установления общих генетических источников.

3. Третий этап характеризуется сравнением лингвогеографических данных (как из одного, так и из нескольких языков) с хронологической фиксацией в конкретных языках и диалектах. В нашем исследовании для поиска информации использовались данные корпуса DWDS Historische Kopora, исторического словаря Green's Dictionary of Slang, цифровой библиотеки Google Books.

4. На четвертом этапе исследователи обращаются к экстралингвистической информации (культурологическим, этнографическим и мифологическим фактам).

5. Пятый этап заключается в реконструкции этимона фразеологизма (исходного образа) на основе собранного материала.

В статье проводится анализ фразеологизма с компонентом, производным от топонима. Опираясь на метод структурно-семантического моделирования, мы реконструируем этимон общеевропейского фразеологизма *уйти по-французски*, *уйти по-английски* со значением «уйти, не попрощавшись, уйти без разрешения». Анализ данной идиомы позволяет наглядно продемонстрировать эффективность метода при изучении универсальных фразеологизмов, являющихся важной составляющей немецкого фразеологического фонда. Исходным языком для исследования является немецкий, в котором мы обнаруживаем явления, универсальные для ряда европейских языков. Фразеологические эквиваленты рассматриваются нами в следующих языках:

фр.: filer à l'anglaise;
англ.: to take French leave;
исп.: despedirse á la francesa;
итал.: filarsela all'inglese / filarsela alla francese;
нем.: sich französisch verabschieden;
рус.: уйти по-английски.

Результаты первых трех этапов исследования были собраны в следующую таблицу (табл. 1).

Обращение к экстралингвистической информации видится нам в этом исследовании особенно любопытным, потому что практически в каждом языке есть своя версия происхождения фразеологизма.

Таблица 1

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ УЙТИ ПО-ФРАНЦУЗСКИ, УЙТИ ПО-АНГЛИЙСКИ В ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Язык	Исходный фразеологизм	Фразеологические варианты	Фразеологические синонимы	Год и место письменного упоминания
анг.	*to take French leave*	*French exit*	*Irish goodbye* *take Dutch leave*	*to take French leave* в 1759 году в «Мемуарах Мисс Фанни М.»
исп.	*despedirse á la francesa*	–	–	*despedirse á la francesa* в 1881 году в «Общем этимологическом словаре испанского языка» Р. Барсиа
итал.	*filarsela all'inglese / filarsela alla francese*	*andarsene alla francese / all'inglese;* *svignarsela all'inglese*	*andarsene alla spagnola* (в регионе Калабрия) *andarsene alla romana* (в регионе Венеция)	Вариант *andarsene alla francese* в 1836 году. в «Исторических, политических и семейных мемуарах в письмах об обычаях русских и других северных наций»
нем.	*sich französisch verabschieden /empfehlen*	*sich auf Französisch empfehlen / verabschieden;* *einen französischen Abschied nehmen;* *er hat sich uf Franzö'sch jedrückt (берлинский диалект);*	*den polnischen Abgang machen*; *sich auf polnisch empfehlen* (на северо-востоке Германии); *holländisch abfahren* (на северо-западе Германии)	Вариант *auf französisch Abschied nehmen* в 1861 году в «Die Grenzboten. Jg. 20, 1861, I. Semester. II. Band»
рус.	*уйти по-английски*	–	–	*уйти по-английски* в 1928 году в романе «Хождение по мукам» (*А. Н. Толстой*)
фр.	*filer à l'anglaise*	–	*filer à l'espagnole* (по А. М. Р. Пинтору, не обнаружен в словаре)	*filer à l'anglaise* в 1883 году в англо-французском и французско-английском «Словаре морских терминов»

Согласно онлайн-словарю «Oxford Learner's Dictionary», в британском варианте английского языка фразеологизм имеет значение не просто «уйти, не попрощавшись», а «уйти с работы без разрешения». Во многих словарях происхождение фразеологизма связано с французским обычаем покидать прием, не простившись с хозяевами. В «Словаре идиом» издательства «Wordsworth» (1993) также приведено значение «покидать военную службу без разрешения», что породило еще одну версию происхождения фразеологизма, отсылающую к военным конфликтам между французскими и британскими войсками.

Появление фразеологического выражения во французском языке во франкоязычных источниках связывают либо с трансформацией существительного *anguille* (*угорь*), либо со значением жаргонизма *anglaiser* «воровать». В последнем случае связь идиомы с глаголом объясняется тем, что вор после совершения кражи спешит покинуть место преступления. Другая версия гласит, что упоминание *l'anglaise* французы начали использовать как эквивалент английской идиомы *to take French leave*.

С. Паскуаль в своем труде «Алфавит поговорок и идиом» (1999), объясняя наличие фразеологизма *despedirse á la francesa* в испанском языке, ссылается на правила вежливости при французском дворе уходить, не прерывая собрание, т. е. не попрощавшись. Но когда отношение французов к означенному социально-психологическому жесту изменилось, они приписали англичанам свою манеру уходить не попрощавшись, что и отразилось во французском фразеологизме *filer à l'anglaise*. Испанский лингвист А. М. Р. Пинтор ссылается на Ж. Ирибаррена, который связывает приведенный фразеологизм с отступлением наполеоновских войск после поражения под Кадисом в 1812 году. А также отмечает, что Испанская Академия включила выражение в свой словарь только в 1869 году.

Согласно онлайн-словарю устойчивых выражений на сайте газеты «Corriere della Sera» в итальянском языке выражение *filarsela all'inglese* происходит из морского жаргона. Глагол *filare* использовали в морском деле, когда говорили о лаге — морском приборе, измеряющем скорость движения парусников. В дальнейшем морской термин *filare* претерпел расширение значения. Теперь *filare* означал «быстро двигаться». В связи с этим выражение *filare all'inglese* восходит к морским сражениям между Францией и Англией и выражает пренебрежение к английскому морскому флоту.

В немецком словаре «Duden Redewendungen» указано, что фразеологизм *sich französisch empfehlen / verabschieden* был заимствован из английского языка. А в онлайн-словаре *redensarten-index* в этимологической справке упомянут курьезный случай, больше похожий на исторический анекдот о немецком композиторе И. С. Бахе. В 1717 году он отправился в Дрезден, чтобы навестить своего сына Филиппа Эммануила и познакомился там с французским пианистом, органистом и виртуозом Луи Маршаном. И. С. Бах вызвал его на музыкальное состязание, однако Л. Маршан, тайком услышав игру на органе Баха, предпочел «уйти по-французски», т. е. спешно уехать и избежать состязания. Однако изложенную в данном примере этимологию мы ставим под сомнение.

В русскоязычных источниках (портал Культура.РФ «Забавные истории из жизни слов. Любопытные версии происхождения русских слов и выражений» (С. Митяев)) указано, что выражение *take French leave* восходит к периоду Семилетней войны 1756–1763 годов, когда участились случаи дезертирства во французской армии, что впоследствии и отразилось в английской идиоме. Однако в XVIII веке французская культура была образцом для русской культуры, поэтому именно французский эквивалент *filer à l'anglaise* был введен в русский язык.

Итак, английское выражение *to take French leave* восходит либо к особенностям поведения при французском дворе, либо к отступлению и дезертирству французских войск в военных конфликтах с английскими войсками. В дальнейшем два фразеологических варианта *to take French leave* и *filer à l'anglaise* проникли в европейские языки и приобрели дополнительные коннотации и «подробности» происхождения в зависимости от политических отношений между государствами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Объектом данного исследования являются немецкие фразеологизмы с компонентом-топонимом. В работе показано, что топонимы как вид имен собственных представляют особый интерес для изучения ввиду своеобразия своего функционирования. В частности, отдельного внимания заслуживает процесс деонимизации, который претерпевают имена собственные, входя в состав фразеологизмов. Утрата проприальных функций проявляется и в образовании дериватов от онимов и этнонимов. Фразеологические выражения с производными от онимов также могут быть включены в группу ономастических фразеологизмов. Потеря идентифицирующей и индивидуализирующей функций онима обнаруживается и при метафоризации, реже метонимизации компонента-онима в устойчивом выражении. Фразеологизм с компонентом-онимом может также содержать гиперболу или эвфемизм. Означенное функционирование

топонима объясняется его переносным значением, приобретенным в процессе фразеологизации.

Основу для образования переносного значения и исходный образ возможно определить с помощью метода структурно-семантического моделирования. Приведенные результаты исследования на примере общеевропейского фразеологизма *уйти по-английски / по-французски* позволяют судить об уместности его применения на материале немецкого языка. Однако анализ данного материала вновь породил существенную для фразеологии проблему отличия фразеологических вариантов от фразеологических синонимов. Решение этой проблемы представляется возможным посредством дальнейшего изучения функционирования компонентов-онимов во фразеологизмах и совершенствования метода структурно-семантического моделирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Nübling D., Fahlbusch F., Heuser R. Namen: eine Einführung in die Onomastik. Tübingen: Narr, 2015. 2. Aufl.
2. Мокиенко В. М. О собственном имени в составе фразеологии // Перспективы развития славянской ономастики. М.: Наука. 1980. С. 58–67.
3. Конькова И. И. Структурно-этимологический анализ англоязычных фразеологических единиц с компонентом «топоним» в сфере спорта // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2020. № 3. С. 79–88.
4. Чернобай С. Е. Образность фразеологических единиц с топонимическим компонентом (на материале английского и новогреческого языков) // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация: материалы VII Международной междисциплинарной научной конференции. 2022. С. 279–284.
5. Цзецюн Ч. Топонимы в русских пословицах и поговорках : структурно-системный и лингвокультурологический аспекты: дис. … канд. филол. наук. М., 2024.
6. Орехин-Рыжина В. А. Исследование топонимов внутри фразеологических выражений во французском языке. Gumanitar va tabiiy fanlar jurnali // Журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. Вып. 8 (02). С. 148–153.
7. Mokienko V. M. Historische Phraseologie der slawischen Sprachen // Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung, 2. Halbband. Berlin ; New York: Walter de Gruyter. 2007. S. 1134–1145.
8. Никитина Т. Г. Структурно-семантическое моделирование в сфере фразеологии: сорокалетний опыт и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 175—197.
9. Thurmair M. Eigennamen als kulturspezifische Symbole oder: Was Sie schon immer über Eigennamen wissen wollten // ANGLOGERMÀNICA ONLINE. 2001–2002. # 1. P. 84–102.
10. Thurmair M. Eigennamen in Vergleichen: von der Angela Merkel des Sports bis zum Mercedes unter den Bundespräsidenten // Linguistik der Eigennamen. Berlin ; New York: de Gruyter. 2020. S. 305–329. URL: https://doi.org/10.1515/9783110685886-012.
11. Pökl W. Eponyme im europäischen Vergleich // Journal for EuroLinguisticX. 2015. Vol. 12. P. 25–32.
12. Nazarov K. Der Eigenname als Element der Lexik und als Komponente von Phraseologismen // Namenkundliche Informationen. 1978. # 34. S. 30–37.
13. Stepanova M. D., Černyševa I. I. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. M.: Академия. 2003.
14. Burger H. Phraseologie: Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. 4. Neu bearbeitete Auflage. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2010.

REFERENCES

1. Nübling, D., Fahlbusch, F., Heuser, R. (2015). Namen: eine Einführung in die Onomastik. Tübingen: Narr. 2. Aufl.
2. Mokienko, V. M. (1980). O sobstvennom imeni v sostave frazeologii = About the proper name in phrasemes. Perspektivy razvitiya slavyanskoi onomastiki. Prospects for the development of Slavic onomastics (pp. 58–67). Moscow: Nauka. (In Russ.)
3. Konkova, I. I. (2020). Structural and etymological analysis of the English phraseological units with the component “toponym” in the sports field. PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin, 3, 79–88. (In Russ.)
4. Chornobay, S. Y. (2022). Obraznost’ frazeologicheskih edinic s toponimicheskim komponentom (na materiale anglijskogo i novogrecheskogo yazykov) = The imagery of the phraseologisms with a toponymic component in English and Modern Greek. Konvergentnye tehnologii of the 21st century: variativnost’, kombinatorika, kommunikacija (pp. 279–284): The digest of articles of an international scientific conference. (In Russ.)

5. Czecyun, Ch. (2024). Toponimy v russkikh poslovicakh i pogovorkakh : strukturno-sistemnyj i lingvo-kul'turologicheskij aspekty = Toponyms in Russian proverbs and sayings : structural-systemic and linguocultural aspects: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
6. Orekhin-Ryzhina, V. A. (2024). The study of toponyms within phraseological expressions in French. Journal of humanities & natural sciences, 8(02), 148–153. (In Russ.)
7. Mokienko, V. M. (2007). Historische Phraseologie der slawischen Sprachen. Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung (ss. 1134–1145). 2. Halbband. Berlin, New York: Walter de Gruyter.
8. Nikitina, T. G. (2020). Structural-Semantic Modeling in Phraseology: Forty Years of Experience and the Prospects. Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazika. Semiotika. Semantika, 2(11), 175—197. (In Russ.)
9. Thurmair, M. (2001–2002). Eigennamen als kulturspezifische Symbole oder: Was Sie schon immer über Eigennamen wissen wollten. ANGLOGERMÀNICA ONLINE, 1, 84–102.
10. Thurmair, M. (2020). Eigennamen in Vergleichen: von der Angela Merkel des Sports bis zum Mercedes unter den Bundespräsidenten. Linguistik der Eigennamen (pp. 305–329). Berlin ; New York: de Gruyter.
11. Pökl, W. (2015). Eponyme im europäischen Vergleich. Journal for EuroLinguistics, 12, 25–32.
12. Nazarov, K. (1978). Der Eigenname als Element der Lexik und als Komponente von Phraseologismen. Namenkundliche Informationen, 34, 30–37.
13. Stepanova, M. D., Černyševa, I. I. (2003). Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. Moscow: Akademiya.
14. Burger, H. (2010). Phraseologie: Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. 4., neu bearbeitete Auflage. Berlin: Erich Schmidt Verlag.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Евдокимова Мария Сергеевна

аспирант
преподаватель кафедры грамматики и истории немецкого языка
факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

Цветаева Елена Николаевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка
факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evdokimova Mariya Sergeevna

Postgraduate Student
Lecturer at the Department of Grammar and History of German,
Faculty of German
Moscow State Linguistic University

Tsvetaeva Elena Nikolaevna

PhD in Philology, Associate Professor
Associate Professor at the Department of Lexicology and stylistics of German
Faculty of German
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	03.02.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	18.02.2025	approved after reviewing
принята к публикации	13.03.2025	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'373

Функционирование шахматных терминов в качестве метафор в текстах цифровых СМИ (на материале вьетнамоязычных цифровых СМИ)

А. А. Сердюков[1], **Г. Т. Хухуни**[2]

[1]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, Serdyukov.a.1304@gmail.com*
[2]*Государственный университет просвещения, Москва, Россия, khukhuni@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается функционирование шахматных терминов в качестве метафор в публицистических текстах на материалах вьетнамоязычных цифровых СМИ. Выявляются типы текстов, в которых подобные термины остаются в рамках своей терминосистемы или детерминизируются. Цель исследования – определить закономерности метафоризации шахматных терминов в текстах онлайн-СМИ на примерах из вьетнамоязычных интернет-изданий. Метод исследования – компонентный анализ. Данный метод применяется потому, что именно рассмотрение сем, из которых состоит значение лексемы, помогает понять, находится ли эта лексема в терминосистеме или опирается на контекст, однозначна она или многозначна и т. д. Шахматные термины в онлайн-СМИ часто используются в виде экспрессивной авторской метафоры в текстах с семантикой противостояния двух сторон. Такие метафоры универсальны. Они могут применяться в текстах разной тематики.

Ключевые слова: термин, терминология, терминосистема, метафора, метонимия, детерминизация

Для цитирования: Сердюков А. А. Функционирование шахматных терминов во вьетнамских цифровых СМИ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3 (897). С. 97–104.

Original article

Usage of Chess Terminology as Metaphors in Digital Media (based on Vietnamese online media)

Alexander A. Serdyukov[1], **Georgy T. Khukhuni**[2]

[1]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, Serdyukov.a.1304@gmail.com*
[2]*State University of Education, Moscow, Russia, khukhuni@mail.ru*

Abstract. The article focuses on the usage of chess terminology as metaphors in digital media texts based on Vietnamese online media. It determines the types of texts in which chess terms remain within their terminological system or, on the contrary, are determinalized and act as metaphors or metonymies. Research aim: to identify the patterns of chess terms usage in online media texts. Methods: Component analysis. Research results: It is the genre, purpose, target audience and semantics of the text that define whether chess terms determinalize or not when used in the media discourse. They often lose their terminological semantic characteristics and are used as metaphors for two opposing powers, especially in texts about the economy, military actions, politics or sports.

Keywords: term, terminology, terminological system, metaphor, metonymy, determinization

For citation: Serdyukov, A. A., Khukhuni, G. T. (2025). Usage of chess terminology as metaphors in digital media (based on Vietnamese online media). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(897), 97–104. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В среде лингвистов принято разграничивать две наиболее крупные сферы использования терминов – сферу фиксации и сферу функционирования. «Нормативные словарные материалы, академические издания, характеризующиеся строгим каноническим подходом к узуальным образованиям, условно обозначены как сфера фиксации; тексты различных жанров специальной литературы – сфера функционирования» [Локтионова, 2001, с. 7].

Термины, использованные в сфере функционирования, можно разделить на две группы: термины, которые сохраняют свое исходное значение и не выходят за пределы терминосистемы и термины, которые используются в качестве метафоры или метонимии. Разумеется, в каждом из этих случаев один и тот же термин будет обладать совершенно разными семантическими и коннотативными свойствами.

Так, значение шахматного термина очень зависит от контекста, который включает в себя речевую функцию, собственно природу шахматной игры и др. Поэтому на основе шахматного термина можно построить большое количество метафор, применимых в различных типах текстов.

Термину свойственно сохранять точное значение в специальных текстах: учебных пособиях, справочниках, сборниках правил, научных работах и т. д. Перенос значения шахматных терминов часто наблюдается в публицистике, например, в политических и экономических статьях, ввиду того, что шахматная игра часто сама становится метафорой, моделью некоторых экономических и политических процессов.

Актуальность рассматриваемой проблемы заключается в том, что на современном этапе развития науки о языке несколько изменилась структура терминоведения и его место в составе наук. Так, в работе «Актуальные проблемы современного терминоведения» С. И. Маджаева выделяет следующие изменения: терминоведение трансформируется в один из компонентов комплекса наук, являющихся самостоятельными дисциплинами, а также расширяется его связь с другими дисциплинами. Данное исследование в частности проводится на стыке двух лингвистических дисциплин – терминоведения и лексикологии, поскольку оно посвящено терминам в той же степени, в какой и метафорам [Маджаева, 2017]. В той же работе С. И. Маджаева отмечает, что термин выполняет коммуникативную, информационную, эвристическую, дидактическую, ориентирующую и когнитивную функции. В рамках этой работы мы рассмотрим случаи, при которых термины в качестве авторских метафор будут выполнять совершенно не свойственные терминам функции – эстетическую и эмоционально-экспрессивную. Процессу перехода терминов в метафоры в значительной степени способствует структура вьетнамского языка. Так, его характерные словообразовательные черты оказывают влияние на функционирование терминов в его составе. Немалую роль в означенном преобразовании терминов играет и тот факт, что вьетнамский язык принадлежит к изолирующему строю. Причем он в значительной степени обусловлен культурно-историческими особенностями Вьетнама. Вьетнамские терминосистемы часто значительно моложе, нежели в европейских языках.

Новизна исследования определяется его методологией. В работе используется новый подход к изучению шахматных терминов. На материале вьетнамского языка он используется впервые.

В работе используются научные труды по терминоведению, лингвистические словари, научные статьи, двуязычные словари.

Цель исследования: выявить некоторые закономерности функционирования шахматных терминов в текстах онлайн-СМИ, рассмотреть, как шахматные термины применяются в разных типах текстов – остаются ли они в пределах своей термносистемы или теряют терминологичность; используются ли как метафоры или метонимии и какие факторы могут оказывать на них влияние.

Задачи исследования: 1) отобрать примеры употребления шахматных терминов в текстах цифровых медиа (на материалах вьетнамского языка) и провести их анализ; 2) отследить зависимость семантики шахматного термина в каждом из примеров от типа текста, его жанра и целевой аудитории.

Теоретическая значимость данной работы заключается в обосновании расширенного употребления терминологических единиц за счет реализации переноса значения с учетом наиболее новых открытий в этой области. Исследование проводится материале редкого (вьетнамского) языка, что способствует уникальности данной работы. Она проводится на стыке терминоведения и лексикологии, в рамках тенденции междисциплинарных исследований.

Практическая значимость данной работы заключается в возможности использования ее

результатов для обучения студентов-переводчиков, филологов и журналистов или при работе с текстами СМИ – вьетнамоязычных и не только, а также при создании учебного пособия по языку вьетнамоязычных СМИ. Результаты данной работы могут быть использованы в дальнейшем при проведении крупного исследования вероятности использования шахматных терминов как метафор в различных текстах с применением квантитативного метода.

ТЕОРИЯ ТЕРМИНА И ВЫХОД ТЕРМИНА ИЗ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ

Прежде чем говорить о том, как термины функционируют в разных текстах, предлагаем ввести определение термина. Сделать это не так просто, поскольку общепринятой дефиниции понятия «термин» в настоящее время не существует. Это понятие трактуется с позиций разных наук. Так, лингвистическое его определение будет значительно отличаться от логического.

Согласно Лингвистическому энциклопедическому словарю, термин – это «слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности»[1].

Более новое и актуализированное определение термина в своей работе 2018 года приводит С. Д. Шелов. Его точка зрения заключается в том, что термин представляет собой языковой знак. Этот знак подчиняется норме словоупотребления, принятой в профессиональном или каком-либо другом коллективе. Таким образом, термин по С. Д. Шелову наделен точным значением [Шелов, 2018]. Отталкиваясь от этого определения, логично прийти к выводу, что, если расширить сферу употребления термина, например, на непрофессионалов и отойти от нормы его применения, возможно, он потеряет одну из своих основных характеристик – однозначность, и следовательно, сможет быть использован для языковой игры.

Согласно некоторым современным исследователям, в частности С. В. Гриневу-Гриневичу, Э. А. Сорокиной и М. А. Молчановой, аспект специальности значения термина – включение в определение того, что термин указывает на специальное понятие – может быть исключен из определения термина. Такое утверждение аргументируется следующим образом: если термины могут обозначать только специальные понятия и это является признаком, отличающим термин от других лексем, прочие виды слов должны обозначать другие типы понятий, например, обыденные понятия. Однако после 1960–1970-х годов в языкознании выражение *обыденное понятие* вышло из употребления и было заменено словом *представление*, а *понятие* по умолчанию начало восприниматься как специальное [Гринев-Гриневич, Сорокина, Молчанова, 2022].

Термины создаются для общения специалистов в какой-либо области. Их свойства, перечисленные выше, реализуются исключительно в рамках какой-либо терминологии. В пределах своего смыслового поля термин однозначен. Именно терминология дает ему такие характеристики, как точность и однозначность [Реформатский, 1967]. Рассмотренные в работе примеры 5–12 демонстрируют возможность термина, вышедшего из терминосистемы, быть многозначным: *chiếu tướng* (*шах*) и *chiếu hết* (*мат*) в примерах 5–7 в зависимости от контекста означают активное проявление агрессии в совершенно разных сферах и, соответственно, контекстуально обладают совершенно разной семантикой.

Г. О. Винокур предлагает опираться на более общие свойства термина, которые выводятся из следующего положения: «Термины – это не особые слова, а только слова в особой функции» (цит. по: [Татаринов, 1992, с. 65]).

Такие важные характеристики термина, как точность и однозначность, позволяют ему, в отличие от других лексем, не нуждаться в контексте. Связь термина с другими элементами его терминологии полностью заменяет для него контекст. Терминосистема является языковой моделью той или иной специальной области. Однако в случае с детерминализированной лексемой ввиду потери ее однозначности контекст становится необходим. В примерах 8–11 термин bàn cờ (*шахматная доска*) используется в качестве метафоры пространства для конкуренции в совершенно разных сферах: экономической (8), политической (9), военной (10) и научной (11).

По мнению В. М. Лейчика, для формирования терминосистемы необходимы следующие условия:

- специальная область с четко очерченными границами;
- система общих понятий, относящихся к этой области;
- теория, описывающая эту область и включающая в себя необходимую систему понятий;
- наличие естественного языка, лексические единицы которого могут использоваться для обозначения этой системы понятий [Лейчик, 2009].

Структура и наполнение терминосистемы зависят от следующих факторов:

- языковой субстрат, в качестве которого выступают лексические единицы какого-либо естественного языка;

[1]Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М. : Большая российская энциклопедия, 2002.

– онтология специальной области знаний, задающей множество объектов, их признаков, значений и процессов, происходящих с этими объектами;
– гносеология — совокупность методов познания и объяснения объектов системы и процессов, происходящих в ней, на основе определенной теории, концепции или мировоззрения [Лейчик, 2009].

При изучении термина может быть применен стандартный семантический треугольник. С термином в качестве знака в треугольнике «сопоставляются предмет имени (денотат) и понятие о предмете (смысл имени, концепт денотата)» [Лейчик, 2009, с. 33]. Термин обладает следующими характеристиками: системность, наличие дефиниции, моносемичность (однозначность) – в рамках терминосистемы, отсутствие экспрессии, стилистическая нейтральность[1].

Часто термины используются вне специальной сферы употребления, например, в художественных или публицистических текстах. В таких случаях они чаще всего подвергаются детерминализации – потере «статуса» термина ввиду выхода из терминологической системы. Переставая быть частью терминологии, термин в таком случае начинает опираться на контекст, и он, в свою очередь, становится необходим для понимания смысла, который вкладывался автором текста в использованный термин.

В этой статье рассмотрим функционирование шахматных терминов в публицистике на материалах статей вьетнамских онлайн-СМИ и приведем 12 примеров из текстов разной направленности. Для удобства примеры пронумерованы от 1 до 12.

ПРИМЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ШАХМАТНЫХ ТЕРМИНОВ ВО ВЬЕТНАМОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-СМИ

Приведем пример из онлайн-версии «VNExpress»:

1. Có nhiều điều không phải ai cũng biết quanh con tốt trong cờ vua, trong đó có thuật ngữ «Bắt tốt qua đường...» – Большинство много чего не знает о пешках в шахматах. Среди таких вещей – правило «взятие на проходе»...[2]

Это статья-тест о правилах шахмат, поэтому можно утверждать, что термины в ней всё еще находятся в специальной сфере употребления, хотя коммуникация происходит не между несколькими профессионалами, а в паре *профессионал – любитель*. В связи с этим в данном примере термины не становятся метафорами и *не деспециализируются* – они всё еще обладают всеми присущими термину характеристиками. Термин из статьи выше (*взятие на проходе*) – узкоспециальный. Так как цель публикации – обучить читателя правилам игры, узкоспециальные термины там объясняются.

Еще пример из онлайн-версии «VNExpress»:

2. Nước thí quân giúp kỳ thủ nhí Việt Nam vô địch châu Á. – Юный вьетнамский шахматист одержал победу на чемпионате Азии благодаря гамбиту.

Здесь термин также не теряет свою позицию в терминологической системе, поскольку в статье содержится новостной материал о шахматном турнире, и термин в данном случае не является метафорой.

Следующие примеры взяты из онлайн-журнала «Báo tuổi trẻ online»:

3. …Điểm nhấn của show diễn là các thiết kế được lấy cảm hứng từ các quân cờ trong bàn cờ vua. – Жемчужиной показа стали дизайны, вдохновленные фигурами на шахматной доске.

4. Á hậu… thần thái trên sàn diễn (*подпись под фото*). – Ферзь / королева выглядит очень атмосферно.

Детерминизация терминов. Рассматривается статья о модном показе, на котором была представлена коллекция одежды, стилизованная под шахматные фигуры. С прошлым примером этот материал связывает привязка к реалии «шахматы», однако теперь речь идет не о самой игре, а лишь о фигурах – ее материальной оболочке. В отличие от материала из «VNExpress», термины используются в виде метафоры и метонимии.

Метонимия «ферзь – девушка в костюме ферзя» усиливается за счет метафоры *королева – статная женщина*, которая возможна благодаря тому, что во вьетнамском языке номинация фигуры *ферзь* происходит через семантику *королевы*, как, например, в английском языке (ср. *англ.* queen – ферзь).

Метафоризация терминологической лексики представляет собой довольно интересный процесс, поскольку с ее помощью образовывается значительная часть терминов. Согласно В. А. Сербину и О. И. Калинину, около 18 % из проанализированных ими вьетнамских терминов

[1]Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М. : Большая рос. энцикл., 2002.
[2]Зд. и далее перевод наш. – *А. С., Г. Х.*

(исследование было проведено на базе военной терминологии) являются терминами-метафорами [Сербин, 2021].

Среди шахматных терминов также есть и такие, которые образовались путем метафоризации. Например, названия фигур *vua* (*король*) и *hậu* (*ферзь – королева*) по классификации А. П. Чудинова являются антропоморфно-социальными метафорами с преобладанием социальных признаков, так как в указанном случае довольно явно выражены такие понятийные аспекты, как война и игра [Чудинов, 2001].

Шахматные метафоры и визуальные отсылки (черно-белая клетка, фигуры и т. д.) нередко появляются в сфере моды и дизайна. Предположим, что это происходит благодаря высокому социальному статусу шахматной игры. Кроме того, шахматная игра как социальная структура носит подчеркнуто антропный характер. Она отсылает реципиента и к явлению моды, и к людям, ведущим боевые действия, и в целом – к антропной сфере.

Часто шахматные термины в СМИ используются в заголовках. Эта тенденция обусловлена высоким уровнем экспрессии терминов-метафор, ведь одна из основных задач заголовка в СМИ – привлечение внимания читателя (примеры 5 и 6 – заголовки статей).

5. Khi NATO muốn 'chiếu tướng' Trung Quốc (*Thanh niên*). – НАТО хочет поставить «мат» Китаю.

Данный пример взят из статьи на политическую тематику. Именно в таком типе статей шахматные термины встречаются наиболее часто, поскольку шахматы «…отражают "борьбу умов", столкновение политических сил, и разнообразные социально-политические маневры вызывают регулярные ассоциации с шахматной игрой» [Авакова, 2006, с. 182].

6. Rashford bị VAR «chiếu tướng», Man United thua sốc ở Đan Mạch (*Người lao động*) – Рэшворд получил «мат» от VAR, Манчестер Юнайтед разгромно проиграл в Дании.

Пример 6 – это заголовок статьи о результате футбольного матча. В текстах спортивной направленности шахматные термины также встречаются довольно часто благодаря семантике *противостояния*, на которой можно строить яркие и понятные широкой публике метафоры. Они часто встречаются в СМИ, вероятно, также в силу смежности футбола и шахмат как видов спорта.

7. Cristiano Ronaldo cho rằng anh muốn thắng Lionel Messi bằng cách chiếu hết không chỉ trong cờ vua mà cả bóng đá (*VnExpress*). – Криштиану Роналду заявил, что хочет поставить Лионелю Месси мат не только на шахматной доске, но и на футбольном поле».

Этот пример интересен тем, что термин *мат* в данном случае имеет два однородных зависимых члена. В сочетании с одним из них – *шахматной доской* – он не детерминизируется и остается в своей терминосистеме, а в сочетании с другим – *футбольным полем* – из нее выходит и используется как метафора. На этом строится журналистский каламбур. Поводом для него стали фотографии, сделанные в рамках рекламной фотосессии. На фотографиях запечатлено то, как два футболиста играют в шахматы.

Ниже приведен пример из статьи экономического характера. В текстах об экономике шахматные термины также встречаются довольно часто, потому что в современных условиях экономическая деятельность осуществляется в условиях жесткой *конкуренции*. Она также представляет собой *противостояние*:

8. Apple trở thành 'con tốt' trên bàn cờ 'căng thẳng Mỹ-Trung' (*24money*). – Компания Apple становится «пешкой» на шахматной доске в партии между Китаем и США.

Словосочетание «bàn cờ» — «шахматная доска» – единица лексико-семантического поля «шахматы», которая во вьетнамских СМИ очень часто становится метафорой *места столкновения двух противоборствующих сил*. Борьба может носить любой характер – быть экономической, военной, спортивной, политической и т. д.

Представляем пример из новостной статьи политического характера:

9. Số phận Syria trong bàn cờ Mỹ-Nga tại Thượng đỉnh Trump-Putin (*Báo Hà Tĩnh*). – Судьба Сирии на шахматной доске в партии между США и Россией – Саммит с участием Трампа и Путина.

10. Diễn biến mới trên "bàn cờ" Trung Đông (*Báo quân đội nhân dan*). – Новые события на ближневосточной «шахматной доске».

Ввиду того, что сама игра в шахматы – метафора, отражающая процесс ведения боя двумя армиями, во многих текстах военного характера *шахматная доска* для повышения эмоциональности текста может заменять выражение театр военных действий.

11. Lĩnh vực Trung Quốc luôn đi trước Mỹ 1 bước, ván cờ 20 năm trước lật ngược (Markettimes). – Сфера, в которой Китай всегда на шаг впереди США – [шахматная] партия, в которой за 20 лет всё перевернулось.

Помимо самого факта использования шахматного термина как метафоры, этот пример также наглядно демонстрирует то, что во вьетнамском тексте шахматные термины-метафоры воспринимаются более уместно, чем в русском. Так, в аналогичном предложении на русском языке было бы использовано более широкое понятие *партия* без указания той игры, к которой она относится (*букв.* 'шахматная партия').

12. Đừng biến mình thành «quân cờ" của các thế lực thù địch» (*Công an nhân dân online*). – Не превращайте себя в шахматную фигуру в руках враждебных сил (*рус.* народная безопасность онлайн).

Приведем еще один пример, в котором видна стилистическая разница между вьетнамским и русским публицистическим текстом. При переводе этой статьи на русский язык, лучшим решением было бы применить переводческую трансформацию, известную как *конкретизация*, – замену слова иностранного языка с более широким значением словом переводного языка с более узким значением [Казакова, 2001].

Вьетнамское *quân cờ* (*рус.* шахматная фигура) при буквальной передаче на русский язык будет восприниматься неестественно по двум причинам: термин-метафора из двух слов слишком объемен для данного контекста; у *шахматной фигуры* в русском языке отсутствует семантика подконтрольности, которая есть у *пешки* (например, *стать пешкой в чужих руках*, *быть всего лишь пешкой* и т. д.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Шахматные термины довольно часто используются в текстах онлайн-СМИ, в частности вьетнамоязычных. Это видно из проведенного анализа отобранных материалов онлайн-СМИ.

Подвергнется ли термин детерминизации напрямую зависит от его жанра и целевой аудитории, на которую этот текст рассчитан.

Так, термины остаются в своей терминосистеме. Они варьируются в специальных и неспециальных текстах о шахматной игре. Эти тексты рассчитаны на людей, наделенных знанием шахматной терминологии, которая, в свою очередь, варьируется в общепринятом смысловом объеме.

Шахматные термины выходят за пределы терминосистемы и выступают в роли метафор или метонимий в текстах, связанных с реалией «шахматы» и используются в виде экспрессивной авторской метафоры в текстах, в которых присутствует семантика противостояния двух сторон. К ним относятся политические, экономические, военные, спортивные тексты и т. д.

Детерминизируясь, шахматные термины могут становиться многозначными. В результате они превращаются в метафоры, применимые в широком спектре текстов разной тематики. Так, в рассмотренных примерах 8–11 один и тот же термин ván cờ был использован в текстах, принадлежащих к четырем разным сферам. То же можно сказать и о термине *chiếu tướng* в примерах 5 и 6.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Локтионова Н. М. Лексико-семантическая характеристика термина. Ростов н/Д.: Ростовский государственный строительный университет, 2001.
2. Маджаева С. И. Актуальные проблемы современного терминоведения // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 35 (3). С. 83–91.
3. Шелов С. Д. Очерк теории терминологии: состав, понятийная организация, практические приложения. М.: ПринтПро, 2018.
4. Гринев-Гриневич С. В., Сорокина Э. А., Молчанова М. А. Еще раз к вопросу об определении термина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 710–729.
5. Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1967. С. 103–125.
6. Татаринов В. А. Терминологические воззрения Г. О. Винокура и А. А. Реформатского // Филологические науки. 1992. № 5–6. С. 63–74.
7. Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. 4-е изд., стереотип. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
8. Сербин В. А. Метафоризация терминов вьетнамского языка (на примере военной терминосистемы) // Независимый Вьетнам: национальные интересы и ценности. 2021. № 1. С. 392–409.

9. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет. 2001.
10. Авакова Л. А. Трансформация значений шахматных терминов на газетной полосе // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 2. С. 182–183.
11. Казакова Т. А. Практические основы перевода. English – Russian. СПб.: Союз, 2001.

REFERENCES

1. Loktionova, N. M. (2001). Leksiko-semanticheskaya kharakteristika termina = Lexico-semantic characteristics of the term. Rostov-on-Don: Rostovskij gosudarstvennyj stroitel'nyj universitet. (In Russ.)
2. Madzhayeva, S. I. (2017). Actual Problems of Modern Terminology. Bulletin of Kalmyk university, 35(3), 83–91. (In Russ.)
3. Shelov, S. D. (2018). Ocherk teoriyi terminologiyi: sostav, ponyatiynaya organizatsiya, prakticheskiye prilozheniya. = Overview of Terminology Theory: Composition, Conceptual Organization, Practical Use. Moscow: PrintPro. (In Russ.)
4. Grinev-Grinevich, S. V. Sorokina, E. A., Molchanova, M. A. (2022). Reconsidering the Definition of the Term. RUDN Journal of Language Studies. Series: Language theory. Semiotics. Semantics, 13(3), 710–729. (In Russ.)
5. Reformatskij, A. A. (1967). Termin kak chlen leksicheskoj sistemy yazyka = Term as a part of the lexical system of a language. Problemy strukturnoj lingvistiki (pp. 103–125). Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Tatarinov, V. A. (1992). Terminologicheskiye vozzreniya G. O. Vinokura i A. A. Reformatskogo = G. O. Vinokur's and A. A. Reformatski's terminological views. Pilologicheskie nauki, 5–6, 63–74. (In Russ.)
7. Leichik, V. M. (2009). Terminovedeniye: Predmet, metody, struktura = Terminology: subject, methods, structure. Moscow: Librokom. (In Russ.)
8. Serbin, V. A. (2021). Metaphorizatsyya terminov vietnamskogo yazyka (na primere voyennoy terminosistemy) = Metaphorization of Vietnam Language Terms (on the example of the military terminological system. Independent Vietnam: National Interests and Values, 1, 392–409. (In Russ.)
9. Chudinov, A. P. (2001). Rossiya v metaphoricheskom zerkale: kognitivnoye issledovaniye politicheskoy metaphory (1991—2000) = Russia in the Metaphor Mirror: cognitive research of political metaphors (1991—2000). Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russ.)
10. Avakova, L. A. (2006). Transformaciya znachenij shahmatnyh terminov na gazetnoj polose = Transformation of chess term meanings on a newspaper type page. The Bulletin of the Adyghe State University, 2, 182–183. (In Russ.)
11. Kazakova, T. A. (2001). Practical Foundations of translation. Translation techniques. English – Russian. St.Petersburg: Soyuz. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сердюков Александр Александрович
аспирант
кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

Хухуни Георгий Теймуразович
доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики
Государственного университета просвещения

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Serdyukov Alexander Aleksandrovich
PhD Student
Department of General and Comparative Linguistics
Moscow State Linguistic University

Khukhuni Grorgy Teymurazovich
Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor of the Department of the Theory of Language, English Studies and Applied Linguistics
State University of Education

Статья поступила в редакцию	03.02.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	18.02.2025	approved after reviewing
принята к публикации	13.03.2025	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'282

Региональные особенности мелодики североанглийских диалектов

П. К. Шишова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
pkshishova@gmail.com

Аннотация. Цель работы – выявление мелодических особенностей североанглийской диалектной речи. Методы исследования включают аудиторский и компьютерно-акустический анализ с использованием программы PRAAT. Материалом исследования послужили записи неподготовленной речи носителей южных и северных английских диалектов. Полученные результаты показывают, что северная речь характеризуется более узким диапазоном речи, частым использованием ровных тонов и восходящих контуров в финальных синтагмах. При этом мужская речь мелодически более выразительна, нежели женская, для которой характерна монотонность.

Ключевые слова: североанглийские диалекты, общее северное английское произношение, разделение севера и юга, мелодические характеристики речи, культурная идентичность, акустический анализ

Для цитирования: Шишова П. К. Региональные особенности мелодики североанглийских диалектов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3 (879). С. 105–111.

Original article

Regional Melodic Characteristics of Northern English Dialects

Polina K. Shishova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
pkshishova@gmail.com

Abstract. The purpose of the article is to study the melodic component of spontaneous English speech to highlight the distinctive features of northern dialects. The research methods include perceptive and acoustic analysis using the PRAAT program. The material included the recordings of unprepared speech samples of southern and northern dialect speakers. The results show that northern speech is characterised by a narrower range of speech, frequent use of level tones and ascending contours in the final sense-groups. Melodically, the northern male speech is more expressive than the female speech which sounds more monotonous.

Keywords: northern English dialects, General Northern English, North-South divide, speech melody, cultural identity, acoustic analysis

For citation: Shishova, P. K. (2025). Regional melodic characteristics of Northern English dialects. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(879), 105–111. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня в области лингвистики большое внимание исследователей уделяется изучению фонетических особенностей диалектной речи. Англия, обладая сравнительно небольшой территорией, поделена на множество различных регионов, каждый из которых имеет не только социальные, экономические и культурные особенности, но и свои уникальные языковые черты. Эти этнокультурные различия формировались столетиями и служат отражением исторических и социокультурных процессов. С течением времени в условиях роста интереса к культурной идентичности и признания ценности языкового разнообразия, а также растущей тенденции к толерантности, инклюзивности и стремлению придать видимость диалектным меньшинствам, региональные формы произношения стали важной областью лингвистических исследований. Региональные стандарты произношения заняли свою значимую нишу в исследованиях как способ сохранения и передачи культурной идентичности.

Диалектные варианты произношения уже не воспринимаются исключительно как совокупность акустических параметров и артикуляционных черт, характерных для определенного региона. Они стали значимым индикатором социального статуса и культурной принадлежности говорящих, поскольку за каждым из диалектных образований закрепились специфические общественные стереотипы. Так, восприятие акцента может свидетельствовать о социальном положении, уровне образования и даже о личных убеждениях говорящего.

В контексте современной демократичной языковой политики диалектная речь становится инструментом, отражающим культурную идентичность и самобытность различных народностей. Стереотипы, наделенные определенными акцентами, формируют общественное отношение к носителям этих диалектов, влияют на восприятие их социального статуса и культурной значимости. Это подчеркивает, что региональная речь в Англии выполняет не только коммуникативную функцию, но и служит символом культурного и социального самоопределения ее носителей.

Таким образом, изучение фонетических особенностей диалектной речи становится важной частью лингвистики. Оно способствует углубленному пониманию того, как вариативность языка связана с культурой, историей и социальными процессами.

Актуальность данного исследования обусловлена ростом интереса фонетистов к изучению региональных особенностей произношения, а также многообразием диалектных форм английского произношения. В исследовании подчеркивается значимость диалектных вариантов в формировании уникальной культурной идентичности жителей северных районов Англии.

Новизна данного исследования заключается в детальном анализе мелодических компонентов североанглийской речи и выявлении ее просодического отличия от южного произношения. Проведенное исследование значимо и практически. Оно расширяет описание фонетических характеристик диалектной речи через выявление региональных мелодических особенностей. Полученные данные могут быть полезны при разработке учебных материалов для курсов по социофонетике, лингвопрагматике и межкультурной коммуникации, предназначенных для студентов гуманитарных вузов.

В исследовании формулируются следующие задачи:

- установить отличительные мелодические тенденции в северной диалектной речи англичан на перцептивном уровне;
- выполнить компьютерно-акустический анализ вариативности частоты основного тона (ЧОТ) в речи респондентов.

Теоретической основой исследования послужили работы по социолингвистике и диалектологии английского языка отечественных и зарубежных авторов [Hopkins, McKenny, 2017; Trudgill, 1999; Wells, 1992; Шевченко, 2016; Демина, 2023], а также экспериментально-фонетические исследования мелодики региональной речи [Nance et al., 2022; Hellmuth, Farrelly, 2021; Herment, Leonarduzzi, Bouzon, 2020; Чубарова, 2022].

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО РАЗДЕЛЕНИЯ СЕВЕРА И ЮГА АНГЛИИ

Разделение Севера и Юга Англии (the North-South Divide) – это совокупность факторов, ставших объектом для исследований не только в лингвистической научной сфере, но и в сфере социологии, культурологии и политологии, поскольку различия между регионами страны проявляются не только в языке, но и в культурных традициях, в образе жизни и экономических условиях. Прежде всего, историческое развитие севера и юга Англии существенно повлияло на формирование современных социокультурных и лингвистических особенностей двух регионов. Северная часть Англии, исторически являющаяся промышленным центром, имела преимущественно индустриальную направленность. Развитие угольной и текстильной промышленности на севере Англии в XIX веке способствовало созданию специфической рабочей культуры,

которая отличается от более космополитичного и торгового юга. В XX веке, благодаря индустриализации страны и расцвету тяжелой промышленности, северный регион набрал экономическую силу [Lupton, Power, 2004].

После промышленной революции 1760–1840 годов Юг Англии, особенно Лондон и юго-восточные графства, стал центром политических, экономических и культурных процессов. Южный регион укрепил свои позиции благодаря развитию легкой промышленности и торговли, тогда как Север утратил экономическое лидерство [там же]. Это привело к снижению качества жизни и уровня образования на Севере, в то время как государственная власть начала отдавать предпочтение южным регионам.

Оппозиция между Севером и Югом заметно отражается в лингвистических различиях двух географических ареалов. Южный стандарт Received Pronunciation (*далее* RP), или «королевский английский», ассоциируется с высоким социальным статусом, образованностью, престижем. Именно RP долгое время поддерживался медиакорпорацией Би-би-си, которая отдавала предпочтение именно этому типу произношения при выборе радиоведущих. На Севере, напротив, распространены региональные диалекты, в частности Манкунский (диалект Манчестера), Йоркширский (диалект Йоркшира), Скауз (диалект Ливерпуля) и Джорди (диалект Ньюкасла), с уникальными фонетическими и лексическими характеристиками, детально описанными Уэллзом и Традгиллом [Wells, 1992; Trudgill, 1999].

Британские акценты тесно связаны с классовым неравенством в стране. Речь всегда была одним из показателей образования, финансового и социального статуса и даже личных взглядов жителей Англии. Южный акцент стал положительно восприниматься обществом, в результате чего все остальные типы произношения, особенно северные, стали ассоциироваться с чем-то неправильным, вульгарным и даже варварским. Таким образом, северный регион стал ассоциироваться с более низким уровнем образования, грубостью и бедностью, что оказало значительное влияние на развитие культурной идентичности жителей.

Связь диалектных особенностей речи и идентичности отмечается в исследовании Дж. Бил. Автор обращает внимание в частности на то, что фонетические характеристики северных диалектов играют важную роль при формировании и поддержании культурной идентичности [Beal, 2008]. Т. И. Шевченко подчеркивает, что национальная идентичность формируется под влиянием множества факторов, включая язык, культуру, традиции и историю и указывает на особую роль сегментных и сверхсегментных фонетических маркеров идентичности в условиях социального взаимодействия [Шевченко, 2016].

КОМПЛЕКСНЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ

Сегментные особенности северных диалектов английского языка представляют собой сложную область исследований, включающую анализ артикуляционных и акустических характеристик звуков, специфических для данной группы говорящих.

Фундаментальный анализ акцентов английского языка был проведен Дж. Уэллзом. Он детально описал сегментные и суперсегментные характеристики северных диалектов. Рассмотрение таких параметров, как вокальные сдвиги и артикуляция согласных, позволяет автору выявить отличия северных акцентов от южных в контексте исторической обусловленности этих фонетических особенностей [Wells, 1992].

В фонетических исследованиях также было показано, что артикуляция звуков и их акустические свойства зависят от социолингвистических факторов, таких как возраст, пол и социальный статус говорящих [Шевченко, 2016]. Актуальные сегментные маркеры современной речи жителей северных городов Англии, указывающие на их культурную идентичность, были описаны в исследовании М. А. Деминой [Демина, 2023]. В работе М. О. Кузьминой региональная идентичность носителей ливерпульского диалекта исследуется с помощью методов перцептивной диалектологии [Кузьмина, 2015].

Кроме этого, в последнее время набирают популярность сегментные исследования диалектной речи, проведенные с методами машинного обучения [Strycharczuk et al., 2020]. Ученые предпринимают попытки выявить отличительные черты северных английских диалектов на сегментном уровне, проанализировав форманты гласных. Помимо этого, исследуются современные влияния на северное произношение. Они приводят к диалектному выравниванию и формированию наддиалектных произносительных стандартов, в частности «общего северного английского произношения» (General Northern English).Его появление короткого свидетельствует о том, что носители региональных акцентов склоняются к использованию унифицированных фонетических черт общесеверного (pan-northern) стандарта произношения [Strycharczuk et al., 2020; Demina, Shishova, 2017]. Самыми яркими чертами, свойственными всем северным диалектам, являются, в частности, отсутствие таких южных фонологических оппозиций,

как «FOOT – STRUT» и «TRAP – BATH». В интонации северяне чаще применяют мелодически выраженные восходящие контуры в конце синтагм утвердительных высказываний. Они создают выразительный мелодический рисунок в противоположность стандартному нисходящему контуру, что было подтверждено в недавних исследованиях зарубежных фонетистов [Herment, Leonarduzzi, Bouzon, 2020; Nance et al., 2022; Helmuth, Farrelly, 2021], а также в работах отечественных исследователей [Чубарова, 2022; Demina, Shishova, 2021]. В экспериментально-фонетических работах также отмечается, что восходящие контуры на севере Англии имеют «платообразную» конфигурацию («rise-plateau»). Она является отличительной чертой мелодики североанглийской речи [Nance et al., 2022; Herment, Leonarduzzi, Bouzon, 2020, 2020; Чубарова, 2022].

Современные сегментные исследования наряду с новой волной изучения мелодических аспектов региональной речи более детально отражают фонетические различия между регионами с привлечением исторических факторов и социокультурного контекста. Они, в свою очередь, влияют на формирование культурной идентичности носителей.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

С целью детального изучения мелодических контуров североанглийской речи в исследовании были задействованы слуховой и компьютерно-акустический анализ, который был проведен с помощью программы PRAAT (версия 6.3.18). Экспериментальный корпус состоит из записей неподготовленной речи четырех женщин и четырех мужчин. Они участвовали в интервью, вопросы для которого были специально разработаны для данного исследования. Респонденты являются носителями южных и северных акцентов английского языка в возрасте от 20 до 35 лет, имеют одинаковый социально-экономический статус. При проведении эксперимента они находились в одинаковых условиях.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА

Аудиторский анализ выявил важное различие в дистрибуции терминальных тонов в северной и южной речи: северяне часто используют восходящие и ровные мелодические контуры в финальных синтагмах утвердительных высказываний. Так, речь мужчин с севера показала более высокую мелодическую вариативность, нежели женская речь в этом регионе. Частота использования восходящих тонов в их речи суммарно составила 20 % (табл. 1). Сходные показатели наблюдаются в южной речи обоих полов, в то время как в северной женской речи суммарный показатель частотности восходящего тона составил лишь 10 %. Кроме этого, женская северная речь характеризуется наиболее высоким процентом использования ровного тона (71 %), что придает ей несколько монотонную окраску. Предположительно, высокий показатель частоты использования ровных тонов обусловлен в том числе и неподготовленностью речи респондентов. В процессе ответа на вопросы им часто требовалось какое-то время на обдумывание, что приводило к использованию долгого ровного тона на конце синтагм и в заполненных паузах. Однако в речи северян некоторые тоны на перцептивном уровне реализовывались как восходящие, а на акустическом уровне имели линейную конфигурацию. В данном случае речь идет об упомянутых ранее «платообразных» восходящих контурах.

В ходе анализа была также проведена категоризация восходящих тонов на финальные и нефинальные, что позволило выделить процент частоты использования восходящего тона в утвердительных высказываниях. На основании полученных данных был сделан вывод о том, что восходящий тон в североанглийской речи используется чаще именно в конце утвердительных высказываний, а не на стыках синтагм, в то время как в южной мужской речи показатели указывают на противоположную тенденцию.

Наличие восходящих тонов в финальных синтагмах в женской южной речи может быть объяснено

Таблица 1

ЧАСТОТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРМИНАЛЬНЫХ ТОНОВ В РЕЧИ РЕСПОНДЕНТОВ (%)

Группа респондентов	Количество тонов			
	Восходящие (нефинальные синтагмы)	Восходящие (финальные синтагмы)	Нисходящие	Ровные
Север (женщины)	2	8	19	71
Север (мужчины)	9	11	37	43
Юг (женщины)	10	13	20	57
Юг (мужчины)	16	5	35	44

Таблица 2

ПОКАЗАТЕЛЬ ЧОТ РЕЧИ (ГЦ) И ДИАПАЗОНА РЕЧИ (ПТ)

Группа респондентов	ЧОТсред (Гц)	ЧОТмакс (Гц)	ЧОТмин(Гц)	Диапазон речи (пт)
Север (женщины)	188	218	157	5,7
Север (мужчины)	140	159	112	6,1
Юг (женщины)	222	278	168	8,7
Юг (мужчины)	111	146	84	9,6

явлением Upspeak, или High Rising Terminal [Warren, 2016], для которого характерно высокое восходящее движение тона широкого диапазона.

В южном регионе дистрибуция терминальных тонов более равномерна, нежели в северном. В мужской речи нисходящие тоны преобладают над восходящими, что соответствует стандартным показателям. Мужская речь звучит более утвердительно и авторитетно, что достигается в том числе с помощью использования нисходящего тона.

Результаты акустического анализа свидетельствуют о том, что, на Севере диапазон мелодического тона уже, нежели на Юге. Причем данная тенденция наблюдается как в женской, так и мужской речи. Таким образом, сравнительно узкий диапазон просодического тона на Севере может являться региональной просодической особенностью. В то же время, мелодический диапазон речи респондентов-мужчин из северного региона шире, чем у женщин. Он составляет чуть более шести полутонов (табл. 2). Данный факт указывает на то, что северная мужская речь просодически более вариативная и выразительная, чем женская.

В ходе анализа был также исследован средний показатель ЧОТ речи респондентов (табл. 2). Так, было установлено, что у женщин, как на севере Англии, так и на юге, этот параметр традиционно выше. Однако в речи мужчин-северян этот показатель заметно выше, чем у респондентов-мужчин из южного региона, что еще раз указывает на региональную мелодическую окраску речи данной группы информантов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные результаты исследования показывают, что мелодические параметры северной речи могут служить фонетическими маркерами, которые не только отличают региональные акценты, но и указывают на культурную идентичность их носителей. Основные выводы проведенного исследования можно сформулировать следующим образом:

1. Диапазон северной речи значительно уже, чем диапазон южной речи.
2. Мужская речь северян мелодически более вариативна и выразительна, нежели женская. Для женской северной речи характерна монотонность. Она достигается благодаря частому использованию ровного тона.
3. В речи северян восходящий тон чаще встречается в финальных синтагмах утвердительных высказываний, нежели в нефинальных.
4. Для южной речи характерен широкий диапазон речи, а также явление Upspeak. Оно проявляется в использовании высокого восходящего контура широкого диапазона в конце утвердительных высказываний.

Таким образом, результаты работы свидетельствуют о значимости мелодических параметров в маркировании англоязычной диалектной речи. Перспективы дальнейших исследований включают рассмотрение сверхсегментных характеристик региональной речи в различных коммуникативных контекстах с целью более глубокого изучения их роли в просодическом коде северных и южных диалектов Англии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Hopkins S., McKenny M. Dialectology in modern England // Linguistic Studies. 2017. № 12. С. 45–62.
2. Trudgill P. The Dialects of England. Oxford: Blackwell Publishers Ltd., 1999.
3. Wells J. C. Accents of English. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
4. Шевченко Т. И. Социофонетика: национальная и социальная идентичность в английском произношении. 2-е изд., доп. М.: Ленанд, 2016. ISBN 978-5-9710-2658-7. EDN ZCGKMJ.
5. Демина М. А. Произношение и идентичность: вокалические и консонантные тенденции в северных диалектах Англии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 6. P. 1788–1794. DOI 10.30853/phil20230270. EDN FMRWEF.

6. Nance C. et al. Intonational Variation in the North-West of England: The Origins of a Rising Contour in Liverpool / C. Nance, S. Kirkham, K. Lightfoot, L. Carroll // Language and Speech. 2022. Vol. 65 (4). P. 1007–1033. DOI 10.1177/0023830920969735.
7. Hellmuth S., Farrelly C. Intonational variation and change in York English // 1st International Conference on Tone and Intonation (TAI). 2021. P. 190–194. DOI 10.21437/TAI. 2021–39.
8. Herment S., Leonarduzzi L., Bouzon C. The various rising tones in Newcastle English: A phonological distinction? // Anglophonia. 2020. Vol. 29. DOI 10.4000/anglophonia.3297.
9. Чубарова М. А. Структура ядерных тонов как ключ к национальной идентичности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3 (858). С. 120–126. DOI 10.52070/2542-2197_2022_3_858_120.
10. Lupton R., Power A. The Growth and Decline of Cities and Regions. (CASE-Brookings Census Briefs). Centre for Analysis of Social Exclusion, LCE. 2004.
11. Beal J. English dialects in the North of England: Phonology // The British Isles. 2008. P. 122–144. DOI 10.1515/9783110208399.1.122.
12. Кузьмина М. О. Наследники Битлз: что думают жители Ливерпуля о своем произношении // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. Вып. 1 (712). С. 103–122.
13. Strycharczuk P. et al. General Northern English: Exploring Regional Variation in the North of England With Machine Learning / P. Strycharczuk, M. López-Ibáñez, G. Brown, A. Leemann // Frontiers in Artificial Intelligence. 2020. Vol. 3. P. 48. DOI 10.3389/frai.2020.00048.
14. Demina M. A. A phonetic marker of the modern north-south linguistic divide in England // Russian Linguistic Bulletin. 2017. Vol. 4 (12). P. 8–11.
15. Demina M. A., Shishova P. K. Ascending tones as signifiers of cultural identity in northern England // SHS Web of Conferences: International Linguistic Science and Practice Conference. 2021. Vol. 127. P. 1–8. DOI 10.1051/shsconf/202112702019.
16. Warren P. Uptalk: The phenomenon of rising intonation. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

REFERENCES

1. Hopkins, S., McKenny, M. (2017). Dialectology in modern England. Linguistic Studies, 12, 45–62.
2. Trudgill, P. (1999). The Dialects of England. Oxford: Blackwell Publishers Ltd.
3. Wells, J. C. (1992). Accents of English (vol. 1): in 3 vols. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Shevchenko, T. I. (2016). Sociophonetics: national and social identity in English pronunciation. Moscow: URSS. (In Russ.)
5. Demina, M. A. (2023). Pronunciation and Identity: Vowel and Consonant Tendencies in Northern English Dialects. Philology. Theory & Practice, 16(6), 1788–1794. 10.30853/phil20230270. (In Russ.)
6. Nance, C., Kirkham, S., Lightfoot, K., Carroll, L. (2022). Intonational Variation in the North-West of England: The Origins of a Rising Contour in Liverpool. Language and Speech, 65(4), 1007–1033. DOI 10.1177/0023830920969735.
7. Hellmuth, S., Farrelly, C. (2021). Intonational variation and change in York English. 1st International Conference on Tone and Intonation (TAI) (pp. 190–194). 10.21437/TAI.2021-39.
8. Herment, S., Leonarduzzi, L., Bouzon, C. (2020). The various rising tones in Newcastle English: A phonological distinction? Anglophonia, 29. 10.4000/anglophonia.3297.
9. Chubarova, M. A. (2022). Structure of nuclear tones as a key to national identity. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(858), 120–126. 10.52070/2542-2197_2022_3_858_120. (In Russ.)
10. Lupton, R., Power, A. (2004). The Growth and Decline of Cities and Regions. (CASE-Brookings Census Briefs). Centre for Analysis of Social Exclusion, LSE.
11. Beal, J. (2008). English dialects in the North of England: Phonology. In The British Isles (pp. 122–144). 10.1515/9783110208399.1.122.
12. Kuzmina, M. O. (2015). The Beatles' Successors: What Liverpudlians Think of Their Pronunciation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(712), 103–122. (In Russ.)
13. Strycharczuk, P., López-Ibáñez, M., Brown, G., Leemann, A. (2020). General Northern English: Exploring Regional Variation in the North of England with Machine Learning. Frontiers in Artificial Intelligence, 3, 48. 10.3389/frai.2020.00048.
14. Demina, M. A. (2017). A phonetic marker of the modern north-south linguistic divide in England. Russian Linguistic Bulletin, 4(12), 8–11.

15. Demina, M. A., Shishova, P. K. (2021). Ascending tones as signifiers of cultural identity in northern England. SHS Web of Conferences, 127, 1–8. 10.1051/shsconf/202112702019.
16. Warren, P. (2016). Uptalk: The phenomenon of rising intonation. Cambridge: Cambridge University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шишова Полина Кирилловна

аспирант
кафедры фонетики английского языка
преподаватель кафедры фонетики английского языка
Московского государственного лингвистического университета
старший преподаватель
кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации
факультета международных экономических отношений
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shishova Polina Kirillovna

PhD Student
Department of Phonetics of the English Language
Moscow State Linguistic University
Lecturer
Department of Phonetics of the English Language
Moscow State Linguistic University
Senior Lecturer
Department of Foreign Languages and Intercultural Communication
Faculty of International Economic Relations
Financial University under the Government of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	03.02.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	18.02.2025	approved after reviewing
принята к публикации	13.03.2025	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'373

Отражение эмпирической и метафорической связи концептов «время» и «возраст» в английских и русских устойчивых выражениях и паремиях

П. А. Щербо

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия
ShcherboPA@mail.ru

Аннотация. Целью исследования является рассмотрение концептов «время» и «возраст» в английской и русской языковых картинах мира с точки зрения их эмпирической и метафорической взаимосвязи, выраженной в паремиях и устойчивых фразеологических выражениях (наиболее репрезентативных единицах языка для исследования понятийной системы человека и способов концептуализации его опыта). Оба концепта антропоцентричны. Они связаны с линейной и циклической моделями мира и с категорией «развитие». Метафоры, которые используются в обеих языковых картинах мира, основаны на пространственных и физических семиотических оппозициях, что приводит к определенному отождествлению или параллелизму в понимании времени и возраста, а также к их соподчиненности: выражению понятия «время» через понятие «возраст».

Ключевые слова: языковая картина мира, концепт, метафора, время, возраст, паремия, развитие, антропоцентризм

Для цитирования: Щербо П. А. Отражение эмпирической и метафорической связи концептов «время» и «возраст» в английских и русских устойчивых выражениях и паремиях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3(897). С. 112–121.

Original article

Reflection of the Empirical and Metaphorical Connection of the Concepts of “Time” and “Age” in English and Russian Set Expressions and Proverbs

Polina A. Shcherbo

Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
ShcheboPA@mail.ru

Abstract. The article examines the concepts “time” and “age” in the English and Russian language worldview in phraseological units and proverbs (the most representative units of language for studying the conceptual system of man and the ways of conceptualizing man’s experience). The metaphoric and empirical interconnections of these two concepts are being discussed. Both concepts prove anthropocentric and are associated with the linear and cyclic models of the world, and additionally, with the category “development”. The analysis reveals some metaphors common for both English and Russian language worldviews. The metaphors identified are based on spatial and physical semiotic oppositions. Contrasting and comparison allows to discover parallelism in the understanding of time

and age, as well as to perceive their subordination: the concept “time” is manifested through the concept “age”.

Keywords: language worldview, concept, metaphor, time, age, paroemia, development, anthropocentrism

For citation: Shcherbo, P. A. (2025). Reflection of the Empirical and Metaphorical Connection of the Concepts of “Time” and “Age” in English and Russian Set Expressions and Proverbs. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(897), 112–121. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа выполнена в рамках когнитивной и антропоцентрически-ориентированной парадигмы в лингвистике. В статье анализируется эмпирическая и метафорическая связь концептов «время» и «возраст» в английских и русских устойчивых выражениях и паремиях. Объектом исследования стали указанные концепты и способы их репрезентации в устойчивых воспроизводимых словосочетаниях и сращениях, пословицах и поговорках двух языков, а предметом – их соотношение, взаимообусловленность, а также физические и культурные основания, которые выявляются в способах представления концептов «время» и «возраст» в английской и русской языковых картинах мира.

В нашем исследовании мы исходим из того, что универсальная категория, а также сложноорганизованный концепт «время» является логически неоднородным. С одной стороны, это основополагающий физический параметр в описании внешнего мира, с другой – это абстракция, постигаемая в опыте лишь посредством метафоризации. Такая метафоризация структурирует обыденное восприятие и отчасти является отражением универсальных биопсихических особенностей человека, а отчасти оказывается культурно-обусловленной. Также время есть объективная координата и мерило существования всего. Однако при этом оно интериоризируется разнообразными субъективными способами на уровне индивидуального опыта освоения действительности. Лингвисты отмечают, что «восприятие времени, овеществленное в языке и дискурсе, имеет двойственный характер: с одной стороны, время представляется как свойство материи (научное время), ориентированное на объективные явления действительности, с другой – как экзистенциальная сущность (вненаучное время), ориентированная на особенности человеческой когниции. Дуальная природа восприятия времени обусловлена двумя комплементарными типами когниции, научной и вненаучной, которая на лингвокогнитивном уровне реализуется в оппозициях концептов «материальное / духовное», «рациональное / чувственное», «объективное / субъективное», «рассудочное / эмоциональное», «логическое / эстетическое», «закономерное / случайное», «стереотипное / уникальное» [Бондаренко, 2009]. Современные лингвисты также рассматривают лексическую репрезентацию понятия «время» через представления человека о пространстве, в частности, через физические ориентационные метафоры, каждая из которых вычленяет конкретные характеристики данного концепта: «прямая линия», «полупрямая», «круг», «спираль», «точка», «отрезок», «пунктир», «вместилище», «часть – целое» [Маховикова, Кузнецов, 2023].

Концепт «возраст» видится нам на этапе постановки гипотезы как соподчиненный концепту «время». Возраст, по сравнению с временем, является фрагментом концептосферы человека и описывает его различные проявления: внешние и внутренние, изменяющиеся в течение жизни, стереотипные или свободные. В структуре ядерно-периферической модели концепта «время» «возраст» находится на так называемой «ближайшей периферии», получая выражение в рамках понятия «жизнь человека»; при этом на «дальней периферии» выделяются такие ментальные единицы, как «молодость», «старость», «зрелость», «рождение – смерть», «быстро – медленно» и т. п. [Абдиханова и др., 2024].

На уровне коллективного осознания (в национальной картине мира) средства понятийного оформления указанных концептов являются культурно-специфическими и изучаются в лингвокультурологии и в сравнительном языкознании. Таким образом, теоретической базой для настоящей статьи послужили исследования феномена и концепта «время» в модели мира [Цивьян, 2005], в истории и семиотике [Успенский, 1989], в концептосфере культуры [Зыкова, 2019] и во фразеологии [Лакофф, Джонсон, 2004]. Были рассмотрены работы, описывающие место концепта «возраст» в языковой и культурной картинах мира [Михеева, 2003], а также работы, посвященные вербализации данных концептов на уровне индивидуального диалекта носителей языка [Иванова, 2018].

Методология исследования указанных концептов в настоящей работе включает в себя подбор, тематическую группировку устойчивых выражений и паремий на этапе сбора языкового материала, затем моделирование и сравнение их содержания, а также их культурологический анализ. Таким образом, устойчивые выражения и паремии английского и русского языков получили описание, были выявлены способы метафоризации и эмпирического постижения концептов «время» и «возраст» в двух языках и объяснено внутреннее устройство этих концептов с последующим определением их своеобразия и выделения их сходства в английском и русском языках. Также был проведен анализ ассоциаций и физических оснований метафор, интерпретирующих данные концепты в системах двух языков. Поскольку «время» и «возраст» можно отнести не только к базовым, или основополагающим, но и к универсальным концептам культуры, то для их изучения был применен метод семантических бинарных оппозиций. Данный метод позволяет продемонстрировать, что концепты «время» и «возраст» (подлежащие периодизации) задают картины мира, присущие двум языкам – русскому и английскому. Таким образом, решается задача выявления эмпирической и метафорической связи концептов «время» и «возраст» в английской и русской языковых картинах мира. Данная задача осуществляется с помощью анализа подборки релевантных примеров в двух языках. Выявляется и подтверждается примерами соответствие: *прошедшее / настоящее / будущее* время в модели мира и м*олодость–зрелость–старость* в возрастной периодизации жизни человека.

Материалом для проведения исследования послужили частотные устойчивые фразеологические сращения, а также пословицы и поговорки (из лексикографических источников) в количестве около 140 для английского языка и 160 для русского. Материал был собран методом сплошной выборки с учетом его соответствия указанной теме и выдвинутой гипотезе. Она заключается в том, что в двух языках могут обнаружиться похожие способы метафоризации и эмпирического постижения взаимосвязанных понятий «время» и «возраст». Речевые преобразования этих понятий в русском и английском языках могут совпасть по причине их универсальности, а также по объективно-физическим основаниям. Таким образом, цель и задачи настоящего исследования не потребовали учитывать такие критерии, как частотность, датирование источников или тип дискурса при отборе корпуса примеров.

Содержание культурных концептов «время» и «возраст» в английском и русском языках наиболее полно отражается в развитой и неоднородной системе образных средств языка. К ним относятся фразеологизмы разной степени сращения и устойчивых воспроизводимых паремий. Эти языковые единицы выполняют функцию культурно-языковых знаков и возникают как продукт вторичной, мотивированной номинации в процессе взаимодействия культуры и языка. Таким образом, новизна настоящего исследования заключается в том, что единый фрагмент концептосферы двух указанных языков и культур (на примере изучения взаимосвязанных концептов «время» и «возраст») получает интерпретацию посредством лингвокультурологического анализа фразеологизмов и паремий данных языков. В ходе этой интерпретации выявляется соподчинение концептов: время познается человеком через осознание возраста. Означенная закономерность наблюдается в англо- и русскоязычной картинах мира. Сложная абстракция и размытость, присущая концепту «время», постигается по аналогии с во многом более осязаемым и легко эмпирически наблюдаемым концептом «возраст».

ЛИНЕЙНОЕ И ЦИКЛИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

Противоречивость внутренней метафорической организации и, соответственно, вербализации концепта «время» является результатом его двойственной природы. Ученые-лингвисты выделяют «время, относящееся к объективно-реальному внешнему миру, и время перцептуальное, относящееся к сфере восприятия внешнего мира отдельным индивидуумом» [Михеева, 2003, с. 161]. Таким образом, сформировалась традиция брать за основу две условных модели времени: «линейное» и «циклическое». Другими терминами для обозначения этих двух способов представления времени являются, соответственно, «время абсолютное» (или «естественнонаучное») и «время относительное» (или «наивное»). Абсолютное время мифологично. Оно представляется последовательностью прошлого, настоящего (здесь и сейчас, немаркированное время) и будущего. Относительное время, в свою очередь, движется по кругу: смена сезонов, циклы и фазы луны, месяцы, недели и смена времени суток [Цивьян, 2005]. Б. А. Успенский, используя те же термины, писал, что линейное, или необратимое время соответствует историческому типу сознания, а циклическое – космологическому, основанному на космопланетарных циклах [Успенский, 1989]. Упрощая и метафоризируя сам концепт «время», эти противопоставляемые друг другу способы постижения времени не исчерпывают многообразия и диалектики хронологических связей и отношений. В рамках каждой рассматриваемой исследователями

языковой картины мира различные модели времени дополняют друг друга, позволяя вписывать индивидуальный путь человека, его жизнь, во всеобщий процесс развития. Более того, целостный характер восприятия мира основан на диалектическом единстве этих двух моделей в сознании человека: в природных циклах присутствует линейность, а в линейном историческом развитии или в линии жизни человека обнаруживается цикличность [Михеева, 2003].

Таким образом, способы концептуализации времени и возраста в языке, а также их метафорическая организация в совокупности отображают представления о линейном и циклическом развитии Хроноса. Метафора цикла может быть обнаружена, например, в сравнении течения времени и смены периодов жизни человека с сезонами года и временем суток. В приведенных ниже примерах видно, что в обоих языках сезонность (первый и второй примеры), череда дней и наступление одного года за другим (третий и последний) являются способом структурирования времени. Можно проследить, как сопряженные аксиологические понятия «своевременность», «давно», «спокойствие и уверенность в будущем», «нескончаемость времени» получают свое выражение, соответственно, через лексемы *сезон*, *лето – зима*, *завтра* (*tomorrow*), *год*, *закономерности исторического развития* (*history*):

> Everything is good in its season. – Всякое семя знай свой черед («черед», *букв.* знай 'свое время года', 'свой сезон') [Митина, 2017, с. 46].

> Сколько лет, сколько зим прошло [Даль, 2007, с. 190].

> Tomorrow is another day [The Oxford Dictionary of Proverbs, 2008, с. 505]. – Будет день, будет пища[1].

> Год кончается, другой начинается [Даль, 2007, с. 309].

> History repeats itself. – Всё возвращается [там же, с. 419].

Здесь и далее приводимые примеры иллюстрируют обнаруженные когнитивные закономерности без учета параметра частотности. Сравнительно-сопоставительный анализ в рамках настоящего исследования ограничен лишь констатацией присутствия той или иной ментально-языковой репрезентации фактов окружающей действительности в системе рассматриваемых языков.

В свою очередь, метафора линии проявляет себя через противопоставление понятий «начало – конец», «сейчас – тогда», «левый – правый», «впереди – сзади», «вперед – назад», «предшествовать – следовать», а также «передняя сторона – задняя».

Относительно времени жизни человека время всеобщее ориентировано так, что будущее находится впереди, а прошлое – сзади (здесь: в европейской культуре), всё сущее находится в движении из прошлого в будущее. Аналогично в рамках своей жизни человек идет из детства и молодости, которые проходят и остаются сзади, в прошлом, в старость и смерть, которые находятся впереди, в будущем. Оба исследуемых языка отражают такое видение на уровне устойчивых выражений, а также в паремиях.

Ориентация времени в английском и русском языках:

> Don't look back, carry on… – Не оглядывайся на прошлое, двигайся вперед (в будущее) [Лакофф, Джонсон, 2004].

> Coming events cast their shadows before. – Грядущие события отбрасывают тени впереди себя [The Oxford Dictionary of Proverbs, 2008, с. 104].

Сравним с *рус*. тень грядущего: будущие события, те которые буквально «придут, наступят», можно предсказать по предупреждающим знакам. Двойное указание на соположение будущего и настоящего, т. е. будущее придет, оно впереди, и его предпосылки могут быть очевидны уже в настоящем, которое этому будущему предшествует.

> Это присказка, а сказка будет впереди [Даль, 2007, с. 308].

Здесь время жизни представляется в виде метафоры «время или жизнь = сказка, рассказ», и всё, что придется пережить в будущем, находится впереди по отношению к человеку, к тому же видится ему более существенным, важным, протяженным.

> Что было, то прошло; что будет, придет [там же, с. 189].

Формы глаголов – *прошло, придет* – показывают, что сзади остается прошлое, а впереди – будущее. При этом в обоих языках наблюдается положение смерти, а также всей жизни в ее постепенном движении к концу, впереди:

> Eat, drink and be merry, for tomorrow you die. – Наслаждайся жизнью, ибо придет время умирать, ибо она коротка [Словарь употребительных английских пословиц, 1990, с. 80].

[1]Зд. и далее перевод наш, если не указано иное. – *П. Щ.*

Дал бы бог здоровья, а дней много впереди [Даль, 2007, с. 179].

Кроме того, свою жизнь и события, ее наполняющие, человек измеряет отрезками времени, днями или сезонами (через метафоры цикла), где концепты «время» и «возраст» понимаются однонаправленно и движутся вперед параллельно:

Depts remain form day to day[1].

Долги за тобой остаются в будущем надолго (будущее здесь понимается как череда дней, *букв*. 'они идут один за другим').

Take time by the forelock[2]. – Лови момент /хватай время за вихор, а упустишь – за лысый затылок уже не ухватить (*букв*. 'спереди у времени чуб, а сзади лысина', т. е. когда оно пройдет вперед, мимо тебя, то вслед за ним уже не поспеешь, за лысину не удержишь).

День к вечеру – к смерти ближе. День да ночь – сутки прочь, а всё к смерти поближе [там же, с. 180].

Буквально жизнь состоит из дней, которые идут один за другим.

Какова ни будь красна девка, а придет пора – выцветет [там же, с. 189].

«Выцветание» метафорически представляет старость как увядание, где и то, и то суть окончание жизни, смерть (жизнь человека = один цикл в природе, от весны до осени, от рождения до смерти).

Подобным образом, через циклы смены поколений человек ощущает течение всеобщего физического времени в обоих исследуемых картинах мира. Снова обнаруживается противопоставление: сначала детство, а в конце зрелость или старость, сначала отцы – деды, затем дети – внуки:

The child is the father of the man Из ребенка вырастает человек (мужчина) [The Oxford Dictionary of Proverbs, 2008, с. 95].

Что было, видели деды; что будет, увидят внуки [Даль, 2007, с. 189].

Старики вымерли – нас не дождались; молодые родились – нас не спросились [там же, с. 192].

Не мы увидим, так дети наши [Даль, 2007, с. 309].

Интересно, как в одной английской пословице заключены сразу две метафоры: путь из детства в зрелость = движение от утра к середине дня; движение времени = наступление более старшего возраста:

The childhood shews the man, as morning shews the day. Каков ребенок, такой и взрослый; какое утро, такой и день [The Oxford Dictionary of Proverbs, 2008, с. 95].

Линейное представление концептов «время» и «возраст» в картинах мира англо- и русскоговорящих людей предусматривает также и необратимость их течения, т. е. невозможность вернуться назад, в прошлое. Здесь мы видим наибольшее количество идентичных фразеологизмов и паремий в русском и английском языках, причем похожи они почти дословно. Их анализ позволяет нам сделать вывод о том, что это свойство времени наиболее осязаемо, эпичнои Оно парадоксальным образом заставляет человека размышлять о прошлом в ностальгическом ключе. При этом в обоих языках ход времени в большинстве пословиц описывается через физическую метафору «течение, безвозвратное утекание воды»:

Lost time is never found again.Времени не воротишь [Митина, 2017, с.84].

It is no use crying over spilt milk. Слезами горю не поможешь / потерянного не воротишь [The Oxford Dictionary of Proverbs, 2008, с. 468].

What's done cannot be undone.Что было, то прошло [там же, 2008, с. 522].

The mill cannot grind with the water that is past. Что было, то прошло [там же, 2008, с. 336].

Things past cannot be recalled. Прожитого не воротишь [там же, 2008, с. 387]

Прожитое, что пролитое, – не воротишь [Даль, 2007 с. 183].

Битого, пролитого да прожитого не воротишь [там же, с. 192].

Прожитого не пережить, а прошедшего не воротить [там же, с. 192].

Что было, то сплыло [там же, с. 191].

[1]URL: https://www.special-dictionary.com/proverbs/source/b/british_proverb/189831.htm (дата обращения: 25.12.24).
[2]URL: https://www.gutenberg.org/cache/epub/39281/pg39281-images.html#T (дата обращения: 25.12.24).

АНТРОПОЦЕНТРИЧНОЕ ВРЕМЯ И РАЗВИТИЕ

Ключевой чертой концептуализации времени является антропоцентричность, то есть описание концепта «время» в рамках антропоморфного кода. Формируемые метафоры имеют психические, физические и социальные основания, и человек оказывается мерой всего. Время и развитие в свою очередь получают осмысление относительно человека.

Помимо непосредственно присвоения времени человеческих черт, его олицетворения в стертых, привычных метафорах языка:

> Время покажет. – Time will show / tell. Время не ждет. – Time and tide wait for no man [Митина, 2017, с. 116].

> Время лечит. – Time is a great healer. Time tames the strongest grief. Время творит чудеса – Time works wonders [Словарь употребительных английских пословиц, 1990, с. 175].

Язык отражает видение времени через призму человеческого возраста, этапов взросления / старения, человеческой жизни от рождения к смерти и т. д. Человек является точкой отсчета всего и ориентируется в мире, лишь осознавая себя здесь и сейчас, а временные категории определяет относительно своего положения на шкале Хроноса. Единственной осязаемой единицей времени для человека является его собственный век со всеми присущими ему периодами (*младенчество – детство – юность – молодость – зрелость – старость*), поэтому в терминах стадиального понимания возраста человека прослеживается аналогия с описанием течения времени. Можно утверждать, что физическое время, строящееся на оппозиции «прошлое – будущее» дополняется биологическим, опирающимся на противопоставление «молодость – старость».

В содержании концептов «время» и «возраст» проявляются глубинные, укорененные в языковом сознании носителей языка представления об изоморфизме мира и человека. В семантико-прагматических оппозициях «прошлое – будущее», «молодость – старость» одинаково реализуются представления об изменениях, росте, о возрастании или, наоборот, убывании, о начале и конце. Образная связь возраста человека и времени выявляется в следующих аналогиях, как линейного характера, так и циклического: человеческая жизнь = цикл смены времен года: *spring of life – весна жизни*, *autumn of life – осень жизни*, человеческая жизнь = суточный цикл: *in the dawn of life – на заре жизни*, *in the twilight of one's life, in the sunset of one's days – на закате дней*.

Другая метафора, «время и жизнь – это дорога, а мы по ней осуществляем движение вперед» (*идти по жизни – go through life*), прослеживается в паремиях как английского, как и русского языков:

Every path has its puddle[1]. На всяком пути встретится лужа (жизненный путь метафорически представляется как дорога со всеми ее физическими характеристиками: неровностями, лужами и т. д.).

> Don't cross the bridge till you come to it. – Не переходи через мост, пока не подойдешь к нему. Решай проблемы по мере их поступления [The Oxford Dictionary of Proverbs, 2008, с. 73].

Русский эквивалент: «Не беги вперед паровоза», *букв.* 'человек идет по жизни, подходя, приближаясь к проблемам физически.

> Life is hard by the yard, but by the inch life's a cinch[2]. – Жизнь тяжела вся целиком, но шаг за шагом одолеть можно.

Здесь «шаг» = «период, стадия жизни», и человек движется постепенно вперед, делая шаги и переходя от этапа к этапу.

> Где был, теперь нет; где шел, там след [Даль, 2007, с. 191].

> Жизнь пережить – не поле перейти [там же, с. 183].

> Жизнь прожить, что море переплыть [там же, с. 183].

В схожих примерах прослеживается та же метафора «шаг» или, здесь, «след от шага», а также время жизни выражается пространственно, отождествляясь с полем или морем.

Появляется возможность утверждать, что физический опыт проживания периодов возраста может служить эмпирическим основанием метафорической репрезентации концепта «время».

Таким образом, обнаруживается схожесть и взаимопроникновение способов метафоризации обыденного восприятия концептов «время» и «возраст». Время приобретает качественную характеристику, являясь вместилищем событий, в частности жизни человека, а жизнь, в свою очередь, понимается в категориях времени, таких как мгновения, периоды, эпохи. Время ощущается по

[1]URL: https://rightwords.eu/folklore/search?q=Every+path+has+its+puddle (дата обращения: 25.12.24).

[2]URL: https://rightwords.eu/folklore/search?q=Life+is+hard+by+the+yard%2C+but+by+the+inch+life%E2%80%99s+a+cinch (дата обращения: 25.12.24).

течению жизни самого человека, а также тем событиям, которые время наполняют:

> Soon ripe, soon rotten [The Oxford Dictionary of Proverbs, 2008, с. 460]. – Скоро плод поспеет, скоро и сгниет (метафорически, последовательная смена описываемых природных явлений, или закономерностей, символизирует ход времени, наполняет его).

> Еще до той поры много воды утечет, т. е. «вода» символизирует будущее, которое наполнит течение времени смыслом и событиями [Даль, 2007, с 188].

ОДНОНАПРАВЛЕННОСТЬ И СКОРОСТЬ ТЕЧЕНИЯ ВРЕМЕНИ ОТНОСИТЕЛЬНО ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Понятия однонаправленности времени, длительности и скорости его протекания, его упорядоченности и делимости на отрезки (в рамках модели линейного времени), а также повторяемости и кратности (что соответствует циклическому его пониманию) формируются образно с опорой на сравнения с явлениями физического мира, с самим человеком и с событиями. Они составляют фон жизни человека [Иванова, 2018].

Благодаря онтологической связи концептов «время» и «возраст» с категорией «развитие», означающей происходящие изменения, обнаруживается еще большая близость этих концептов: возраст описывает стадии развития человека, а время может описывать стадии развития всего вообще; и то и другое, как мы уже установили, наполнено качественными изменениями. Именно для характеристики и названия последовательно сменяющих друг друга стадий развития человека используется понятие «возраст» (*мальчик*, *юноша*, *мужчина*, *старик*; *девочка*, *девушка*, *женщина*, *старуха*). Течение времени осознается не само по себе, а опосредованно – через восприятие происходящих событий вместе с теми последствиями, которые они влекут за собой. Представление о времени и о развитии является, таким образом, неотъемлемым компонентом представления человека о мире и о самом себе, вписанном в этот мир. Эти представления с одинаковой детальностью проступают как в общеязыковой картине мира, так и в языковой модели мира человека – когнитивно-концептуальном образовании, или способе репрезентации мира в языковой системе и / или сознании человека. Она формируется в процессе познания на протяжении всей жизни и воплощена в языке человека [Зыкова, 2019]. Интересно, что некоторые паремии иллюстрируют, как человек ощущает себя подвластным времени, лишь пассивно принимающим его воздействие:

> Time is the rider that breaks youth[1]. – Только время объезжает (укрощает) юность.

> Times change and we with time [The Oxford Dictionary of Proverbs, 2008, с. 504]. – Времена меняются, и мы вместе с ними (*букв.* 'времена нас меняют, а не мы меняемся самостоятельно').

> Не человек гонит, а время. Не живем, дни провожаем [Даль, 2007, с. 180].

Иногда, наоборот, человек позиционирует себя как активного преобразователя действительности:

> Take time when time is, for time will away[2]. – Не упускай времени, когда оно у тебя есть, ибо скоро его у тебя не будет.

> Перемелется – мука будет [Даль, 2007, с. 367].

С одной стороны, человек видит себя вращающим жернова или работающим на мельнице – его труд и участие необходимы для получения результата, муки. С другой – здесь читается метафора «человек – зерно, проходящее процесс трансформации»: в трудные времена человек благодаря своим усилиям и стойкости становится мудрее, сильнее перед новыми вызовами.

Скорость протекания всеобщего физического времени, а также жизни человека внутри него, в качестве его фрагмента, понимается по-разному внутри каждой из рассматриваемых языковых картин мира. Так, в русской языковой картине мира время может тянуться:

> На век протянется, на всякого достанется [там же, с. 309].

Однако как в русской, так и в английской языковых картинах мира время может быть представлено как быстрое и даже стремительное:

> Time flies. – Время летит [Словарь употребительских английских пословиц, 1990, с. 292].

> Life is short and time is swift[3]. – Жизнь коротка, и время мчит.

[1]URL: https://www.gutenberg.org/cache/epub/39281/pg39281-images.html#T (№1625 in the list) (дата обращения: 25.12.24).
[2]URL: https://www.gutenberg.org/cache/epub/39281/pg39281-images.html#T (№1621 in the list) (дата обращения: 25.12.24).
[3]URL: https://rightwords.eu/folklore/search?q=Life+is+short+and+time+is+swift (дата обращения: 25.12.24).

Таблица 1

АСПЕКТЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОНЦЕПТОВ «ВРЕМЯ» И «ВОЗРАСТ» В АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЯХ И ПАРЕМИЯХ

Аспекты представления концептов	английский язык	русский язык
Цикличность времени		
сезон	+	+
день	+	+
год	–	+
история	+	–
Линейность понимания времени и возраста		
будущее впереди, прошлое сзади	+	+
старость впереди	+	+
Взаимосвязь циклического и линейного представлений о времени и жизни человека		
жизнь представляется в отрезках времени	+	+
время измеряется сменой поколений	+	+
Необратимость течения времени и времени жизни		
	+	+

Таблица 2

Аспекты представления концептов	английский язык	русский язык
Антропоцентричность понимания времени и развития		
олицетворение времени	+	+
изоморфизм мира и человека	+	+
метафора «время – дорога, по которой идет человек»	+	+
время ощущается по течению жизни человека и по его наполнению событиями	+	+
Однонаправленность и скорость течения времени		
время властно над человеком	+	+
человеку подвластно время	+	+
время тянется	–	+
время мчится	+	+

Не нажить тех дней, кои прошли. Пролетела пуля – не вернется [Даль, 2007, с. 188].

Но неизменно человеческий век видится коротким внутри времени всеобщего, исторического:

Life is but a span. – Жизнь коротка [Митина, 2017, с. 80].

Век мой прошел, а дней у бога не убыло [Даль, 2007, с. 180].

Таким образом, в ходе интерпретации фрагмента концептосферы двух указанных языков и культур (на примере изучения взаимосвязанных концептов «время» и «возраст») выявляется их логическая организация, основные образующие их физические метафоры, а также соподчинение этих концептов: и в русскоязычной, и в англоязычной картине мира время познается человеком через осознание возраста. Наглядно результаты настоящего исследования можно представить в следующей таблице, которая показывает наличие (+) или отсутствие (-) в английском и русском языках паремий, иллюстрирующих вышеописанные аспекты (табл. 1).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование содержания и метафорической организации концептов «время» и «возраст» в английской и русской языковых картинах мира, а также анализ схожести их репрезентации в устойчивых выражениях и популярных паремиях в указанных языках показали: означенные концепты связаны между собой эмпирически. На фоне разницы культур схожесть представления исследуемых концептов объясняется их универсальных

характером, а также наличием физических оснований их для метафоризации. Способы концептуализации времени и возраста отображают как линейное, так и циклическое представления о развитии. Таким образом, формируется гибридная модель времени.

Одинаково представляется в двух исследуемых языках и картинах мира движение жизни и бытия всего сущего: вперед, однонаправленно, необратимо и упорядоченно, однако с разной скоростью (время может тянуться, а может промелькнуть незаметно). Образные представления о времени и возрасте англоговорящих и русскоговорящих людей в одинаковой мере основываются на метафорах, которые концептуализируют опыт освоения действительности: пространственная и физическая ориентация, а также понимание стадиальности течения времени вообще и времени жизни человека через категорию «развитие». Она подразумевает, что «время» и «возраст» отождествляются с наблюдаемыми человеком изменениями. Семантические оппозиции «прошлое – будущее» и «молодость – старость» одинаково реализуют представления о развитии и движении, поскольку способы эмпирического постижения времени и возраста имеют одинаковые физические и психические основания. Обнаружилось лишь несовпадение в понимании скорости протекания времени: в русскоязычной картине мира время может как тянуться, так и «лететь», «мчаться», однако в корпусе английских примеров были найдены только примеры устойчивых словосочетаний и паремий, описывающие скоротечность времени.

Таким образом, в системе образных выражений языка – фразеологических единиц и паремий, которые являются знаками культуры и средствами вторичной, мотивированной номинации, – были выявлены не только тождество и аналогии в интерпретации, но и незначительные различия. Также было продемонстрировано соподчинение концептов: время познается человеком через наблюдение за возрастными изменениями и постижение понятия «возраст», что совпадает в англо- и русскоязычной картинах мира.

Дальнейшие перспективы изучения эмпирического постижения концептов «время» и «возраст», их взаимосвязи, а также способов их метафорической репрезентации в английском и русском языках могут быть связаны с рассмотрением аксиологических метафор, например: «время есть добро /зло» (*время лечит раны*; *время покажет*; *time works wonders*; *time is the best adviser*, или, наоборот, *не в гору живется*, *а под гору*; *time destroys all things*) или, например, «время есть ресурс, который нужно использовать правильно, с умом, а кто его теряет, тот глуп» (*время – деньги*; *time is money*; *куй железо*, *пока горячо*; *take time by the forelock*).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бондаренко Е. В. Когнитивное структурирование времени в семантике английского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2009. № 1 (9). С. 118–123.
2. Маховикова Д. В., Кузнецов М. В. Когнитивные схемы концептуализации времени на примере схем «СПИРАЛЬ» и «КРУГ» // Русский лингвистический бюллетень. 2023. № 6 (42). С. 1–4.
3. Абдиханова Н. А. [и др.]. Способы выражения временных значений в русском языке / Н. А. Абдиханова, Р. Мамматханова, Р. М. Каримова, Ш. Суннатуллаева // Наука и реальность. 2024. № 2 (18). С. 15–24.
4. Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. 2-е изд., доп. М.: КомКнига, 2005.
5. Успенский Б. А. История и семиотика: (восприятие времени как семиотической проблемы) // Труды по знаковым системам. 1989. Т. 23. Вып. 855. С. 18–38.
6. Зыкова И. В. Концептосфера культуры и фразеологии: Теория и методы лингвокультурологического изучения. 2-е изд., стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2019.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
8. Михеева Л. Н. Время в русской языковой картине мира. Иваново: Ивановский государственный университет, 2003.
9. Иванова Л. А. Время в картине мира диалектной языковой личности: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2018.
10. Митина И. Е. Английские пословицы и поговорки и их русские аналоги. Санкт-Петербург: Каро, 2017.
11. Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Эксмо, 2007.
12. The Oxford Dictionary of Proverbs. 5th edition. Oxford: Oxford University Press, 2008.
13. Словарь употребительных английских пословиц / М. В. Буковская, С. И. Вяльцева, И. Дубянская, Л. П. Зайцева, Я. Г. Биренбаум. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1990.

REFERENCES

1. Bondarenko, E. V. (2009). Cognitive time structure in the semantic sphere of the English language. Science Journal of Volgograd State University. Linguistics, 1(9), 118–123. (In Russ.)
2. Mahovikova, D. V., Kuznecov, M. V. (2023). Cognitive schemes for conceptualizing time, on the example of the "SPIRAL" and "CIRCLE" patterns. Russian Linguistic Bulletin, 6(42), 1–4. (In Russ.)
3. Abdikhanova, N. A., Mammatkhanova, R., Karimova, R. M., Sunnatullayeva, Sh. (2024). Ways of expressing temporal values in Russian / Science & Reality, 2(18), 15–24. (In Russ.)
4. Tsivyan, T. V. (2005). Model' mira i ee lingvisticheskie osnovy = The model of the world and its linguistics foundations. 2nd ed., suppl. Moscow: KomKniga. (In Russ.)
5. Uspenskyi, B. A. (1989). Istoriya i semiotika: (Vospriyatie vremeni kak semioticheskoj problemy). Trudy po znakovymsistemam = History and Semiotics: (Perception of Time as a Semiotic Problem). Works on Sign Systems, 855(23), 18–38. (In Russ.)
6. Zykova, I. V. (2019). Kontseptosfera kultury i frazeologii: Teoriya i metody lingvokulturologicheskogo izucheniya = Conceptosphfere of Culture and Phraseology: Theory and Methods of Linguocultural Analysis. Izd. 2-e. Moscow: LENAND. (In Russ.)
7. Lakoff, G., Johnson, M. (2004). Metaphors We Live By. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
8. Mikheeva, L. N. (2003). Vremya v russkoj yazykovoj kartine mira = Time in the Russian linguistic picture of the world. Ivanovo: Ivanovskij gosudarstvennyj universitet. (In Russ.)
9. Ivanova, L. A. (2018). Vremya v kartine mira dialektnoj yazykovoj lichnosti = Time in the worldview of dialectal linguistic personality: PhD in Philology. Tomsk. (In Russ.)
10. Mitina, I. E. (2017). Anglijskie poslovicy i pogovorki i ih russkie analogi = English proverbs and sayings and their Russian analogues. St.Petersburg: Karo. (In Russ.)
11. Dal', V. I. (2007). Poslovicy russkogo naroda = Proverbs of the Russian people. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
12. The Oxford Dictionary of Proverbs. 5th edition. Oxford: Oxford University Press, 2008.
13. Bukovskaja, M. V., Vjal'ceva, S. I., Dubjanskaja, I., Zajceva, L. P., Birenbaum, Ja. G. Slovar' upotrebitel'nyh anglijskih poslovic (1990) = Dictionary of Common English Proverbs / Moscow: Russki jyazyk. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Щербо Полина Алексеевна
кандидат филологических наук
доцент кафедры английского языка № 1
Московского государственного института международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shcherbo Polina Alekseevna
PhD (Philology)
Associate Professor at the English Language Department №1
Moscow State Institute of International Relations (U)
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	03.02.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	18.02.2025	approved after reviewing
принята к публикации	13.03.2025	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'272

Идиостиль С. А. Клычкова и дискуссия о языке

Н. М. Солнцева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
natashasolnceva@yandex.ru

Аннотация. Цель работы – обозначение стилевых доминант прозы С. А. Клычкова в контексте дискуссии о языке 1934 года. Материал исследования составили романы 1920-х годов «Сахарный немец», «Чертухинский балакирь», «Князь мира». Методами анализа текстов избраны герменевтический, сопоставительный, историко-литературный, биографический. Сделан вывод о том, что сочетание орнаментальной, стихоподобной прозы и народного сказа выявляет в творческой манере Клычкова двух нарраторов. Между ними нет формальной границы, и они ментально едины. Метафоры, сравнения, версейная композиция текста, метрические фрагменты сплавлены с живой речью, что объясняется нарративным принципом «со-словия». Прозвучавшему в ходе дискуссии положению о связи идиостиля и социального портрета писателя предшествовали установки ортодоксальной критики 1920-х годов.

Ключевые слова: Бескин, Горький, орнаментальная проза, рассказчик, сказ, стиль, язык

Для цитирования: Солнцева Н. М. Идиостиль С. А. Клычкова и дискуссия о языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3 (897). С. 122–128.

Original article

S. A. Klychkov's Idiostyle and the Discussion about Language

Natalya M. Solntseva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
natashasolnceva@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to identify the stylistic dominants of S. A. Klychkov's prose in the context of the discussion about language in 1934. The material of the study was the novels of the 1920s «The Sugar German», «Chertukhinsky Balakir», «Prince of World». The methods of text analysis are hermeneutical, comparative, historical and literary, biographical ones. It is concluded that the combination of ornamental, verse-like prose and folk tale reveals in Klychkov's creative manner two narrators, between whom there is no formal boundary and who are mentally united. Metaphors, comparisons, the versioned composition of the text, metrical fragments are fused with live speech, which is explained by the narrative principle «combination of words». The position on the connection between the idiostyle and the social portrait of the writer, which was voiced during the discussion, was preceded by the attitudes of orthodox criticism of the 1920s.

Keywords: Beskin, Gorky, ornamental prose, narrator, fairy tale, style, language

For citation: Solntseva, N. M. (2025). S. A. Klychkov's idiostyle and the discussion about language. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(897), 122–128. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Из задуманного С. Клычковым (1889–1937) девятикнижия «Живот и смерть» были опубликованы романы «Сахарный немец» (1925), «Чертухинский балакирь» (1926), «Князь мира» (1927) и глава из неоконченного романа «Серый барин» (1925). Кроме названных произведений материалом исследования стали статьи Клычкова 1920–1930-х годов, в которых он сформулировал свои эстетические принципы.

Коллег особо привлекает неомифология романов Клычкова [Кислицын, 2011]; в основном авторы диссертаций и научных статей заняты источниками образов и интерпретацией клычковских мифов, их соотношением с реальностью народной жизни и биографией писателя [Солнцева, 2011]. Уникальный стиль его произведений побуждает к литературоведческому и лингвистическому осмыслению возможностей творчества, пониманию слова как мировоззренческой категории [Хлебус, 2024]. Связь авторского голоса и речевой манеры рассказчика дает богатый материал для выявления особенностей языковой личности и ее места в художественном нарративе [Вавулина, Кольцова, 2018; Киселёва, 2011]. Так, А. В. Вавулина и Н. З. Кольцова, обратившись к лексикону, синтаксису, в целом к коммуникативным установкам идиостиля Клычкова, предприняли глубокий анализ лингвофольклорной поэтики в «Чертухинском балакире», дали ответ на вопрос о причинах «трагической мировоззренческой невписанности» писателя в советскую эпоху и «драматичной лингвокультурологической чуждости его текста для “среднеинтеллигентного” современного читателя» [Вавулина, Кольцова, 2018, с. 82]. В его модернистской манере повествования сказ сочетается с орнаментальной прозой и даже со стихоподобной прозой, в которой есть версейность, фрагментарная метрика, внутренние рифмы и рифмованные вставки, повторы, развернутые тропы, лейтмотивы и пр. Как отмечал Ю. Б. Орлицкий, источником строфики его прозы могла быть поэтика символистов, православная литература, народная рифмованная проза [Орлицкий, 2019].

Вместе с тем об идиостиле Клычкова написано крайне мало [Никё, 2011], что свидетельствует о новизне нашего исследования. Кроме того, в статье повествовательные принципы Клычкова описаны в контексте установок известной дискуссии о языке 1934 года, ставших, на наш взгляд, дополнительным фактором творческого молчания писателя в 1930-е годы. Однако, несмотря на ощутимый период своего молчания, Клычков актуален и сегодня. Современные прозаики склонны прислушиваться к его писательскому голосу и в той или иной степени заимствовать у него синтез повествовательных стилей. Актуальность творческой манеры Клычкова объясняется интересом современных прозаиков к синтезу повествовательных стилей.

Задачи данного исследования следующие:

1) указать на основные черты идиостиля романов Клычкова, сделав акцент на речевом двухголосии; при этом применить историко-литературный, сопоставительный, биографический подходы к текстам;

2) с опорой на герменевтический анализ текстов обозначить авторскую аксиологию, ее место в содержании романов и влияние на их стилевую специфику;

3) на основе историко-литературного метода выявить суть эстетического, социального несозвучия романов Клычкова и целей дискуссии о языке 1934 года.

РЕЧЕВОЕ ДВУХГОЛОСИЕ В ИДИОСТИЛЕ РОМАНОВ

Синтез нарративных специфик названных романов выразился в *стилевом* «*диалоге*» *автора* (повествователя), во время учебы в Московском университете сблизившегося с символистами, и *рассказчика*, ориентированного на крестьянскую речевую культуру. Клычков отмечал в автобиографии: «языком обязан лесной бабке Авдотье, речистой матке Фекле Алексеевне и нередко мудрому в своих косноязычных построениях отцу моему»[1]. Между взглядами автора и рассказчика на события романов установилось согласие; автор-повествователь, как и рассказчик, прямодушен, не склонен к осуждению или поучению, верит в чудо, мифологизирует реальность, сроднен с природой. Ментально они близки. И хотя рассказчик является одной из авторских масок, голоса рассказчика и автора не всегда совпадают.

Действительно, уже первые абзацы «Сахарного немца» содержат просторечия («почитай», «спасибочка», «о те поры» и т. п.). От рассказчика в романах частотны сравнения и метафоры, выросшие из «почвы», быта, природности деревенского человека. Примером служит ассоциативный прозаизм в описании ожидания солдатами своей отправки из Гельсингфорса на фронт: «Стоим так день, стоим так два: ни нам из корыта вылезть, ни самому корыту от берега уйти, так и кажется из-за Гельсинга: стоит это корыто у берега, а с берега нагнулась баба рябая – гору мы так прибрежную прозвали, больно камениста да конопаста! — нагнулась баба

[1]Клычков С. Чертухинский балакирь. М., 1988. С. 6.

рябая и в засиненной крепкой синькой воде полощет наши штаны и рубахи, готовит в поход и складает в корыто, колотит вальком на спине у покатой скалы, с которой сбегает вниз мыльная пена» (*С. Клычков. Сахарный немец*)[1]. Или о почерке главного героя, зауряд-прапорщика и поэта Зайчика-Леля, рассказчик сообщает: «посмотришь, и словно по белому снегу пьяные мужики у трактира в Чагодуе валяются» (*там же*).

Авторские описания не уступают речи рассказчика по степени мифологизма, частотности сравнений, метафор, повторов, мотивному построению текста, вниманию к звукописи и ритму – тому, что свойственно *орнаментальной* прозе (например, А. Белого, М. Булгакова А. Малышкина, А. Платонова и др.). Кроме того, в романах С. Клычкова отчетливо проявляется литературный контекст. Например, в «Сахарном немце» значительны гоголевские реминисценции: на эпизод пребывания героя в Петрограде проецируется ситуация из «Невского проспекта», в лирических отступлениях звучат интонации отступлений из «Мертвых душ».

Характерно композиционное сближение повествовательных стратегий рассказчика и автора. Например, живая речь рассказчика («Можешь не слушать, а что соврать, коли доведется, так совру подчас, ей-Богу, – сказать больше, чем правду!..») соединена с поэтичным авторским описанием мельниковой дочки: «В глазах у нее колыхалась такая бездонная синь, будто сама весенняя полночь со своими звездами и с месяцем посередине упала ей на глаза, и она ничего уж, кроме густо насыпанных звезд, кроме высокого месяца да под месяцем отливающей месячной синью воды, – ничего уж не видит!..» (*С. Клычков. Чертухинский балакирь*). Во всех романах литературный язык смыкается со стилем рассказок, быличек, поговорок.

Сказовое повествование в произведениях больших жанров – смелое новаторство. Показательный пример – работа И. С. Шмелёва над романом «Няня из Москвы» (с 1932 года по 1933 год), в котором история семьи эмигрантов ведется от лица простолюдинки. Сказ писателю давался трудно: «Руки связал себе, свободы себя лишил как рассказчика, который волен дополнять и уяснять»[2]. Клычкову сказ, судя по его «летучим твореньям», давался легко. Причем сказовая интонация свойственна и рассказчику, и автору-повествователю, между их голосами нет формальной границы. Такое двухголосие объясняется нарративным принципом Клычкова – «со-словием», сформулированным в его литературоведческом эссе «Лысая гора» (1923).

Стиль «*прозы поэта*» с его эпизодической метризацией, внутренними рифмами, версейной строфой, тропеизацией, кантиленностью был непривычен для изображения крестьянской жизни. Например: «у окна сидит, облокотившись на подоконницу полной рукой, прекрасная царевна Дубравна, и ни печали теперь у нее на лице, ни тревоги, машет она Петру Кирилычу белой рукой, манит его и зовет на крыльцо»; «умные звери не выходят зимой из берлоги»; «синё оно, как только синё перед утром, когда по всей земле проходит последний утренний сон, столь сладкий, что от него и у звезд слипаются веки» (*С. Клычков. Чертухинский балакирь*). Причем язык поэзии присущ и рассказчику, и автору. Г. Адамович, как следует из его рецензии на «Чертухинского балакиря», посчитал стиль романа «неорусским», «книжно-деревенским», «подделкой под народность», тогда как русская речь развивается через «галлицизмы, итальянизмы»[3] и т. д. Критика, адресованная С. Клычкову Г. Адамовичем, во многом импрессионистическая, субъективная и поучающая. Так и язык Н. Лескова, по Адамовичу, — «тщедушный и ничтожный»[4]; известен его учительский тон по отношению к произведениям И. Шмелеёва и особенно М. Цветаевой, не вписавшейся в «парижскую ноту». В замечании Адамовича о том, что роман «вызвал много толков» и критики «заняты Клычковым»[5], проступает раздражение. Но и Горький с настороженностью относившийся к крестьянству, не одобрил сплетения сказовой речи и «прозы поэта». В достаточно комплиментарном письме к Клычкову по поводу «Сахарного немца» он все же выразил свое недовольство «гекзаметром»[6], которым, скорее всего, обозначил метрические фрагменты предложений и абзацев.

Герои Клычкова — простодушные искатели ответов на константные вопросы бытия и веры. Он не писал ни о дикости деревни, ни о темной психике ее обитателей — ни о чем таком, что отвечало бы идеологемам ортодоксальных критиков 1920-х годов. Напротив, в романах говорится о творческом даре крестьянина: «всякий человек по своей природе большой мечтун и небылишник. Особливо мужик: есть такие словогоны среди нашего брата! <...> слово за слово не зацепится, а как песок меж пальцев — не остановить...» (*С. Клычковв. Чертухинский балакирь*). Такими «словогонами» из крестьян предстают и рассказчик, и повествователь.

[1]Художественные произведения и статьи С. А. Клычкова цитируются по: Клычков С. А. Собрание сочинений: в 2 т. / вступ. ст. Н. М. Солнцевой, сост. и коммент. М. Никё, Н. М. Солнцевой, С. И. Субботина при участии Г. Маквея. М., 2000.

[2]Переписка двух Иванов (1927–1934) / сост., вступ. ст., коммент. Ю. Т. Лисицы. М., 2000. С. 359.

[3]Адамович Г. В. Собрание сочинений: Литературные беседы. Кн. 2 / редкол. О. А. Коростелеёв и др. СПб., 1998. С. 125.

[4]Там же. С. 126.

[5]Там же. С. 124.

[6]Архив А. М. Горького. Пг-рл 1875/1.

При этом Клычков сохранил дистанцию между персонажами и рассказчиком. Например, некоторые истории даны в разных вариантах – и услышанных от односельчан, и скорректированных рассказчиком. Тем самым событию придавались *фольклорные* черты. Неясно, братья-паломники Спиридон и Андрей унесли из афонского монастыря армяк странника Варсонофия или он пропал как-то иначе; рассказчик заключает: «нам трудно об этом судить» (*С. Клычков. Чертухинский балакирь*). Неизвестно, как закончилась жизнь Андрея; рассказчик лишь передает о нем «слухи и сказки»: то ли он убежал из армии, его поймали и «больно отпороли корьем» (*там же*), то ли он из тюрьмы убежал, то ли его убили, то ли сам умер. В «Князе мира» крестьяне сообщают о зачатии сиротки-подпаска и от праведного старика Михайлы, и от черта-батрака. Подобная неопределенность повторяется из главы в главу, из романа в роман. Рассказчик не всегда надеется на свою память, не во всем доверяет памяти чертухинцев. Кроме того, Клычков, чтобы усилить эффект неочевидности, кажимости события, ввел в повествование *магические мотивировки* происходящего. Например, упомянув, как сильно матюкнулся Сенька Цыган и как отреагировала на это его покойная мать, он подмечает: «кажется, родная мать его, косоглазая, царство ей небесное, Домна, высунулась с погоста и покачала на сынка головой...» (*там же*). Или балакирь видит лося с золотыми рогами, но сомневается: возможно, на зверя лег первый рассветный луч – «утром может все показаться» (*там же*).

И язык романа, и поэтизация крестьянских воззрений на природу вещей – от неразменного рубля до движения небесных тел – вступали в конфликт с рассуждениями Горького («О русском крестьянстве», 1922) о крестьянском варварстве, невежестве, консерватизме и даже природной свирепости. При этом Клычков, отнюдь не идеализируя крестьян, изображал и их пороки, и их религиозные блуждания. Решая сквозной в своих романах вопрос о теодицее, он возложил вину за многие несуразности деревенской жизни не на Создателя, не на черта, а на человека.

Показательно отношение Клычкова к инициированной Горьким в 1930-е годы дискуссии о языке. Он ее приветствовал, хотя вышеупомянутая дискуссия несла угрозу его идиостилю. Во-первых, дискуссия привела к победе в советской литературе стиля русских классиков-реалистов, но он стал нормативным и авторитарным, тогда как сказ, орнаментальная и в целом модернистская проза были отодвинуты на маргинальные позиции.

Такая литературная стратегия принципиально противостояла многообразию стилей в Серебряном веке. Она же привела к конфликту интересов, поскольку проза 1920-х годов (и революционная, и идеологически нейтральная, и оппозиционная) оказалась восприимчивой к стилевому опыту и модернистов, и неореалистов предшествующего периода. Во-вторых, в ходе дискуссии литературный стиль был увязан с торжеством мировоззренческого монизма, а точнее – с социалистической идеей.

В статье Горького «О социалистическом реализме» (1933) утверждалось, что настоящая красота языка достигается точностью, ясностью слов, их правильной расстановкой в предложении. Кроме того, вкус к слову Горький увязывал со знанием писателем социальных явлений современности и «гордым, радостным пафосом». По мысли Горького, он под силу социалистическому реализму, который создавался «только на фактах социалистического опыта»[1]. В статье «По поводу одной дискуссии» (1934) Горький, говоря об образности народного языка, раскритиковал нелепый и уродливый, с его точки зрение, глагол «скукожился», встретившийся ему в повести А. Неверова «Ташкент — город хлебный» (1923). С ним, как известно, не согласился автор «Брусков» (1928–1937) Ф. Панфёров. Горький, упрекнув самого Панфёрова в стилевой небрежности и припомнив ему его «обезрадить», «блевать, где застанет блевотина», «притоптывая ногой, точно она была костяная», «базынить», «подъялдыкивать» и прочий «хлам»[2], вновь заговорил о точности в выборе слова. В «Открытом письме А. С. Серафимовичу» (1934) Горький вступил в полемику с Серафимовичем — автором «вредоносной» «статейки»[3] «О писателях “облизанных” и “необлизанных”» (1934), в которой, по мнению Горького, содержалась попытка канонизировать Панфёнова. Серафимович относил Панфёрова к необлизанным прозаикам, в стиле которых не было ровности, вычищенности, встречалась некая корявость. Серафимович считал, что Панфёров намеренно создал язык, через который выразил здоровую мужицкую силу, укорененную в сознании персонажей. Но для Горького мужицкая сила – «социально нездоровая», с «инстинктом мелкого собственника», выраженная «в формах зоологического озверения», питающаяся «властью земли», потому партийная работа и была направлена на то, чтобы «вытравить из сознания мужика <...> эту “силу”»[4]. Отметим, что проявившаяся в крестьянских мятежах 1920–1921 годов «власть земли» оставалась по-прежнему опасной и в 1930-е

[1]Горький А. М. О литературе: Литературно-критические статьи. М., 1955. С. 616.
[2]Там же. С. 651, 652.
[3]Там же. С. 653.
[4]Там же. С. 654.

годы. В этой же статье Горький указал на «злостное издевательство над языком» в современной литературе, он призвал к «беспощадной борьбе за очищение литературы от словесного хлама, борьбе за простоту и ясность нашего языка, за честную технику, без которой невозможна четкая идеология»[1]. Следующий шаг Горького в отстаивании литературной нормы был сделан в статье «О бойкости» (1934): «мусор уродливо придуманных слов»[2] был обозначен писателем как препятствие в борьбе за социализм.дело будушего (в том виде, в каком его понимал классик советской литературы). Однако попутно Горький внес в свою статью отчетливо ретроспективную ноту, критически отозвавшись и о стилевом опыте писателей Серебряного века. Засорявшими литературный язык были названы В. Хлебников и А. Белый, хотя была оговорка: у них можно чему-то поучиться. Дискуссия, начатая как эстетическая полемика, переросла в наступление на идеологически ненормативную литературу.

Клычков был мастером сказа и орнаментального стиля. Кроме того, он изображал доколхозного мужика, а о жизни при «большаках» писал с грустью. Ситуация осложнялась мистическими и магическими смыслами его романов. Знаковой стала статья Горького «О языке» (1934). В ней он клеймил «творцов лжи» – «теологов, церковников и философов»[3], которые растлевали разум человека и боролись против социальной правды.

Во многом критика такого «хлама», как «мура», «буза», «волынить», «шамать», «дай пять» и т. п., была своевременной, поскольку в литературу вливались потоки не слишком образованных авторов. Например, 1 января 1924 года ВОКП (Всероссийское общество крестьянских писателей) насчитывало 40 членов, 1 января 1927 года – 472, 1 января 1928 года – 783, 1 января 1929 года – 903. В этом отношении выступления Горького в защиту литературного языка были для Клычкова радостным событием, как он сам написал в статье «О лягушках и устрицах» (1934). Причина, по которой статья не была опубликована, неизвестна. К позиции Горького, Клычкова, по-видимому, приблизила его собственная забота о сохранении языка классиков. Еще до дискуссии и до появления первого романа Клычкова вышла его статья «Лысая гора» (*«Красная новь». 1923. №5*), в которой он полемизировал с формалистическими исканиями поэтов и выступал в защиту прозрачности смысла произведения (первый вариант статьи был издан 30 октября 1922 года в еженедельнике «Новости» под заглавием «Утверждение простоты»). Он спорил с Н. Асеевым – автором «Писем о поэзии» (1922)[4], в которых шла речь о стихах Б. Пастернака, включенных в его книгуе Б. Пастернака «Сестра моя жизнь» (1933). Асеев утверждал, что выразительность и есть истина поэзии. Многообразие технических возможностей поэтики Пастернака Асеев противопоставил простоте, которой поэты довольствовались ранее. Он призывал читателей остерегаться легкости восприятия: «завтра ты о ней не вспомнишь, об этой легкой наживе. Она, как вода сквозь пальцы, уйдет, оставив пустыми руки. Сколько их за твою жизнь прошло сквозь пальцы. Бальмонт, Северянин и десятки других»[5]. Клычков, обратившись к поэтике А. Мариенгофа, В. Маяковского, Б. Пастернака, С. Есенина-имажиниста, В. Хлебникова, полагал, что поиски выразительной формы завели поэзию в тупик – к «алгебре и геометрии», а понятие «поэт» подменили понятиями «мастер», «искусник»[6]. Такому выводу созвучна фраза из его романа: «Мудрость и простота – это от Бога» (*С. Клычков. Чертухинский балакирь*).

Но было в «Лысой горе» положение, принципиально не созвучное пафосу статей Горького. Клычков считал, что нет плохих и хороших слов, а есть оптимальный лексический контекст, «брачевание» слов, гармоничный «словесный хоровод», в котором «каждая девка красна» — даже старая, рябая, «косоногая»[7]. Точка зрения Клычкова соответствует эстетическим критериям Есенина, во вступлении к «Стихам скандалиста» (1923) написавшего о том, что нет нечистых слов, что корявые слова не чужие литературному языку; кроме того, в «Ключах Марии» (1918) Есенин развил свою концепцию органического образа. В статье о «Лягушках и устрицах» Клычков прямо заявил: «не соглашусь с Горьким»[8]. Он утверждал, что суждение о плохом и хорошем слове недостаточное. Он даже признался, что ему нравится слово «скукожиться»: «Прекрасное слово! Выразительное слово!», если сохраняются «со-словные отношения»[9]. Эта же мысль прозвучала в предисловии к сборнику его переводов «Сараспан» (1936).

С одной стороны, принцип «со-словия» допускает свободное сочетание орнаментального стиля и прозаизмов, просторечий, с другой – предполагает сохранение фонетической, ритмической гармонии слов. Материала о поиске Клычковым нужного слова крайне мало, ни одного рукописного или машинописного формата романов не

[1]Там же. С. 654.
[2]Там же. С. 658.
[3]Там же. С. 665.
[4]Асеев Н. Н. Письма о поэзии («Сестра моя жизнь» Пастернака) // Красная новь. 1922. № 3. С. 249–253.
[5]Там же. С. 253.
[6]Клычков С. А. Собрание сочинений: в 2 т. Т. II. С. 477.
[7]Там же. С. 483.
[8]Там же.Клычков С. А.Собрание сочинений: в 2 т. Т. II. С. 530.
[9]Там же.

сохранилось. Но отдельные машинописные страницы «Чертухинского балакиря» (из глав «Две Устиньи» и «Тот свет») дают представление о выборе оптимального варианта. Например, «цепкие руки рвут друг другу косы» он заменил на «цепкие руки вклещились в косы»; «подмяла ее под себя, как овцу нестриженную» он исправил на «подмяла ее под себя, как овцу в стрижку»; «только самого главного не доставало – мужика у Маши не было!» исправлено на «только самого главного не доставало, утроба была заперта, как амбар с хлебом»[1] и т. д.

Еще до дискуссии о языке Клычков в эстетическом, политическом, философском смыслах представлял рапповцам если не угрозу, то помеху. Критиками и ранее было озвучено указание на связь стиля и социального портрета писателя. Ученый секретарь Института литературы и искусства Комакадемии (1929–1931) О. Бескин в статье «Кулацкая философия и дидактика» (1929–1930) писал о спайке идеи и языка: «Ужом вьется общественное, классовое credo Клычкова меж роскошных зарослей “ядреного языка”. <…> Клычков хитрит»[2]. В статье «О зайце, зажигающем спички» (1929) Клычков высказался о «мучительном чувстве», с которым ему приходилось читать о себе критику, «принявшую совершенно очевидный характер травли»[3], и о своем желании освободиться от подозрений в нелояльности к социалистическому строительству. Она была ответом на идеологические обвинения в его адрес, высказанные Бескиным в статье «Бард кулацкой деревни» (1929). Бескин обвинял Клычкова в том, что тот не изображал современной деревни, а его русский стиль и тема народного духа исходили из триады «самодержавие, православие, народность». Но Клычков не столько оправдывался, сколько наступал на политизированные обвинения Бескина и даже на антиесенинские «Злые заметки» (1927) Н. Бухарина, определившие дальнейший тон выступлений критиков, например на страницах журнала «Земля Советская», против новокрестьянской литературы. Он выбрал тактику не отступления, но сдерживания оппонента. В статье «Свирепый недуг» (1930) Клычков назвал переделку крестьянского сознания социальным нахрапом.

Клычков, по-видимому, мыслил в русле «России и славянства» (1869) Н. Я. Данилевского, верил в самостоятельное развитие цивилизаций, их эволюцию по биологическому типу. В его прозе, поэзии, эстетических приоритетах первичную ценность представляла органичность культурной, хозяйственной, религиозной жизни народа, потому стремительное переформатирование основ народной жизни он расценивал как умерщвление того живого и перспективного, что в ней заложено. Клычков, вслед за почвенниками, не высказывался против промышленного развития страны, в целом европейской культуры, но и не принимал материализма. Кроме того, он не был апологетом крестьянской общины, что особенно прозвучало в «Князе мира», но высоко ценил личность, ищущую бытийных истин.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В стиле прозы Клычкова сфокусированы как его мировоззренческие, так и сугубо эстетические приоритеты. Доминирующий принцип его языковой стратегии и критерий художественности – «со-словие», т. е. смысловое, ритмическое, фонетическое, интонационное согласие слов во фразе и тексте в целом. Такое согласие выражается в гармоничном сочетании литературной лексики и просторечий, тропов и автологического стиля, языка повествователя и рассказчика, а также в сплавлении орнаментального и сказового стилей, специфики «прозы поэта».

В ответах Клычкова на хулу за так называемые кулацкие идеалы, консерватизм, черносотенство, национализм, мистицизм, реакционность, политический пессимизм проявились и его убеждения, и предчувствие своей полной отмены. Он принял создание единого Союза советских писателей, но сбылись его опасения: «как бы при новом руководстве не создалась новая олигархия, при которой проявление самостоятельного творчества художника не было бы еще больше урезано»[4]. Дискуссия о языке в определенном смысле развивалась в русле такого урезания.

[1]РГАЛИ. Ф. 2862, оп.1, ед. хр. 64.
[2]Бескин О. М. Кулацкая художественная литература и оппортунистическая критика. М.: Коммунистическая академия, 1930. С. 32.
[3]Клычков С. А. Собрание сочинений. Т. II. С. 501.
[4]Клычков С. А. Собрание сочинений: в 2 т. Т. II. С. 522.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кислицын К. Н. Поэтика магического реализма в прозе С. А. Клычкова // Сергей Антонович Клычков. Исследования и материалы. М.: Литературный институт имени А. М. Горького, 2011. С. 87–94.
2. Солнцева Н. М. Творчество С. А. Клычкова как предмет научного изучения // Сергей Антонович Клычков. Исследования и материалы. М.: Литературный институт имени А. М. Горького, 2011. С. 14–23.

3. Хлебус М. А. Слово как мировоззренческая категория в творчестве С. А. Клычкова // Профессорский журнал. 2024. № 2 (18). С. 22–32.
4. Вавулина А. В., Кольцова Н. З. Языковая личность рассказчика в романе С. Клычкова «Чертухинский балакирь» // Язык, литература, культура. Актуальные проблемы изучения и преподавания. 2018. Вып. 14. С. 81–100.
5. Киселёва Л. А. «Певец» и «Балакирь» в творчестве Сергея Клычкова // Сергей Антонович Клычков. Исследования и материалы. М.: Литературный институт имени А. М. Горького, 2011. С. 165–174.
6. Орлицкий Ю. Б. В традициях народной рифмованной прозы: стиховое начало в прозе С. Клычкова // Стих и проза в культуре Серебряного века. 2-е изд. М.: ЯСК, 2019. С. 309–321.
7. Никё М. Образные сравнения в клычковской прозе: типология и функции // Сергей Антонович Клычков. Исследования и материалы. М.: Литературный институт имени А. М. Горького, 2011. С. 95–107.

REFERENCES

1. Kislitsyn, K. (2011). Poe`tika magicheskogo realizma v proze S. A. Kly`chkova = The poetics of magical realism in S. A. Klychkov's prose: Sergey Antonovich Klychkov. Research and materials (pp. 87–94). Moscow: Literaturnyj institut imeni A. M. Gor'kogo. (In Russ.)
2. Solntseva, N. M. (2011). Tvorchestvo S. A. Kly`chkova kak predmet nauchnogo izucheniya = Creativity of S. A. Klychkov as a subject of scientific study . Sergey Antonovich Klychkov. Research and materials (pp. 14–23). Moscow: Literaturnyj institut imeni A. M. Gor'kogo. (In Russ.)
3. Khlebus, M. A. (2024). Slovo kak mirovozzrencheskaya kategoriya v tvorchestve S. A. Kly`chkova = The word as a worldview category in the work of S. A. Klychkov. Professorial journal, 2(18), 22–32. (In Russ.)
4. Vavulina, A. V., Koltsova, N. Z. (2018). Yazy`kovaya lichnost` rasskazchika v romane S. Kly`chkova «Chertuhinskij balakir`» = The linguistic personality of the narrator in S. Klychkov's novel «Chertukhinsky Balakir»: Language, literature, culture. Actual problems of studying and teaching, 14, 81–100. Moscow: MAKS Press. (In Russ.)
5. Kiseleva, L. A. (2011). «Pevecz» i «Balakir`» v tvorchestve Sergeya Kly`chkova = «The Singer» and «Balakir» in the works of Sergei Klychkov: Sergey Antonovich Klychkov. Research and materials (pp. 165–174). Moscow: Literaturnyj institut imeni A. M. Gor'kogo. (In Russ.)
6. Orlitsky, Yu. B. (2019). V tradiciyax narodnoj rifmovannoj prozy`: stihovoe nachalo v proze S. Kly`chkova = In the traditions of folk rhymed prose: the poetic beginning in S. Klychkov's prose. Orlitsky Yu. B. Verse and prose in the culture of the Silver Age (pp. 309–321). 2nd ed. Moscow: YaSK. (In Russ.)
7. Nike, M. (2011). Obrazny`e sravneniya v kly`chkovskoj proze: tipologiya i funkcii = Figurative comparisons in Klychkov's prose: typology and functions: Sergey Antonovich Klychkov. Research and materials (pp. 95–107). Moscow: Literaturnyj institut imeni A. M. Gor'kogo (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Солнцева Наталья Михайловна
доктор филологических наук, профессор
профессор филологического факультета
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Solntseva Natalia Mikhailovna
Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor of the Faculty of Philology
Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию	03.02.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	18.02.2025	approved after reviewing
принята к публикации	13.03.2025	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'272

Мультикультурная британская проза: роман Элиф Шафак «Остров пропавших деревьев»

Л. Н. Юзмухаметова

Казанский федеральный университет, Казань, Россия
land_yz@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются актуальные тенденции в современном британском мультикультурном романе. Тема раскрывается на примере творчества известной британско-турецкой писательницы, феминистки, правозащитницы и активного гражданского деятеля Элиф Шафак. Цель данного исследования – выявление тематического разнообразия и проблематики текста, а также их связи с такими феноменами, как память, постпамять, посттравматический рост. Автором используются культурно-исторический, психоаналитический, структуралистский методы. Актуальность работы определяется значением творчества мультикультурной писательницы – Элиф Шафак именно в контексте британской литературы с учетом вклада данного автора в историю современного британского романа.

Ключевые слова: Элиф Шафак, мультикультурный британский роман, феминизм, Восток – Запад, современная зарубежная проза, эмиграция, травма, посттравма, посттравматический рост

Для цитирования: Юзмухаметова Л. Н. Мультикультурная британская проза: роман Элиф Шафак «Остров пропавших деревьев» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3 (897). С. 129–135.

Original article

Multicultural British Prose: Elif Shafak's Novel Island of Missing Trees"

Landysh N. Yuzmukhametova

Kazan Federal University, Kazan, Russia
land_yz@mail.ru

Abstract. This article examines current trends in contemporary British multicultural novel. The topic is revealed on the example of the work of the famous British-Turkish writer, feminist, human rights activist and active civic figure Elif Shafak. The purpose of this study is to study the thematic diversity and problems of text, as well as their relationship with such phenomena as memory, memory, post-traumatic growth. The author uses cultural-historical, psychoanalytic, structuralist methods. The relevance of the work is determined by the study of the work of the multicultural writer - Elif Shafak precisely in the context of British literature and with the focus of the contribution of this author to the history of the contemporary British novel.

Keywords: Elif Shafak, a multicultural British novel, feminism, East – West, contemporary foreign prose, emigration, trauma, post-trauma, post-traumatic growth

For citation: Yuzmukhametova, L. N. (2025). Multicultural British prose: Elif Shafak's novel "Island of Missing Trees". Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(897), 129–135. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Элиф Шафак – современная британская писательница с турецкими корнями. Ее произведения переведены более чем на 50 языков мира, активная общественная деятельница, правозащитница, феминистка. Творчество писательницы стоит наряду с творчеством таких молодых талантливых мультикультурных авторов Великобритании, как З. Смит, М. Али, М. Хамид, К. Шамси и др. Ее романы последних лет написаны на английском языке, описываемые в них события происходят в Великобритании и Турции, затрагивают проблемы эмиграции, прав человека, гендерного и расового равенства, однополых браков, экологии, войн, геноцида, что дает нам возможность говорить о ее огромном вкладе в развитие мультикультурной британской литературы. В своих интервью Э. Шафак отмечает, что на ее становление как писательницы повлияло творчество таких именитых мастеров слова, как Ч. Диккенс, М. Сервантес, В. Вульф, Ф. Достоевский, Г. Гарсиа-Маркес, Т. Моррисон, Х. Л. Борхес, Д. Руми. Э. Шафак, в первую очередь, обращает внимание на «нерассказанные истории» различных меньшинств, которые забыты, стерты из памяти, она ищет места, где живет молчание, и людей, которых заставили молчать. Писательница сама же говорит о том, что она хотела бы увидеть свою прозу в роли моста между устной и письменной культурой, Западом и Востоком, духовным и материальным, сюрреалистичным и политическим, юмором и меланхолией, соединяющих, казалось бы, разные идентичности, места и времена воедино, изображая истину о том, что каждое явление и человек взаимосвязаны между собой[1].

Элиф Шафак родилась в 1971 году в Страсбурге, ее отец занимался там своей докторской диссертацией. Однако родители вскоре развелись, и Э. Шафак вместе с матерью вернулась в Анкару. Мать писательницы построила успешную карьеру дипломата, но замуж уже больше не выходила. Писательница в своих интервью замечает, что ей не хватило внимания отца, и она чувствовала себя другим ребенком: забытым[2]… Ее воспитание преимущественно женщинами, отсутствие отца и жизнь вне традиционной турецкой патриархальной семьи повлияли на творчество писательницы, которая создала образы сильных, независимых восточных женщин, а также много говорит о вызовах, с которыми сталкиваются современные феминистки по всему миру. Э.Шафак живет в Лондоне с 2013 года, имеет британское гражданство.

Э. Шафак – обладательница многих международных наград за литературное творчество, например, в 2019 году ее роман «10 минут и 38 секунд в этом странном мире» вошел в шорт-листы престижных премий в области английской словесности Букер и Ондатже, а также был признан книгой года книжной компанией «Blackwell». Одним из ее самых известных произведений последних лет является роман «Остров пропавших деревьев», он вошел в шорт-листы Женской премии за художественную литературу в 2022 году и Британской книжной премии в 2023 году.

Задачей исследования является анализ проблемно-тематического уровня романа, связанного с особенностями репрезентации в тексте таких культурных феноменов, как память, постпамять и посттравматический рост. Для реализации поставленных задач используются культурно-исторический, психоаналитический, структуралисткий методы. Актуальность работы определяется изучением творчества мультикультурной писательницы – Элиф Шафак именно в контексте британской прозы и с точки зрения вклада данного автора в историю современного британского романа. Роман «Остров пропавших деревьев» ранее не привлекал в отечественном литературоведении должного внимания. Между тем данное произведение по своим идейно-художественным особенностям, является одним из знаковых романов в современной мультикультурной британской литературы. Всё это определяет новизну и практическую значимость представленной статьи.

Последние десятилетия написано немало исследовательских работ по мультикультурной британской литературе. Теоретической базой для понимания сути мультикультурного британского романа для нас послужили докторские диссертации С. П. Толкачева и О. Г. Сидоровой [Толкачев, 2004; Сидорова, 2005], а также работы авторитетных современных зарубежных исследователей, таких как Y. Alibhai-Brown, T. Modood, C. S. Saad [Alibhai-Brown, 2001; Modood, 2007; Saad, 2017]. В отечественном литературоведении есть ряд исследований по Э. Шафак. Ее произведениям посвящены научные статьи М. М. Репенковой, Л. В. Софроновой [Репенкова, 2014; Софронова, 2011] и др., которые дали нам общее видение творчества Э. Шафак. В постижение проблематики и поэтики исследуемого произведения внесли вклад работы зарубежных ученых, а именно статьи F. Chaudhary и A. Munawar, а также M. Iqbal, M. Imran и H. Babar [Chaudhary, Munawar, 2023; Iqbal, Imran, Babar, 2023].

На рубеже XX–XXI гуманитарии по всему миру стали активно обсуждать такие понятия, как травма, посттравматический рост, память, постпамять. В изучение травматической памяти и ее интерпретации внесли большой вклад такие исследователи,

[1]The Booker Prize. 5.07.2024
[2]The Guardian. 18.07.2021

как Дж. Александер, А. Ассман, Дж. Верч, К. Карут, Д. Лакапра, Й. Рюзен, П. Хаттон и др. Ведущие отечественные ученые отмечают, что жертвами травмы являются не только прямые участники трагедии, но и ее свидетели, далее потомки, и «опираясь лишь на нарративы и семейные реликвии, а также наблюдая за поведением своих пожилых родственников, те должны напрягать всё свое воображение, чтобы проникнуть в тайны трагического прошлого» ([цит. по: Шнирельман, 2021, с. 10–11]. По мнению М. Хиршу, такая память называется *постпамятью* [Hirsch, 1999]. Однако также возможна ошибка памятей разных поколений, которые по-разному интерпретируют и оценивают былую травму [Ассман, 2016].

Говоря о таком интересном феномене, как посттравматический рост, который проходят уцелевшие после тяжелой травмы, невозможно не упомянуть имена целого ряда исследователей. К их числу относятся Тадеши и Калхаун, которые сначала использовали такие термины, как «трансформация травмы», «позитивные аспекты», «воспринятые выгоды», однако потом остановились на термине «посттравматический рост» [Tedeschi, Calhoun, 1996].

Джеффри Хартман представил базовые аспекты теории травмы: «Возникает теория, сосредотачивающаяся на взаимосвязи слов и травмы и помогающая нам “прочитать рану” с помощью литературы… Теория основана преимущественно на психоаналитических источниках, хотя на нее сильно влияет литературная практика»[1] [Hartman, 1995, с. 537]. Дж. Хартман указывает на два основных элемента, которые становятся предметом исследования ученого: 1) травмирующее событие, скорее зарегистрированное, чем пережитое; 2) воспоминание о событии.

ЭМИГРАЦИЯ, ТРАВМА И ПАМЯТЬ

Тема эмиграции, сложное подвешенное состояние покинувшего родину человека, проблема корней и преданность им – эти классические мотивы для мультикультурной британской прозы в целом, начиная с «Загадки прибытия» В. С. Найпола, и для творчества Э. Шафак, в частности, занимают большое место и в этом романе. Оппозиция чужая земля-родина является очень значимой, центральной философской категорией в мультикультурной литературе. Например, С. Рушди вынес эту тему даже в заголовок своего сборника критических эссе, назвав его «Imagenary homeland».

Роман «Остров пропавших деревьев» повествует об истории любви турецкой девушки Дефне и грека Костаса, события разворачиваются с 1970-х по конец 2010-х годов на Кипре и в Лондоне. Война между двумя народами – киприотами и турками – становится причиной 25-летней разлуки двух любящих сердец, а неприятие этого союза их родственниками, тяжелые воспоминания о войне, потеря близких друзей приводят Дефне к алкоголизму и последующим за этим самоубийству. Однако есть в романе и обнадеживающая история Ады – дочери Дефне и Костаса. Она стремится узнать правду о прошлом своих родителей, своего народа и своих корнях, хотя родители, в особенности мама, хотят ее уберечь от этого, не учат ее родным языкам (турецкому и греческому), тщательно избегают разговоров с ней о жизни на Кипре. Зарубежные литературоведы, обращая внимание на позицию Ады в романе и ссылаясь на труды психоаналитиков, отмечают, что «Тедеши, который ввел термин “посттравматический рост”[2] после эксперимента с пережившими травму, описывает последующий опыт пострадавших как рост и позитивный психологический эффект, как результат встречи со сложными событиями в жизни. В таких случаях травма может быть высокоплодотворной почвой для личного роста и дать человеку свежий объектив для наблюдения жизни. Хотя Ада не проходила травматический опыт, ее знакомство с историей семьи дает ей новый смысл жизни. Прошлое было скрыто от нее и раскрытие истоков молчаливого страдания ее родителей дает ей смелость увидеть вызовы в своей жизни»[3] [Chaudhary, Munawar, 2023, с. 211].

Для романа характерна сложная субъектная организация: повествование ведется от лица автора и фигового дерева. Смоковница, растущая в таверне гомосексуальной пары грека Йоргаса и турка Юсуфа, становится свидетелем ужасающих событий и красивой любви обитающих на острове главных героев романа. Ей же приходится пройти через трудности эмиграции и поселится на английской земле вместе с героями повествования. Действие романа разворачиваются на земле бывшей британской колонии – Кипре, и в тексте из уст героев этот исторический факт неоднократно повторяется: «нельзя забывать о колониализме» (Э. Шафак. Остров пропавших деревьев), «колония помнит то, что отдельные ее члены давно забыли» (Э. Шафак. Остров пропавших деревьев).

В анализируемом романе оппозиция «свой» – «чужой» тесно переплетается с темой памяти, которую символизируют корни фигового дерева. Исследователь современной британской литературы О. Г. Сидорова отмечает, что «в постколониальном пространстве актуализируется оппозиция “свой” – “чужой” но “чужой” в данном случае – это

[1]Перевод с английского наш. – *Л. Ю.*

[2]См.: [Tedeschi, Parl, Calhoun, 1998; Tedeschi, Calhoun, 2004]. Примечание наше. – *Л. Ю.*

[3]Перевод с английского наш. – *Л. Ю.*

необходимый элемент для осознания альтернативности культуры» [Сидорова, 2005, с. 24]. Костас и Дефне, их дочка Ада, которая рождается уже в Англии, и смоковница находят свое пристанище на чужой земле. Человек в тексте репрезентируется как один из членов большой экосистемы, в которой у каждого живого существа есть душа, а значит и любовь к родине. Люди, как и птицы эмигрируют, иногда непонятно почему, ведь эмиграция иногда значит самоубийство: «ученые даже называют такое явление генетической предрасположенностью к самоубийству» (*Э. Шафак. Остров пропавших деревьев*); «путешествие далось попугаям нелегко <…> Один попугай погиб» (*там же*).

Тоска по родине утверждается в тексте как нечто такое, что ведет к самоубийству. Это подтверждается и концом жизни главной героини Дефне, а также фигового дерева, погибающего от кольцевого повреждения, которое «может возникать в силу самых разных причин. В данном случае молодое деревце, прежде чем высадить в землю, выращивали в круглом контейнере. <…> Если вовремя не обнаружить окольцовывающие ствол корни, нагрузка на дерево становится слишком сильной, чтобы оно могло ее вынести» (*там же*). Как указывает сам автор, «роман посвящается эмигрантам и изгнанникам…» (*там же*). Тоска по родине заявляет о себе на протяжении всего романа, смоковница, которую «удочерила» Англия, в самом же начале романа говорит о том, что она каждый день мечтала вернуться на родину, а ближе к концу дерево приходит к выводу, что «может, моя склонность к депрессии объясняется тем, что я дерево-иммигрант и за мной, как за всеми иммигрантами, следует тень другой земли?» (*там же*).

Роман изобилует описанием примет, обычаев, традиций турков и греков, также в традиционном для произведений Шафак ключе в тексте утверждается мысль о том, что по сути эти два народа очень похожи и близки, они островитяне, просто одни и те же вещи называют по-разному: «киприоты, мужчины и женщины, молодые и старые, с юга и с севера, одинаково боятся сглаза, и не важно, как они его называют: мати или назар» (*там же*). Таким образом, в тексте утверждается представление о том, что суеверия по обе стороны границы показывают пример существования в гармонии в отличие от религий, которые борются между собой. Подчеркивая значимость концепции романа, исследователи констатируют, что «репрезентация бикультурализма и третьего пространства у Шафак запечатлевает веху осознания разнообразия и поиска общих точек в обществе, окрашенном историческими диспутами. Ее характеры ищут культурную общность, несмотря на существование жестоких разногласий. Остров сам символизирует третье пространство, а фиговое дерево утверждает божественность острова с его холистическим описанием[1]» [Iqbal, Imran, Babar, 2023, с. 81]. Эти два народа объединяет память и некоторые герои романа, в частности мама Дефны и Марьям искренне верят в то, что киприоты не потеряют рассудок и память, ведь они вместе купали младенцев и собирали урожай.

ВОЙНА И ЛЮБОВЬ КАК ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ ТЕМЫ

В сильной позиции – в эпиграфе романа обозначается ведущая тема текста – тема войны (*Э. Шафак. Остров пропавших деревьев*):

> Он хочет крови. Кровь смывают кровью.
> Преданье есть: сходили камни с мест,
> Деревья говорили…
>
> (*У. Шекспир. Макбет, акт III. Пер. Б. Пастернака*).

Экзистенциальные размышления о смерти, присущие творчеству Элиф Шафак в целом, и здесь занимают важное место: «то, что мы называем рождением, – это не только начало, а смерть – это не совсем конец?» (*Э. Шафак. Остров пропавших деревьев*). Тема скорби переплетается с темой единства этносов и одинаковой боли разных народов, на кипрских надгробиях греческих и турецких вдов содержится одна и та же просьба: «Если вы найдете моего мужа, пожалуйста, похороните его возле меня» (*там же*). Апогеем философских размышлений в тексте, пожалуй, становится идея невозможности достижения счастья человеку, у которого есть память. Когда пожилые киприотки хотят покарать врага, желают ему утратить способность забывать.

Любовь – еще одна центральная стихия романа. Преданная, способная на большие жертвы любовь между Костасом и Дефне, Йоргасом и Юсуфом, становится наряду с памятью главным жизнеутверждающим мотивом, противостоящим разрушительным тенденциям эпохи. Именно она дает надежду, заставляет надеть лучшее платье, воткнуть цветок в волосы посреди руин, отдать свое сердце любимому человеку другой национальности и религии в темные времена.

ФЕМИНИЗМ, ГЕНДЕР И СВОБОДА ВЫБОРА

Роман пронизан феминистическим духом, начиная с фигового дерева, которое Костас называет «она», и заканчивая созданием образов смелых самодостаточных сильных женщин, таких как Дефне, Марьям, Полифонта (мать Костаса) и Ады с их четкой жизненной позицией, преданностью своей правде.

[1]Перевод с английского наш. – *Л. Ю.*

В современной британской литературе феминистская повестка затрагивается нередко и есть ряд исследовательских работ по этой проблеме [Шамсутдинова, 2007]. В тексте неоднократно говорится о непростой женской судьбе, вызовах, с которыми им приходится встречаться на своем жизненном пути и о слове «айип» – стыд, которое сопровождает восточную женщину всю жизнь. Во время диалога Марьям с ее племянницей Адой женщина описывает свою жизнь, полную запретов: «не носи короткие юбки. Сдвигай колени, когда сидишь. Не смейся слишком громко. Не делай этого. Девушки так не делают. Это айип… я больше не хочу наводить порядок» (*Э. Шафак. Остров пропавших деревьев*). Феминизм и однополые браки (показателен пример Йоргаса и Юсуфа) взаимосвязанные темы романа. К ним примыкает и тема смены пола, которая по представлению автора во все времена отражала одно из заветных желаний человечества (В тексте приводится описание древнего ритуала, суть которого заключалась в том, чтобы семь раз обойти вокруг фигового дерева, зажигая благовония и произносить правильные слова, таким образом можно изменить пол). Целая совокупность запретных вопросов, в том числе – вопрос эмиграции формируют традиционную для Эфик Шафак повестку свободы выбора человека, которая заявляет о себе на протяжении всего романа.

ПРОБЛЕМА ЭКОЛОГИИ

Один из центральных персонажей анализируемого нами произведения – это смоковница, которая является прообразом мирового дерева, а также вбирает в себя множество различных символических, религиозных, мифологических значений. С образом смоковницы связана серьезная интертекстуальная составляющая, а также психоаналитический пласт романа. Текст изобилует разными размышлениями о фиговом дереве: «сухожилия истории переплетаются под нашими корнями, прячутся в наших стволах: отголоски войн, которые никому не дано выиграть, кости пропавших без вести» (*Э. Шафак. Остров пропавших деревьев*). В ритуалах со времен античности, в языческих и авраамических религиях дерево наделяется особой сакральной силой, помогающей решить многие материальные и духовные проблемы. Однако дерево в данном тексте связано с важными для современного мира экологическими проблемами. Экологическая тема акцентирована в эпиграфе романа (*Э. Шафак. Остров пропавших деревьев*):

> Кто не знает чилийского леса – не знает нашей планеты. На этих землях, на этой почве родился я, из этого молчания и вышел в мир, чтобы странствовать по нему и петь
>
> (*Пабло Неруда. Признаюсь: я жил. Воспоминания. Пер. Л. П. Сиянская, Э. В. Брагинская, П. М. Грушко*)»

В романе также заявлена такая больная для островитян и для всех людей мира тема, как цивилизация. Она развивается за счет истребления природы, уничтожения кипрских лесов, взамен которых построили дорогие «элегантные виллы и апартамента (*Э. Шафак. Остров пропавших деревьев*). Еще одно побочное явление цивилизации – это истребление певчих птиц – свидетельствует автор романа.

ФЕНОМЕН «ПОСТПАМЯТИ» И «ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО РОСТА»

Остров в тексте – это лакуна, «пробел в истории» (*Э. Шафак. Остров пропавших деревьев*), граница, где останавливаются передохнуть перелетные птицы, куда едут желающие узнать прошлое исследователи, а также эмигранты, запутавшиеся на чужой земле в поисках себя. В колодце (одновременно символ жизни и входа в страну мертвых) находят тела жестоко убитых влюбленных Йоргаса и Юсуфа, правда открывается человечеству, но вместе с этими мертвыми телами в тексте не только открывается ужасающая история Кипра, но и выходят наружу подавленная скорбь, боль вынужденно уехавших киприотов, их бессознательные страхи быть не «своим», не понятым «чужими» на чужой земле. Крик отчаяния Ады перед всем классом на вопрос учительницы: «Ты можешь назвать какой-нибудь предмет, который ему особенно дорог?», – является мощным триггером для психоаналитического потенциала текста. Исследователи романа говорят о том, что «этот крик появляется как символическая вербализация подавленной травмы, молчания и семейных секретов, тщательно скрываемых от нее. Ада чувствует себя исключенной как из истории семьи и традиций, так и из британского общества, где она выросла. Эта маргинализация и исключение восходит к факту, что она не может быть отнесенной к своему прошлому, к родине ее матери и отца из-за отсутствия нарратива. Ее родители никогда не разговаривали с ней об острове, к которому они принадлежали. Молчание вокруг ее истории и корней увеличивается и вызывает кризис идентичности, и она использует крик, чтобы обличить безмолвие, которое было невыносимо более терпеть»[1] [Chaudhary, Munawar, 2023, с. 212].

Описание состояние Ады до и после крика достойно внимания: «звук вибрировал у нее в голове,

[1]Перевод наш. – *Л. Ю.*

упрямо отбивая такт – хрясь-хрясь-хрясь, – однако всё. О чем она могла думать в данный момент, было то, что где-то там, за стенами класса, вне пределов ее досягаемости, прямо сейчас ломаются чьи-то кости» (*Э. Шафак. Остров пропавших деревьев*). Поступок героини приводит к глобальному безумию, когда люди под хештегом *#теперьвыменяслышите* в соцсетях начинают говорить о своей боли, скорби, памяти. И как справедливо отмечает Ада, у каждого в сердце живет своя громадная боль: «Столько боли везде и в каждом! Единственная разница состояла в том, что кто-то умел скрывать эту боль, а кто-то – нет» (*там же*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В романе «Остров пропавших деревьев» во главу угла поставлен экзистенциальный поиск потерянного эмигранта, который пытается стать своим на чужой земле. Эта главенствующая тема тесно переплетается с темой войны, скорби, памяти, колониального прошлого, гендерных меньшинств, феминизма, «зеленой» повесткой. Здесь же в традиционном для Элиф Шафак ключе презентуются такие темы, как отношение к Богу, религии, разность и общность Востока и Запада, точки их соприкосновения и вечного конфликта. Отличительной особенностью произведения является обращение к бессознательным процессам, выдвижение на первый план такого сложного физиологического и психологического явления, как память. Место романа в современном литературном процессе определяет сознательное или, может, бессознательное обращение автора к теории «посттравматического роста», постпамяти). Данный роман, на наш взгляд, презентовал Элиф Шафак не только как серьезного современного британского прозаика, но и как многообещающего мастера психоанализа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Толкачев С. П. Мультикультурный контекст современного английского романа: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004.
2. Сидорова О. Г. Британский постколониальный роман последней трети XX века в контексте литературы Великобритании: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005.
3. Alibhai-Brown Y. Mixed feelings: the complex lives of mixed race Britons. L.: Women's Press, 2001.
4. Modood T. Multiculturalism: A Civic Idea. Cambridge: Polity Press, 2007.
5. Saad C. S. Implicit bias: Do Hidden Attitudes Predict Our Behavior? // Westmont Magazine. 2017. P. 1.
6. Репенкова М. М. Симуляция семьи в романе Элиф Шафак «Искендер» // Актуальные вопросы тюркологических исследований: сборник статей к 75-летию В. Г. Гузева. СПб.: РХГА СПб., 2014. С. 193–202.
7. Софронова Л. В. Массовая литература как продукт глобализации: размышления о жанровом многообразии современной прозы Турции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Литературоведение, журналистика». 2011. № 2. С. 51–58.
8. Chaudhary F., Munawar A. Un-burying the Buried: Exploring Silence and Generational Trauma in Elif Shafak's The Island of Missing Trees // Pakistan Journal of Social Sciences (PJSS). 2023. Vol. 43. № 2. P. 203–215.
9. Iqbal M., Imran M., Babar H. Biculturalism Leading to Third Space Identity: A Postcolonial Analysis of Elif Shafak's The Island of Missing Trees // Al-Qamar. 2023. Vol. 6. P. 73–82.
10. Шнирельман В. А. Травматическая память: подходы к изучению и интерпретации // Сибирские исторические исследования. 2021. № 2. С. 6–29.
11. Hirsch M. Projected memory: Holocaust photographs in personal and public fantasy // Acts of Memory: Cultural Recall in the Present. Hanover: University Press of New England, 1999. P. 3–23.
12. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
13. Tedeschi R. G., Calhoun L. G. The Posttraumatic Growth Inventory: Measuring the Positive Legacy of Trauma // Journal of Traumatic Stress. 1996. Vol. 9. P. 455–471.
14. Hartman H. G. On Traumatic Knowledge and Literary Studies Source. New Literary History. The Johns Hopkins University Press, 1995. Vol. 26. № 3. P. 537–563.
15. Tedeschi R. G., Park C. L., Calhoun L. G. Posttraumatic growth: Conceptual issues // Posttraumatic growth. New York: Routledge. 1998. P. 9–30.
16. Tedeschi R. G., & Calhoun L. G. Posttraumatic growth: conceptual foundations and empirical evidence // Psychological Inquiry. 2004. Vol. 15. № 1. P. 1–18.
17. Шамсутдинова Н. З. Феминистские мотивы в сказках Анжелы Картер // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2007. С. 244–246.

REFERENCES

1. Tolkachev, S. P. (2004). Multikuturnyi context sovremennogo angliiskogo romana = Multicultural context of contemporary English novel: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
2. Sidorova, O. G. (2005). Britanskij postkolonial'nyj roman poslednej treti XX veka v kontekste literatury Velikobritanii = British postcolonial literature of the last third of the XX century in the context of literature of Great Britain: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
3. Alibhai-Brown, Y. (2001). Mixed feelings: the complex lives of mixed race Britons. L.: Women's Press.
4. Modood, T. (2007). Multiculturalism: A Civic Idea. Cambridge: Polity Press.
5. Saad, C. S. (2017). Implicit bias: Do Hidden Attitudes Predict Our Behavior? Westmont Magazine.
6. Repenkova, M. M. (2014). Simulyaciya sem'i v romane Elif SHafak «Iskender = Family simulation in the novel "Iskander" by E. Shafak. Aktual'niyi voprosy tuyrkologicheskikh issledovanii: The digest of articles dedicated to the 75-year of V. G. Guzeev (pp. 193–202). St. Petersburg: RHGA SPb. (In Russ.)
7. Sofronova, L. V. (2011). Mass literature as a product of globalization: reflextions about genre diversity of contemporary Turkish prose. The RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, 2, 51–58. (In Russ.)
8. Chaudhary, F., Munawar, A. (2023). Un-burying the Buried: Exploring Silence and Generational Trauma in Elif Shafak's The Island of Missing Trees. Pakistan Journal of Social Sciences (PJSS), 43(2), 203–215.
9. Iqbal, M., Imran, M., Babar, H. (2023). Biculturalism Leading to Third Space Identity: A Postcolonial Analysis of Elif Shafak's The Island of Missing Trees. Al-Qamar, 6(1), 73–82.
10. Shnirel'man, V. A. (2021). Traumatic memory: approaches to studying and interpretation. Siberian historic researches, 2, 6–29. (In Russ.)
11. Hirsch, M. (1999). Projected memory: Holocaust photographs in personal and public fantasy: Acts of Memory: Cultural Recall in the Present (pp. 3–23). Hanover: University Press of New England.
12. Assmann, A. (2016). New dissatisfaction with memorial culture. Moscow: NLO.
13. Tedeschi, R. G., Calhoun, L. G. (1996). The Posttraumatic Growth Inventory: Measuring the Positive Legacy of Trauma. Journal of Traumatic Stress, 9, 455–471.
14. Hartman, H. (1995). Geoffrey. On Traumatic Knowledge and Literary Studies Source. New Literary History. The Johns Hopkins University Press, 26(3), 537–563.
15. Tedeschi, R. G., Park, C. L., & Calhoun, L. G. (1998). Posttraumatic growth: Conceptual issues: Posttraumatic growth (pp. 9–30). New-York: Routledge.
16. Tedeschi, R. G., Calhoun, L. G. (2004). Posttraumatic growth: conceptual foundations and empirical evidence. Psychological Inquiry, 15(1), 1–18.
17. Shamsutdinova, N. Z. (2007). Feministic motives in Angela Carter's fairytales. Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya (pp. 244–246). Tambov: Gramota.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юзмухаметова Ландыш Нургаяновна

кандидат филологических наук
доцент кафедры иностранных языков
Института международных отношений, истории и востоковедения
Казанского федерального университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuzmukhametova Landysh Nurgayanovna

Phd in Philology
Associate Professor
Department of Foreign Languages
Institute of International Relationship, History and Oriental Studies
Kazan Federal University

Статья поступила в редакцию	03.02.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	18.02.2025	approved after reviewing
принята к публикации	13.03.2025	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'27

Ценность «诚信» / «честность» в китайской лингвокультуре

О. В. Дубкова

Сианьский университет иностранных языков, Сиань, КНР
Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова
linuan12@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – выявить динамику изменения представлений китайцев о честности как о ценности. На основе анализа текстов древнего и современного китайского языка выявляются основные элементы китайской лингвокультуры, связанные с «честностью». Определяются различия аксиологических представлений китайцев о честности. Они рассматриваются в рамках конфуцианства, даосизма и других религиозно-философских учений в их различиях. Параллельно отмечается, что современные представления китайцев о «честности» начинают формироваться в династии Южная Сун и позднее становятся нормой честности для разных социальных групп, входящих в состав китайского населения. В статье описываются тенденции развития аксиологических представлений китайцев о честности: от оценки слов к оценке любых действий и поступков, от оценки правителей к оценке всего социума, от оценки межличностных отношений к оценке отношений человек – государство и человек – общество.

Ключевые слова: ценность, лингвокультура, честность, аксиологические представления, китайцы

Для цитирования: Дубкова О. В. Ценность «诚信» / «честность» в китайской лингвокультуре // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3 (897). С. 136–143.

Original article

The Value of “诚信” / “Integrity” in Chinese Linguoculture

Olga V. Dubkova

Xi’an International Studies University, Xi’an, China
Nizhny Novgorod Linguistic University
linuan12@mail.ru

Abstract. The purpose of the research is to determine the dynamics of changing Chinese perceptions of honesty as a value. Based on the analysis of ancient and modern Chinese texts, the main elements of Chinese linguistic culture related to “honesty” are highlighted; differences in Chinese axiological ideas about honesty within Confucianism, Taoism and other religious and philosophical teachings and dynamic changes in the structure of basic values are identified; it is indicated that modern Chinese ideas about “honesty” are beginning to form in The Southern Song Dynasty defines the standards of honesty for different social groups. The article highlights the trends in the development of Chinese axiological ideas about honesty: from evaluating words to evaluating any actions and deeds, from evaluating rulers to evaluating the entire society, from evaluating interpersonal relationships to evaluating human–state and human–society relations.

Keywords: value, linguistic culture, honesty, axiological concepts, Chinese

For citation: Dubkova, O. V. (2025). The value of “诚信” / “integrity” in Chinese linguoculture. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(897), 136–143. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в российской науке пробуждается ярко выраженный интерес к системам ценностей самостоятельных этнических групп. Параллельно проводится сравнительный анализ различных ценностных категорий, в число которых обычно включаются ценности: дом, семья, Родина, здоровье и др. Он позволяет определить лексическое значение слов, которые номинируют конкретные ценности и динамику их изменения в сознании носителей разных лингвокультур [Келимбердин, 2017; Афанасик, 2018; Хлопова, 2024; Дубкова, 2024]. Для исследований используются различные методы, наиболее эффективными из которых в настоящее время становятся методы психолингвистического анализа, так как они помогают «представить реальное содержание понятийной сферы индивида и сообществ людей и их актуальные ассоциативно-вербальные связи» [Пищальникова, 2023, с. 52].

На основе анализа научной литературы можно с большой долей уверенности утверждать, что ценность *诚信* [chéngxìn] / *честность* – одна из самых обсуждаемых философских и ценностных категорий китайцев. В настоящее время на Сервисной платформе периодических изданий на китайском языке (中文期刊服务平台)[1] размещено более 120 тыс. статей, темой которых являются различное понимание и интерпретация ценности *诚信* / *честность* в рамках социальных наук, включая философию, социологию, педагогику и т. д. Востребованность вышеозначенной темы в гуманитарных науках вызвана тем, что в традиционной китайской лингвокультуре *诚信* [chéngxìn] / *честность* является одной из основополагающих ценностей, представляющих принципы конфуцианской этики [韩震, 章伟文, 2018; 刘悦, 王光福, 2020; 张小平, 2021].

Цель настоящего исследования – определить динамику изменения представлений китайцев о честности как о ценности. Для достижения данной цели последовательно решаются следующие задачи:

- анализ возникновения понятий, связанных с честностью в древнекитайской лингвокультуре;
- развитие и осмысление аксиологической категории *诚信* / *честность* в различных религиозно-философских учениях;
- закрепление представлений о нормах и правилах честного поведения в китайской идиоматике.

Для решения поставленной цели и задач используются аксиологический, концептуальный и семиотический методы.

[1]URL: https://qikan.cqvip.com (дата обращения: _10.11.2024).

В своем исследовании мы исходим из того, что представления о ценностях как о нормах и правилах поведения в обществе формируются постепенно и в разные исторические периоды развития китайской (ханьской) лингвокультуры значительно различаются. Для динамики и выявления различий в данных представлениях используются тексты на китайском языке, которые имеют четкие исторические рамки и позволяют определить семантические особенности слова *诚信* / *честность*. Например, древнекитайские трактаты «Лунь юй» (论语), «Гуаньцзы» (管子), «Чжоу И» (周易), «Ли цзи» (礼记), «Исторические записки» (史记) Сыма Цяня и многие другие. Объем статьи не позволяет представить все тексты, которые используются для анализа данной ценности, поэтому приводятся только ключевые цитаты, связанные с аксиологическими особенностями китайской лингвокультуры.

Формирование аксиологических представлений *诚信* / *честность* в древнекитайской лингвокультуре

Слово *诚信* [chéngxìn] / *честность* состоит из двух иероглифов: *诚* [chéng] / *честный* и *信* [xìn] / *честность*, представляющих базовые понятия конфуцианской этики. Данные знаки возникают в разные исторические периоды (первый – в эпоху Сражающихся Царств, второй – в период Шан-Инь) и различаются по семантике и графической структуре, но оба знака имеют в своей структуре графему *言* / *речь*, *говорить*, что связывает ценность «честность» с представлениями древних китайцев с речевой деятельностью. Считается, что честный человек должен проявлять верность своему слову и следовать за своим правителем (князем). В структуре слова *诚信* / *честность* отражаются древнекитайские представления о «честности». Первый иероглиф имеет значение *真实* / *правдивость*, *достоверность*, второй – *诚恳* / *искренность*, *чистосердечность*. В Древнем Китае считается, что обращение к небесным силам во время жертвоприношения должно быть *信* / *искренним*, в дальнейшем данное значение расширяется, обозначая слова и поступки, которые заслуживают доверие окружающих (ср. *рус.* «слово не расходится с делом»); считается, что внутренняя добродетель должна подкрепляться словами и делами. Этическая обязательность является основой истинного доверия. Целостность данной ценности основана на взаимном влиянии и проникновении двух традиций китайской лингвокультуры, одна из которых является традицией внутреннего и внешнего доверия, а другая – традицией соблюдения договоров.

Ценность *诚信 / честность* – одна из важнейших добродетелей и стандарт нравственного поведения китайцев. Для носителей китайского языка *诚信 / честность* – обобщенное понятие, в повседневном поведении указывает на верность слову и доверие окружающих; в официальной коммуникации – на искреннее и непритворное, преданное и скромное поведение в общении с другими людьми, надежность в ведении дел и др. Обычно рассматривается как правдивость и искренность в отношениях *человек – человек* и ответственное отношение к делу в отношениях *человек – государство* и *человек – общество*. Таким образом, понятие *诚信 / честность* обозначает отношение к делу или поведение человека в обществе.

В китайской научной литературе нет единого мнения о времени появления слова «честность», состоящего из двух иероглифов. По мнению Лю Юя, впервые слово используется в период Весен и Осеней в трактате Гуань Чжуна (管仲, ? – 645 г. до н. э.):

> Первый правитель придавал самое большое значение честности, благодаря которой объединились все княжества Поднебесной (管子·枢言)[1] [刘悦, 王光福, 2020].

В древнекитайском трактате «Ли цзи» династии Западная Хань отмечается:

> «Добродетельный человек приносит жертвоприношение, чтобы выразить свою честность, преданность и благоволение» (礼记·祭统).

Данный пример показывает, что честность не только включается в парадигму отношений «человек – человек», но связывается с парадигмой «человек – божество». Считается, что только правитель, наделенный властью Неба, может быть честным и искреннем. Эти неотъемлемые качества идеального правителя проявляются в чистоте его намерений при исполнении ритуалов и жертвоприношений и во взаимном соответствии слов и поступков. Приведем несколько других примеров из древнекитайских трактатов. В трактате «Чжун юн», который относится к эпохе Сражающихся Царств, отмечается: «*В Поднебесной только чрезвычайно честный человек может дать полную волю своей природе; если он сможет дать полную волю своей природе, он сможет дать полную волю природе каждого*» (中庸). В трактате «Весны и Осени господина Люя» («Люйши чуньцю»), также относящимся к эпохе Сражающихся Царств, отмечается важность честности правителей, и это считается их важной добродетелью:

> В древности правители использовали доброжелательность и праведность для управления всеми народами, использовали любовь и выгоду для стабилизации положения народа, руководили ими с преданностью и честностью и были привержены устранению вреда для людей, думая о том, чтобы принести им пользу (吕氏春秋).

Как свидетельствуют данные примеры, в китайской лингвокультуре понятие «честность» формируется постепенно: от использования отдельных иероглифов, входящих в базовые понятие конфуцианской этики, до формирования целостного понятия как базовой ценности китайского народа. В Древнем Китае ценность *诚信 / честность* начинает формироваться вместе с установлением государственности и указывает на качества «благородных мужей», чиновников-конфуцианцев и правителей высшего уровня, которые не обманывают нижестоящих и не поступают несправедливо по отношению к простому народу. Важность «честности» заключается в существовании и развитии благородного человека, который должен совершенствовать самого себя и общество в целом.

Религиозно-философские представления о «честности» в древнекитайской лингвокультуре

В Древнем Китае концепция *诚信 / честности* как ценности обсуждается в конфуцианстве, моизме, даосизме, легизме, буддизме и других религиозно-философских учениях. Относительно системное понимание честности как нормы социального поведения и межличностных отношений представлено в трудах *конфуцианцев*. В конфуцианстве *诚信 / честность* рассматривается как основа *天道 / законов Неба* и *人性 / человеческой природы* (добродетели), является естественным свойством всего сущего, поэтому *честность* может стать объективным качеством человека и реализоваться в его жизни. Честность символизирует всё то, почему человек является человеком. Она составляет важную часть традиционных китайских добродетелей, оказавших значительное и глубокое влияние на формирование концепции нравственности и морали современной китайской нации.

В конфуцианстве *诚信 / честность* является фундаментальным понятием, так как считается, что человек должен быть:

诚实守信 / честным и *верным своему слову*;

[1]Зд. и далее перевод наш. – *О. Д.*

民无信不立 (*букв.* 'без доверия людей нельзя крепко стоять на ногах', что имеет значение «отсутствие успеха у человека с плохой репутацией»);

君子一言，驷马难追 (*букв.* 'слово благородного человека на упряжке четверкой трудно догнать', что обозначает невозможность правителя отступаться от своих слов).

Как отмечается в китайских исследованиях, в доциньский период не обнаружено слово *诚信 / честность*, состоящее из двух иероглифов *诚* и *信* в значении *честность* рассматриваются отдельно, при этом первое обозначает выполнение своих обязательств и искренность в словах, а второе – доверие вышестоящих (правителя) и нижестоящих (народа). Честное поведение предполагает от деятеля искренность и невозможность вводить в заблуждение ни других, ни себя; от окружающих – доверие к человеку, поэтому считается, что в китайской лингвокультуре понятие *诚信 / честность*, состоящее из двух иероглифов, связано причинно-следственными связями: если человек искренен, то он заслуживает доверие окружающих [龙钰, 冯颜利, 2014]. По мнению Ту Кэго, само понятие 诚信 / *честность* формируется в династии Сун. Представление философа-неоконфуцианца Чжу Си (朱熹, 1130–1200) о честности является важной частью конфуцианской добродетели. Чжу Си сопоставляет понятия честности в составе сложного слова и указывает, что первый иероглиф в слове обозначает природное свойство человека (т. е. человек по своей природе честен), а второй – соблюдение обязательств и обещаний. Первое качество человека дается ему при рождении, а второе нужно воспитывать в ходе социальной практики. Само наличие честности не может гарантировать доверие других людей: чтобы заслужить доверие, должны быть соблюдены объективные условия, иногда управляемые интересами, ограниченными способностями или внешними условиями. Даже честный по своей природе человек не будет всегда стремиться к совершению честных поступков или не сможет иногда сдержать свое слово [涂可国, 2014]. В династиях Мин и Цин традиционная конфуцианская этика «честности» становится основой для формирования торгово-экономических отношений Китая. Она включает в себя идеи отсутствия обмана и спекуляций, соответствия слов делу, сочетания честности с надежностью, составляет идеологическую основу для воспитания и применения на практике ценности 诚信 / *честность* как базовой ценности современных китайцев.

В рамках *легизма 诚信 / честность* рассматривается с точки зрения государственного правления и соблюдения законов, считается, что честность достигается установлением и соблюдением законов и правил. Легисты призывают правителя издавать указы и совместно выполнять обещания, данные своим подданным, чтобы завоевать доверие народа, что в целом совпадает с идеями конфуцианцев. Основное отличие легистов от конфуцианцев лежит в понимании природы честности. Если в рамках конфуцианства честность представляет собой природное свойство человека, то в рамках легизма для реализации честности необходим жесткий контроль, осуществляемый благодаря действующему закону. По мнению Чжу Баоцзяна, концепция честности, предполагающая поощрения за честные поступки и наказания за нечестные, предложенная древнекитайским философом Гуань-цзы (管子, 723–645 до н. э.), должна научить простой народ быть честными и сформировать доверие к закону. Считается, что применение поощрений и наказаний должно опираться только на закон и не может зависеть от личных связей и отношений, чтобы действительно обеспечить честность в государственном управлении. Однако введение суровых наказаний за мелкие преступления, отмена привилегий для аристократии и другие меры, применяемые в Древнем Китае, не позволили полностью сформировать концепцию «честности» в рамках легизма [祝宝江, 2014, с. 28–29].

Что касается ценности «честность» в рамках *даосизма*, то следует отметить концепцию 一诚为（惟）实 / *только в честности лежит истина*, согласно которой человек должен быть верным своим самым искренним мыслям в своем сердце. Как отмечает Чжан Миньи, в даосизме честность имеет несколько уровней понимания: как религиозно-философская заповедь она предполагает *诚信为本、诸善奉行 / стремление к добрым делам*, которые совершаются на основе честности. В рамках данного учения особое внимание уделяется самосовершенствованию и проявлению положительных качеств в поведении, честность рассматривается как основа для изучения и совершенствования пути Дао, определяющая личные и служебные дела. По представлениям даосов, человек живет на земле и стремится стать Бессмертным, или Небожителем, чтобы достичь бессмертия, необходимо быть честным в мирской жизни [张明义, 2008]. Даосская концепция честности оказала большое влияние на китайскую народную этику, поэтому считается, что ценность «честность» в народной лингвокультуре китайцев опирается именно на даосские представления о честном поведении.

В рамках китайского буддизма большое значение уделяется совершенствованию моральных качеств человека. В основе китайского буддизма

лежат идеи *慈悲为怀 / милосердия* и 普度众生 / *спасения всего сущего*. Считается, что *诚信 / честность* – это важное качество человека, которое традиционно является основой межличностных отношений. Чжан Шуцин, рассматривая особенности *诚信 / честности*, отмечает следующее:

1) каждый человек должен стремиться сделать свою жизнь честной и заслуживающей доверия окружающих;

2) если человеку не хватает честности, он неизбежно будет обманывать себя и испытывать на себе последствия самообмана;

3) каждый обладает природой Будды и может стать Буддой после самосовершенствования, вероломный, лицемерный и нечестный человек не может стать Буддой. Автор также отмечает, что буддизм выступает за взаимное доверие между людьми и соблюдение заповедей, концентрацию и мудрость; требует избавления от жадности, ненависти и заблуждений; призывает относиться к людям и вещам спокойно и мягко, не соблазняться материальной выгодой и благами, не предаваться заботами о себе лично, держать свое слово; стараться жить в честной и засуживающей уважения среде [张树卿, 2004, с. 152–153].

Представления о ценности 诚信 / *честность* в китайской идиоматике

Исходя из того, что фразеологический пласт языка стабилизирует культурные значения, актуальные для разных периодов функционирования социума [Пищальникова, 2024], считаем целесообразным проанализировать базовые устойчивые выражения (чэнъюи) китайского языка, отражающие аксиологические представления китайцев о честности [韩震, 2018; 张小平, 2021]. Значения компонентов, входящих в структуру чэнъюев, позволяет выделить символы китайской лингвокультуры, связанные с анализируемой ценностью и установить лингвокультурную специфику аксиологического понятия.

言九鼎 [yī yán jiǔ dǐng] (*букв.* 'одно слово как девять треножников'). Согласно легенде, императором Ся Юем, усмирившим воды потопа, отлито *девять треножников*; в китайском языке девять треножников указывают на самого императора и метафорически обозначают регалии императорской власти. Данное выражение впервые используется в историческом трактате «Шицзи» (в «Исторических записках» Сыма Цяня) и имеет значение *держать слово, слова имеют большой вес*.

一言九鼎 [yánér yǒu xìn] (*букв.* 'слова имеют доверие, доверять словам' имеет значение «нерушимо держать свое слово, быть верным своему слову, до конца выполнять свое обещание»). Впервые используется в трактате «Лунь юй» и указывает на отношения между друзьями.

驷马难追 [sìmǎ nán zhuī] (*букв.* 'упряжку из четырех коней трудно догнать' восходит к выражению *一言既出，驷马难追 / слова сказаны, на четверке не догонишь*. Данное выражение впервые встречается в трактате «Лунь юй», является важной этической нормой поведения «благородного мужа», под «словами» здесь понимаются слова учителя (наставника).

闲邪存诚 [xiánxié cún chéng] (*букв.* 'ликвидировать пороки, оберегать искренность, пресекать порочных и сохранять искренних'. Данное выражение обозначает «пресечение любых дурных помыслов и поощрение добрых» чэнъюй восходит к трактату «Чжоу и» («Книга перемен») и комментариям к нему.

金口玉言 [jīnkǒu yùyán] (*букв.* 'золотой рот и нефритовые слова' изначально обозначает высказывания мудрого правителя или императора, впоследствии указывает на слова, которые нельзя изменять). Впервые используется литератором династии Западная Цзинь Сяхоу Чжаном (243–291).

一言为定 [yīyán wéi dìng] (*букв.* 'одно слово является решением' обозначает «сказано – сделано; как только вопрос согласован, нужно следовать словам». Данное выражение впервые используется в романе «Сон в красном тереме».

言信行果 [yánxìnxíng guǒ] (*букв.* 'речи честны, поступки приносят плоды'. Данный чэнъюй обозначает «верность словам и твердость в поступках, надежность в словах и решительность в делах». Это выражение впервые используется в начале XX века известным китайским политическим деятелем Лян Цичао в значении «слова не должны подорвать доверие других, обещанное обязательно должно выполняться».

抱诚守真 [bàochéngshǒu zhēn] (*букв.* 'лелеять честность, не изменять своей природе' обозначает «стремление человека быть честным перед другими и нерушимо следовать этому». Данное выражение тесно связано с идеей гармонии между «внутренним» и «внешним», поэтому считается, что человек должен быть честным и в своем сердце, и в своих поступках. Это важное представление о честности, впервые использованное в 1907 году современным китайским писателем Лу Синем.

诚至金开 [chéng zhì jīnkāi] (*букв.* 'честность открывает золото, металл уступает силе искренности' имеет следующее значение: «если человек честен, то он может преодолеть любые трудности». Впервые используется героем антияпонской войны Ян Цзиньюем (杨靖宇).

Данный список далеко не полный, но из представленного языкового материала мы можем увидеть, что приведенные устойчивые выражения (чэнъюи) восходят к письменным источникам различных исторических периодов, включая Новейшее время, отражая базовые аксиологические представления, связанные с символами богатства и власти [Дубкова, 2024]. Множество письменных источников понятия «честность» в Китае подтверждает значимость данной ценности в картине мира китайцев. Отметим, что данные знания, закрепленные в идиоматическом пласте китайского языка, актуализуются в поликодовых текстах, представляющих ценность *诚信 / честность* [Цюй, 2022].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В китайской лингвокультуре *诚信 / честность* – важная составляющая морали и нравственности, которым следует традиционное китайское общество на протяжении тысячелетий. Слово *诚信 / честность* состоит из двух иероглифов, которые возникают в период Сражающихся Царств и период Шан-Инь соответственно. Изначально честность связывается с поведением образованных, благородных людей, которые представляют правящие классы Древнего Китая; в китайской лингвокультуре аксиологические нормы и правила постепенно расширяются и начинают относится ко всем социальным классам и группам. Честность человека оценивается окружающими на основе 1) искренности с людьми, 2) соответствия слов делам, 3) выполнения обещаний, 4) возможности доверять.

Ценность *诚信 / честность* формируется под влиянием конфуцианства, легизма, даосизма и буддизма, отражает разные аспекты честности вообще. Основой для оценки честности руководителей обычно являются нормы конфуцианства, простых людей – даосизма. В настоящее время в китайской лингвокультуре происходит активное расширение ценности *诚信 / честность,* отражая важное содержание строительства новой морали. Выделяются следующие тенденции развития аксиологических представлений китайцев о честности:

1) от конкретного к общему (от представлений о честных словах к оценке любых действий и поступков);

2) от выборочной оценки к общей оценке (от оценки поведения социальной группы к оценке всего общества, от оценки поведения правителей к оценке всех представителей общества);

3) от оценки отношений человек – божество для правителей, включая императоров, князей, до оценки честного отношения верующих в рамках буддизма и др. более поздних религиозных учений;

4) от личного к социальному (от межличностных отношений к отношениям человек – государство, человек – общество и человек – человек). Если в древнекитайской лингвокультуре ценность «честность» определяет отношения человек – человек и человек – божество, то в настоящее время она охватывает все сферы государственной, социальной и личной деятельности, формируя новую систему аксиологических представлений в китайской лингвокультуре.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Келимбердин Р. Б. Экспериментальное исследование содержания концепта ‘справедливость’ / ‘công lǐ’ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 1 (768). С. 138–145.
2. Афанасик Д. А. Концепт «брак» в сознании носителей современной русской лингвокультуры: динамический аспект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 4 (793). С. 242–252.
3. Хлопова А. И. Модификация базовой ценности «семья» в немецкой лингвокультуре // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 9 (890). С. 51–59.
4. Дубкова О. В. Актуальность личностных ценностей в сознании китайцев: на примере ценности 友善 / дружелюбие // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3 (884). С. 63–69.
5. Пищальникова В. А. Прогностический аспект психолингвистического исследования значения слова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 2 (870). С. 49–56. DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_49.
6. 韩震、章伟文.中国的价值观.北京：中国社会科学出版社，2018 = Хань Чжэнь, Чжан Вэйвэнь. Китайские ценности. Пекин: China Social Sciences Press, 2018. (На кит. яз.)
7. 刘悦、王光福.核心价值观二十四字解.上海：文汇出版社，2020 = Лю Юэ, Ван Гуанфу. Объяснение двадцати четырех иероглифов базовых ценностей. Шанхай: Вэньхуэй, 2020. (На кит. яз.)

8. 张小平.社会主义核心价值观（新时代新思想标识性概念丛书）. 北京：人民日报出版社，2021 = Чжан Сяопин. Базовые ценности социализма (Серия «Знаковые концепции новых идей в новую эпоху»). Пекин: Жэньминь жибао, 2021. (На кит. яз.)
9. 龙钰,冯颜利.儒家诚信思想及其当代价值[J].广西社会科学, 2014. № 6. С. 73–77 = Лун Юй, Фэн Яньли. Конфуцианская мысль о целостности и ее современных ценностях // Вестник социальных наук Гуанси-Чжуанского АР. 2014. № 6. С. 73–77. (На кит. яз.)
10. 涂可国.儒家诚信伦理及其价值观意蕴[J].齐鲁学刊, 2014. № 3. С. 19–25 = Ту Кэго. Конфуцианская этика честности и ее ценности // Цзилу сюэкань. 2014. № 3. С. 19–25. (На кит. яз.)
11. 祝宝江.论儒、法诚信观的融合与传承[J].学术交流, 2014. № 3. С. 26–30 = Чжу Баоцзян. Об интеграции и наследовании концепции честности конфуцианства и легизма // Академический обмен. 2014. № 3. С. 26–30. (На кит. яз.)
12. 张树卿.儒、释、道的诚信观比较研究[J].东北师大学报：哲学社会科学版, 2004. № 6. С. 150–154 = Чжан Шуцин. Сравнительное исследование концепций честности конфуцианства, буддизма и даосизма // Вестник Северо-Восточного педагогического университета. Философско-социальные науки. 2004. № 6. С. 150–154. (На кит. яз.)
13. 张明义.论武当道教诚信伦理思想[J].郧阳师范高等专科学校学报, 2008. № 4. С. 18–21 = Чжан Миньи. Об этической мысли честности уданского даосизма // Вестник Юньянского педагогического института. 2008. № 4. С. 18–21. (На кит. яз.)
14. Пищальникова В. А. Методология анализа фразеологизмов как репрезентантов базовых ценностей: «естественный китайский эксперимент» // Этнопсихолингвистика. 2024. № 3 (18). С. 7–25. DOI 10.31249/epl/2024.03.01.
15. Дубкова О. В. Закономерности формирования базовых ценностей (на материале древнекитайской лингвокультуры) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 9 (890). С. 44–50.
16. Цюй Ю. Представление основных ценностей современного Китая в поликодовом рекламном тексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 170-175. DOI 10.52070/2542-2197_2022_2_857_170.

REFERENCES

1. Kelimberdin, R. B. (2017). Experimental study of the content of the concept of «justice» / «công lí». Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(768), 138–145. (In Russ.)
2. Afanasik, D. A. (2018). The concept of «marriage» in the minds of speakers of modern Russian linguoculture: a dynamic aspect. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(793), 242–252. (In Russ.)
3. Khlopova A. I. (2024). Modification of the basic value of «family» in German linguoculture. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(890), 51–59. (In Russ.)
4. Dubkova, O. V. (2024). The relevance of personal values in the minds of the Chinese: an example of the value of 友善 / friendliness. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(884), 63–69. (In Russ.)
5. Pishchal'nikova, V. A. (2023). The prognostic aspect of the psycholinguistic study of the meaning of a word. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(870), 49–56. 10.52070/2542-2197_2023_2_870_49. (In Russ.)
6. 韩震、章伟文.中国的价值观.北京：中国社会科学出版社 = Han Zhen & Zhang Weiwen (2018). Chinese values [M]. Beijing: China Social Sciences Press. (In Chinese)
7. 刘悦、王光福.核心价值观二十四字解.上海：文汇出版社 = Liu Yue, Wang Guangfu (2020). Twenty-four-character explanation of core values [M]. Shanghai: Wenhui Publishing House. (In Chinese)
8. 张小平.社会主义核心价值观（新时代新思想标识性概念丛书）. 北京：人民日报出版社 = Zhang Xiaoping (2021). The core values of socialism (A series of iconic concepts of New Ideas in the new era) [M]. Beijing: People's Daily Press. (In Chinese)
9. 龙钰,冯颜利.儒家诚信思想及其当代价值[J].广西社会科学 = Long Yu, Feng Yanli (2014). Confucian thought of integrity and its contemporary values [J]. Guangxi Social Sciences, 6, 73–77. (In Chinese)
10. 涂可国.儒家诚信伦理及其价值观意蕴[J].齐鲁学刊 = Tu Keguo (2014). Confucian ethics of integrity and its values. Journal of Qilu, 3, 19–25. (In Chinese)
11. 祝宝江.论儒、法诚信观的融合与传承[J].学术交流 = Zhu Baojiang (2014). On the integration and inheritance of Confucianism and Dharma integrity concepts. Academic Exchange, 3, 26–30. (In Chinese)

12. 张树卿.儒、释、道的诚信观比较研究[J].东北师大学报：哲学社会科学版 = Zhang Shuqing (2004). A comparative study on the integrity concepts of Confucianism, Buddhism, and Taoism. Journal of Northeast Normal University: Philosophy and Social Sciences Edition, 6, 150–154. (In Chinese)
13. 张明义.论武当道教诚信伦理思想[J].郧阳师范高等专科学校学报 = Zhang Mingyi (2008). On the Ethical Thought of Wudang Taoism Integrity. Journal of Yunyang Normal College, 4, 18–21. (In Chinese)
14. Pishchal'nikova V. A. (2024). Metodologiya analiza frazeologizmov kak reprezentantov bazovyh cennostej: «estestvennyj kitajskij eksperiment» = Methodology for analyzing phraseological units as representatives of basic values: the «natural Chinese experiment». Ethnopsycholinguistics, 3, 7–25. 10.31249/epl/2024.03.01. (In Russ.)
15. Dubkova, O. V. (2024). Patterns of formation of Basic Values (Based on the Material of Ancient Chinese Linguoculture). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(890), 44–50. (In Russ.)
16. Cui, Y. (2022). Presentation of the basic values of modern China in a polycode advertising text. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(857), 170–175. 10.52070/2542-2197_2022_2_857_170. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дубкова Ольга Владимировна

кандидат филологических наук, профессор
иностранный специалист
Сианьский университет иностранных языков
ассоциированный научный сотрудник
научно-исследовательской лаборатории «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения»
Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dubkova Olga Vladimirovna

PhD (Philology), Professor
Foreign Expert
Xi'an International Studies University
Associate Researcher of the Research Laboratory "Theoretical and Applied Problems of Translation Studies"
Nizhny Novgorod Linguistic University

Статья поступила в редакцию	03.02.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	18.02.2025	approved after reviewing
принята к публикации	13.03.2025	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'27

Сопоставление ценности «Arbeit» (труд) в немецкой и австрийской лингвокультурах

А. И. Хлопова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
chlopova_anna@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – сопоставление ценности «труд» в немецкой и австрийской лингвокультурах. Материал исследования – данные свободных ассоциативных экспериментов, проведенных с носителями немецкой и австрийской лингвокультур. Они представлены в Австрийско-немецко-русском ассоциативном словаре базовых ценностей. При обработке материала используются полевой метод, анализ и синтез, сопоставительный метод. В результате было установлено, что отношение немецких и австрийских респондентов к труду различное. Для немецких респондентов труд – это способ достижения материальных благ, для австрийских – возможность самореализации и достижения успехов в карьере.

Ключевые слова: Германия, Австрия, ассоциативный эксперимент, ценность, труд

Для цитирования: Хлопова А. И. Сопоставление ценности «Arbeit» (труд) в немецкой и австрийской лингвокультурах // Вестник московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3 (897). С. 144–150.

Original article

Comparison of the Value “Arbeit” (work) in German and Austrian Linguistic Cultures

Anna I. Khlopova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
chlopova_anna@mail.ru

Abstract. The aim of the article is to compare the value “work” in German and Austrian linguistic cultures. The research material is the data of free associative experiments conducted with native speakers of German and Austrian linguistic cultures, presented in the Austrian-German-Russian associative dictionary of basic values. The field method and subjective scaling are used in processing the material. The comparative method, analysis and synthesis, and quantitative processing of experimental data are used to study the material. As a result, it was found that the attitude of German and Austrian respondents to work is different. For German respondents, work is a way to achieve material benefits, while for Austrian respondents, it is an opportunity for self-realization and career success.

Keywords: Germany, Austria, associative experiment, value, work

For citation: Khlopova, A. I. (2025). Comparison of the Value “Arbeit” (work) in German and Austrian Linguistic Cultures. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(897), 144–150. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Труд – основа жизни и деятельности любого социума. С одной стороны, это деятельность, направленная на получение оплаты за сделанное. С другой – человек трудится, поскольку получает моральное удовольствие, благодаря трудовой деятельности человек развивается, совершенствуется, труд позволяет человеку самовыражаться и проявлять свой творческий потенциал. Наряду с целеустремленностью трудолюбие позволяет сформировать успешную личность.

Долгое время труд воспринимался как одна из наиболее значимых ценностей. Он не только позволял заработать средства к существованию, но также был способом достижения гармонии между личным и профессиональным. Однако в предыдущих исследованиях нами было доказано, что в российском обществе труд превратился лишь в средство достижения материальных благ, а его ценностная значимость снизилась [Хлопова, 2017].

Сегодня труд остается в списках базовых ценностей, составленных учеными [Ерастов, 2002; Adler, 1964; Rokeach, 1973]. Однако отношение к труду в разных лингвокультурах не может быть одинаковым. А потому взаимное противопоставление понятий, на первый взгляд одинаковых, в двух лингвокультурах представляется особо актуальным.

По мнению лингвистов, данные, представленные в лексикографических источниках, позволяют установить содержание понятий, номинируемых словом [Арутюнова, 2000; Карасик, 2002]. Но, если представители двух разных лингвокультур говорят на одном языке, установить содержание понятий в каждой из них с помощью толковых словарей представляется довольно сложным.

Актуальность настоящего исследования определяется тем, что с помощью данных свободного ассоциативного эксперимента, проведенного с носителями разных лингвокультур, но говорящих на одном языке, можно установить своеобразие базовых ценностей. В основу такой позиции положена теория речевой деятельности [Леонтьев, 1971]. Теоретико-методологическую базу исследования составляют также работы по изучению этнической идентичности [Лурье, 2016; Стефаненко, 2009].

Для реализации поставленной цели необходимо решение следующих задач:

– проанализировать данные лексикографических источников и определить инвариантное значение слова, номинирующего ценность;

– проанализировать данные, представленные в Австрийско-немецко-русском ассоциативном словаре базовых ценностей[1];

– верифицировать результаты с помощью уточняющего вопроса, заданного немецким и австрийским респондентам.

[1]Пищальникова В. А., Хлопова А. И., Адамова З. Г. Австрийско-немецко-русский ассоциативный словарь базовых ценностей. М.: Наука, 2024.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования являются данные Австрийско-немецко-русского ассоциативного словаря базовых ценностей, в котором представлены данные ассоциативного эксперимента, проведенного в 2024 году в крупных городах Германии и Австрии. Одним из слов-стимулов являлось слово *Arbeit* (*труд*). Из общего количества реакций на слово-стимул *Arbeit* (*труд*) методом случайной выборки было отобрано по 200 реакций немецких и австрийских респондентов.

ПРОВЕДЕННЫЙ АНАЛИЗ ДАННЫХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Согласно данным толкового словаря немецкого языка DUDEN[2], слово *Arbeit* многозначно. В первом значении *Arbeit* – «Tätigkeit», «*Ausführung eines Auftrags*» (деятельность, выполнение заказа / поручения). Во втором значении – «das Beschäftigtsein» (занятие), в третьем – «Anstrengung (напряжение), в четвертом – «Arbeitsplatz» (рабочее место), в пятом – «Training» (тренировка), в шестом – «Arbeit mit dem Pferd» (работа с лошадью), в седьмом – «Abrichtung und Führung eines Jagdhundes» (дрессировка и ведение охотничьей собаки), в восьмом – «Erzeugnis», «Produkt» (результат, продукт), в девятом – «Klassenarbeit» (классная работа), в десятом – «Gestaltung» (оформление), в одиннадцатом значении слово представлено в специальном значении и помечено как относящееся к физике – «Produkt aus der an einem Körper angreifenden Kraft und dem unter ihrer Einwirkung von dem Körper zurückgelegten Weg» (произведение силы, действующей на тело, на расстояние, пройденное телом под ее действием).

Таким образом, труд – это определенная деятельность, направленная на выполнение поручения или заказа и связанная с преодолением различных препятствий. Однако данные толкового словаря не могут свидетельствовать о ценностном характере труда и не позволяют различать содержание этого понятия в немецкой и австрийской лингвокультурах, поскольку носители этих лингвокультур говорят на немецком языке.

[2]URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/Universalwoerterbuch

АНАЛИЗ ДАННЫХ СВОБОДНОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА, ПРОВЕДЕННОГО С НОСИТЕЛЯМИ НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Реакции немецких респондентов распределим в соответствии с моделью ассоциативного значения.

Понятия: «Freizeit» (свободное время) – 8, «Job» (работа, подработка) – 4, «Aufgabe» (задание), «Beruf» (профессия) – 14 реакций (7 %).

Ассоциирование понятийных реакций происходит на основе выделенных в значении слова компонентов значения, а также синонимов слова, номинирующего одноименную ценность, что свидетельствует о знании словарного значения респондентами. На наш взгляд, важной является реакция «Freizeit» (свободное время). Известный стереотип о немцах: они трудолюбивы, ответственны, сосредоточены на работе [Темницкий, 2005]. Однако понятийные реакции свидетельствуют также о том, что опрошенные респонденты разделяют время работы и время отдыха. Немцы считают рабочее время временем предприятия, в рабочее время немцы не готовы отвлекаться на общение с коллегами, разговоры по телефону и т. д. Свободное время воспринимается немцами как собственное, его не принято тратить на работу [Темницкий, 2005].

Представления:

- средство для достижения материальных благ: Geld (деньги) – 53, verdienen (зарабатывать) – 2, Einkommen (доход), für den Lebensunterhalt nötig (необходимо как средство к существованию), Geld verdienen (зарабатывать деньги), Geldquelle (источник денег), Lebensunterhalt (средство к существованию), Lohn (зарплата) – 64 реакции (32 %);
- место работы: Arbeitsplatz (рабочее место), Büro (бюро), Office (оффис), Schreibtisch (письменный стол) – 4 реакции (2 %);
- сфера деятельности: Lehrkraft (преподавательский состав), Wissenschaft (наука) – 2 реакции (1 %);
- рабочие принадлежности: Laptop (ноутбук) – 1 реакция (0,5 %);
- важность труда: Wichtig (важно) – 1 реакция (0,5 %).

Реакции-представления (36 %) должны показывать отношение респондентов к исследуемому понятию, а потому свидетельствуют о восприятии его респондентами в качестве ценностного. Поскольку реакции-представления в эксперименте представлены в большом количестве, считаем возможным распределить их в соответствии со следующими интегративными признаками: ‘средство для достижения материальных благ’, ‘место работы’, ‘сфера деятельности’, ‘рабочие принадлежности’, ‘важность труда’.

Реакции Arbeitsplatz (рабочее место), Büro (бюро), Office (офис), Schreibtisch (письменный стол) указывают на актуальность связи стимула с непосредственным местом работы, Lehrkraft (преподавательский состав), Wissenschaft (наука) со сферой деятельности. Только единичная реакция wichtig (важно) позволяет говорить о значимости труда для респондента.

Наибольшее количество понятийных реакций (32 % от общего количества) указывает на важность получения денег за выполненную работу, что не может свидетельствовать о восприятии немецкими респондентами труда в качестве самостоятельной ценности, цели в жизни.

Эмоционально-оценочные реакции:

- положительные реакции: Spaß (удовольствие) 18, Leidenschaft (страсть) 13, gut (хорошо) – 32 реакции (16 %);
- отрицательные реакции: Stress (стресс, напряжение) 49, anstrengend (напряженно) 29, Anstrengung (напряжение), ätzend (едкий), hart (жесткий), Last (нагрузка), lustlos (без удовольствия, неохотно), Zeitaufwand (трата времени), überleben (пережить) – 88 реакций (44 %).

Положительные эмоционально-оценочные реакции (16 % от общего количества реакций) свидетельствуют о восприятии труда как деятельности, от которой получают удовольствие. Однако отрицательные реакции почти в 2,5 раза превышают положительные. Они указывают на сложность работы и на нежелание респондентов ее выполнять.

Анализ реакций немецких респондентов подтверждает выводы, сделанные при работе с российскими респондентами: труд не рассматривается респондентами как ценность. Респонденты не связывают труд с достижением успехов в профессиональной деятельности, не принимают труд как способ собственной реализации. Труд является напряженной деятельностью, не приносящей удовольствие, но способствующий достижению материальных благ.

ВЕРИФИКАЦИЯ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ С ПОМОЩЬЮ УТОЧНЯЮЩЕГО ВОПРОСА

Для верификации результатов был проведен опрос 32 респондентов. Респонденты должны были ответить на вопрос «Что такое работа?»

Полученные на первый вопрос ответы мы распределили также в соответствии с моделью ассоциативного значения:

Понятия (7 ответов):
1. «Eine Tätigkeit» (деятельность) – 3.
2. «Eine Aufgabe» (задание) – 2.
3. «Das ist ja mein Beruf» (это моя профессия).
4. «Wenn ich etwas mache» (когда я что-то делаю).

Представления (16 ответов):
1. «Viel Geld» (много денег) – 7;
2. «Geld» (деньги) – 5;
3. «Mein Lohn» (моя зарплата) –2;
4. «Wenn ich Geld verdiene» (когда я зарабатываю деньги);
5. «Wenn ich dann etwas kaufen kann (когда я потом могу что-то купить);

Эмоционально-оценочные ответы
- положительные (2 ответа):
  1. Das ist mein Leben (это моя жизнь);
  2. Die mache ich gern (я ее делаю с удовольствием).
- отрицательные (7 ответов):
  1. viel Stress (много стресса/напряжения) – 5;
  2. Die hasse ich (я ее ненавижу);
  3. Wenn ich früh aufstehen muss. Und das hasse ich (когда я должен рано вставать, а я это ненавижу).

22 % от общего количества ответов только определяют исследуемое понятие. Однако отношение респондентов к труду в таких ответах не выявлено.

Все реакции-представления (50 % от общего количества ответов) свидетельствуют о том, что труд рассматривается только как средство достижения материальных благ. Ни один ответ не указывает на важность труда, на возможность самореализации и получения опыта.

Ответы респондентов, характеризующие труд негативно, в 3,5 раза превышают положительные ответы. Негативное отношение респондентов связано, в первую очередь, с тем, что он доставляет стресс, а потому вызывает ненависть.

АНАЛИЗ ДАННЫХ СВОБОДНОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА, ПРОВЕДЕННОГО С НОСИТЕЛЯМИ АВСТРИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Рассмотрим ассоциативные реакции, полученные от австрийских респондентов (всего 200 реакций).

Понятия: «Beruf» (профессия) – 4, «Erfüllung» (выполнение) – 2, «Job» (работа, подработка), «Ruhestand» (пенсия), «Tätigkeit» (деятельность) – 9 реакций (4,5 %).

Понятийные реакции представлены незначительным количеством, при этом ассоциирование как и в случае с немецкими респондентами происходит на основе выделенных в значении слова компонентов и синонимов слова.

Представления
- самореализация: Erfolg (успех) – 18, Leistung (результат) – 12, Karriere (карьера) – 10, Motivation (мотивация) – 7, Energie (энергия) – 48 реакций (24 %);
- средство для достижения материальных благ: Geld (деньги) – 13, Verdienst (заработок) – 11, Einkommen (доход), Lebensunterhalt (средства к существованию), Lohn (зарплата) – 27 реакций (13,5 %);
- обеспечение стабильной жизни: stabil (стабильный) – 10 – 10 реакций (5 %);
- важность труда: wichtig (важно) – 5, Leben (жизнь) – 6 реакций (3 %);
- место работы: Arbeitsplatz (рабочее место), Home-Office (домашний офис), Online (онлайн), Schreibtisch (письменный стол) – 4 реакции (2 %);
- баланс работы и личной жизни: Ausgleich (баланс), work-life-balance (баланс работы и личной жизни) – 2 реакции (1 %);
- сфера деятельности: Forschung (исследование), Lernen (учеба) – 2 реакции (1 %);
- разнообразие работы: abwechslungsreich (разнообразный) – 1 реакция (0,5 %);
- качества, необходимые для выполнения работы: Fleiß (прилежание) – 1 реакция (0,5 %);
- время работы: aufstehen (вставать) – 1 реакция (0,5 %);
- символ тяжелой работы: Schweiß (пот) – 1 реакция (0,5 %).

Большое количество реакций-представлений позволяет распределить реакции в соответствии с интегративными признаками: ‘самореализация’, ‘средство для достижения материальных благ’, ‘обеспечение стабильной жизни’, ‘важность работы’, ‘место работы’, ‘баланс работы и личной жизни’, ‘сфера деятельности’, ‘разнообразие работы’, ‘качества, необходимые для выполнения работы’, ‘время работы’, ‘символ тяжелой работы’.

Реакции, объединенные признаком ‘самореализация’, указывают на самоценный характер труда. Труд рассматривается как способ самореализации личности и не связывается напрямую с материальным достатком. С помощью труда, по мнению респондентов, можно добиться успехов в карьере. Австрийские респонденты мотивированны, прежде всего, на процесс работы, на общественную полезность и только потом на заработок, о чем свидетельствуют 13,5 % от общего количества реакций. Эти данные подтверждаются австрийскими клише. Считается, что австрийцы уверены в собственном

профессионализме, а потому, проработав несколько лет в крупных компаниях, они считают себя специалистами высокого класса [Никонова, 2015].

Важным на наш взгляд представляется интегративный признак 'обеспечение стабильной жизни'. Он позволяет утверждать, что труд является своеобразным символом экономической стабильности, поскольку в целом способствует комфортному существованию индивида в обществе. Признак 'важность труда' представлен незначительным количеством реакций (3 % от общего количества), однако, в отличие от реакций немецких респондентов, он подчеркивает значимость исследуемого понятия и отношение к труду как к ценности.

Следует также отметить признак 'баланс работы и личной жизни'. Хоть этот признак и представлен единичными реакциями, и он подтверждает сложившееся об австрийцах клише: вне работы австрийцы не говорят и не думают о работе [Никонова, 2015].

Эмоционально-оценочные реакции:

- положительные реакции: Freude (радость) 40, Interesse (интерес), lebensfüllend (наполняющий жизнь)– 42 реакции (21 %);
- отрицательные реакции: Anstrengung (напряжение) 41, Stress (напряжение, стресс) 2, Ausbeutung (эксплуатация), langweilig (скучный), müde (уставший), Mühe (усилия), mühsam (тяжкий) – 48 реакций (24 %).

Положительные и отрицательные реакции на слово-стимул Arbeit (труд) представлены в эксперименте примерно одинаковым количеством реакций. Отрицательные реакции, как и в случае с немецкими респондентами, свидетельствуют о напряженном характере работы, об усталости, которую испытывают респонденты после работы. Напротив, положительные реакции указывают преимущественно на положительные эмоции, которые дает работа.

Согласно данным ассоциативного эксперимента, труд является для австрийских респондентов не только средством для получения материальных благ. Он также дает возможность самореализации, карьерного роста, а следовательно, – комфортного существования индивида в социуме. Труд может вызывать радость и другие положительные эмоции, несмотря на значительное количество отрицательных реакций, которые свидетельствуют о его сложности и напряженности.

ВЕРИФИКАЦИЯ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ С ПОМОЩЬЮ УТОЧНЯЮЩЕГО ВОПРОСА

Как и в случае с данными ассоциативного эксперимента, полученными от немецких респондентов, считаем необходимым верифицировать данные австрийских респондентов. Австрийским респондентам (29 респондентов) также был задан вопрос: «Что такое работа?» Распределим ответы в соответствии с моделью ассоциативного значения:

Понятия (1 ответ):

1. Beschäftigtsein (занятие).

Представления (28 ответов)

- самореализация (12 ответов):
  1. Karriere (карьера) – 8.
  2. Erfahrung (опыт) – 3.
  3. erfolgreiches Leben (успешная жизнь) – 1.
  4. so erreiche ich viel (так я много достигну) – 1.
  5. meine Leistungen (мои успехи) – 1.
  6. Wenn ich tüchtig arbeite, bekomme ich einen guten Arbeitsplatz (если я буду прилежно работать, у меня будет хорошее рабочее место) – 1.
- средство для достижения материальных благ (5 ответов):
  1. Geld (деньги) – 6.
  2. Ich kann viel verdienen (я могу много заработать) – 1.
  3. Verdienst, natürlich (заработок, конечно) – 1.
- обеспечение стабильной жизни (2 ответа):
  1. Stabilität (стабильность) – 1.
  2. Ich fühle mich stabil, wenn ich aufstehe und zur Arbeit gehe (я чувствую себя стабильно, если я встаю и иду на работу) – 1.
- важность труда (2 ответа):
  1. Sehr wichtig (очень важно) – 2.
- баланс работы и личной жизни (1 ответ):
  1. Nicht nur die Arbeit im Leben (в жизни не только работа) – 1.

Ответы респондентов позволяют верифицировать данные ассоциативного эксперимента. Труд является для опрошенных респондентов не только возможностью заработать деньги, но и реализовать себя в профессиональной деятельности, добиться карьерных успехов. Примечательно, что для опрошенных респондентов труд является своеобразным опытом. Однако этот особый показатель не был отмечен на основе данных ассоциативного эксперимента. Кроме того, труд гарантирует респондентам чувство стабильности и является для них важным. Отметим, что в ответах респондентов не было выявлено ни одного отрицательного. Этот показатель подтверждает данные ассоциативного эксперимента.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставляя полученные данные, можем заключить, что исследуемое понятие воспринимается

немецкими и австрийскими респондентами по-разному.

Немецкие респонденты отмечают, что выполнение трудовой деятельности вызывает напряжение и стресс. Выполняемая трудовая деятельность понимается респондентами, в первую очередь, как средство удовлетворения материальных потребностей. При этом интересная работа, ее общественная полезность и возможности самореализации для опрошенных респондентов представляются незначимыми.

Для австрийских, как и для немецких респондентов труд связывается с напряжением. Тем не менее он вызывает и положительные эмоции у австрийских респондентов. В отличие от немецких респондентов, для которых труд вообще не является ценностью и остается лишь средством получения денег, австрийские респонденты воспринимают труд как возможность реализации. Поэтому труд для австрийских респондентов сохраняет свою непреходящую ценность. Труд позволяет австрийским респондентам достичь результатов в карьере и дает возможность стать успешным человеком.

Важно отметить, что как для австрийских, так и для немецких респондентов представляется важным разделение трудовой деятельности и отдыха, что подтверждает существующие в немецкой и австрийской культурах клише.

Перспективы дельнейшего исследования видятся в сопоставлении других базовых ценностей в немецкой и австрийской лингвокультурах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хлопова А. И. Различные подходы к вербальной диагностике динамики базовых ценностей (на примере базовой ценности «труд») // Гуманитарное образование и наука в техническом вузе: сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ижевск, 24–27 октября 2017 года. Ижевск, 2017. С. 322–327.
2. Ерастов Б. С. Цивилизационное устроение общества: универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002.
3. Adler, A. Social interest: A challenge to mankind. New York: Capricorn Books, 1964.
4. Rokeach, M. The Nature of Human Values. N.Y.: Free Press, 1973.
5. Арутюнова Н. Д. Наивные размышления о наивной картине языка. М.: Языки русской культуры, 2000.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
7. Леонтьев А. А. Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. М.: Наука, 1971.
8. Лурье С. В. Российский национальный проект: культурные «скрепы» и «сценарии» (из теории и практики) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. Вып. 1 (69). С. 44–50.
9. Стефаненко Т. Г. Этническая идентичность: от этнологии до социальной психологии // Вестник Московского университета. Психология. 2009. № 2. С. 3–17
10. Пищальникова В. А. История и теория психолингвистики. М.: Р. Валент, 2021.
11. Темницкий А. Л. Отношение к труду рабочих России и Германии: терминальное и инструментальное // Социологические исследования. 2005. Вып. 9 (257). С. 54–63.
12. Никонова А. Р. Австрийскость австрийцев: языковая объективация // Современные проблемы науки и образования. 2015. Вып. 1 (1). С. 1145.

REFERENCES

1. Khlopova, A. I. (2017). Various approaches to verbal diagnostics of the dynamics of basic values (using the basic value “work” as an example). Gumanitarnoe obrazovanie i nauka v tekhnicheskom vuze (pp. 322–327): sbornik dokladov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. 2017.
2. Erastov, B. S. (2002). Civilizacionnoe ustroenie obshchestva: universalii i samobytnost’ = Civilizational structure of society: universals and originality. Moscow: Nauka. (In Russ.)
3. Adler, A. (1964). Social interest: A challenge to mankind. New York: Capricorn Books.
4. Rokeach, M. (1973). The Nature of Human Values. N.Y.: Free Press.
5. Arutyunova, N. D. (2000). Naivnye razmyshleniya o naivnoj kartine yazyka = Naive reflections on a naive picture of language. Moscow: YAzyki russkoj kul’tury. (In Russ.)
6. Karasik, V. I. (2002). YAzykovoj krug: lichnost’, koncepty, diskurs = Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena. (In Russ.)

7. Leont'ev, A. A. (1971). Semanticheskaya struktura slova. Psiholingvisticheskie issledovaniya = Semantic structure of the word. Psycholinguistic research. Moscow: Nauka. (In Russ.).
8. Lur'e, S. V. (2016). Russian National Project: Cultural «Keep-Clips» and «Scripts» (Theory and Practice). The Bulletin of Moscow State university of culture and arts, 1 (69), 44–50.
9. Stefanenko, T. G. (2009). Ethnic Identity: From Ethnology to Social Psychology. Lomonosov Journal of Philology, 2, 3–17. (In Russ.)
10. Pishchal'nikova, V. A. (2021). Istoriya i teoriya psiholingvistiki = History and Theory of Psycholinguistics. Moscow: R. Valent. (In Russ.)
11. Temnickij, A. L. (2005).Workers attitudes to labor in Russia and Germany: the terminal and the instrumtntal. Sociological Studies, 2005, 9(257), 54–63.
12. Nikonova, A. R. (2015). Avstrijskost of the Austrians: linguistic objectivation. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya, 1(1), 1145. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хлопова Анна Игоревна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка
факультета немецкого языка
доцент кафедры общего и сравнительного языкознания
ведущий научный сотрудник лаборатории психолингвистики
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khlopova Anna Igorevna

PhD (Philology), Associate Professor
Associate Professor at the Department of German Lexicology and Stylistics
Faculty of the German language
Associate Professor at the Department of General and Comparative Linguistics
Leading Researcher
Laboratory of Psycholinguistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	10.12.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	28.12.2024	approved after reviewing
принята к публикации	23.01.2025	accepted for publication

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 3 (987)

Ответственные за выпуск
Н. Н. Германова
доктор филологических наук, профессор

Редактор В. А. Геронимус
Верстка: Г. П. Лопатина
Разработка макета: А. В. Алымов

Подписано в печать 31.03.2025
Усл. печ. л. 18,9
Формат 60x90/8
Заказ № 24/25

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2025

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

Network electronic scientific publication

VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 3(987)

Executive editors
Natalia N. Guermanova
Doctor of Philology (Dr. habil.), Professorr

Editor: Vasilii A. Geronimus
Layout: Galina P. Lopatina
Layout design: Andrei Alymov

Signed for print: 31.03.2025
Conventional printed sheets: 18,9
Layout format 60x90/8
Order 24/25

Address:
Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© FSBEI HE MSLU, 2025

Website domain name: vestnik-mslu.ru
Founder: FSBEI HE MSLU

The edition is registered June, 10, 2016, ЭЛ № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
5.9.2. Литературы народов мира
5.9.3. Теория литературы
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки)
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки)
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.10.1. Теория и история культуры, искусства
5.12.3. Междисциплинарные исследования

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».